А. Д. СКАЛДИНЪ

СТРАНСТВІЯ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ НИКОДИМА СТАРШАГО

К-ВО ФЕЛАНА

1917

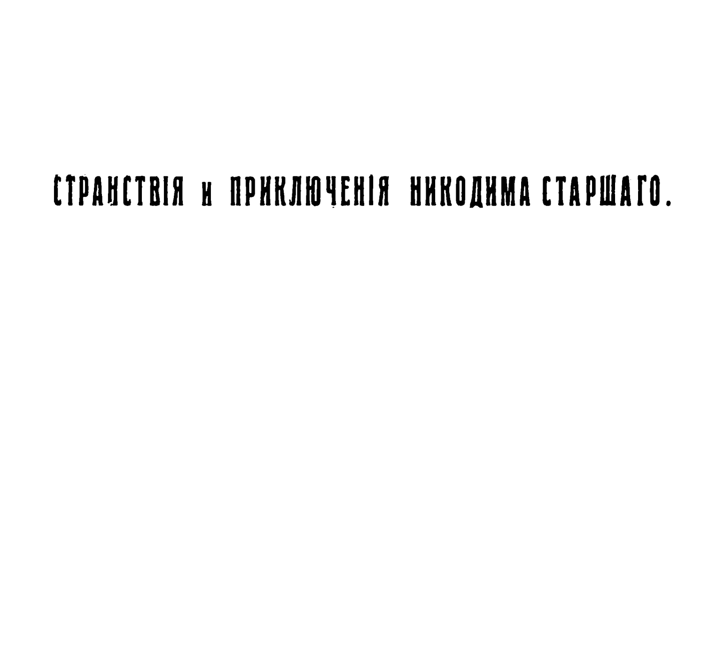
А. Скалдинъ

СТРАНСТВІЯ и ПРИКЛЮЧЕНІЯ НИКОДИМА СТАРШАГО

РОМАНЪ

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Тип. Изд. Т-ва „Т/д. М. П. Якушевъ и К°“, Невскій, 106.

СТРАНСТВІЯ и ПРИКЛЮЧЕНІЯ НИКОДИМА СТАРШАГО.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Старый ипатьевскій домъ, гдѣ обычно весною и лѣтомъ жила ихъ семья, стоялъ среди лѣсовъ и полей на горѣ, на берегу широкаго озера, часахъ въ десяти ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга. Густой, запущенный лѣсъ укрывалъ домъ и расположенныя близъ него службы; только къ озеру свѣтлѣло небольшое чистое пространство, да само озеро уходило широкою гладью, такою широкою, что другого берега его не было видно — какъ море.

Лѣсъ этотъ, древній и непроходимый, тянулся на большія пространства, но, подходя къ озеру, прорѣзался пашнями и сѣнокосными полянами, становился все живописнѣе и живописнѣе и особенно былъ красивъ на крутыхъ озерныхъ берегахъ

Имѣніе устраивали дѣды понемногу, а домъ усадебный былъ воздвигнутъ славнымъ зодчимъ временъ Александра Благословеннаго Изъ прадѣдовскихъ, впослѣдствіи разломанныхъ, хоромъ перевезли въ новыя тогда разную мебель и доселѣ она наполняла комнаты, рядомъ съ болѣе поздними вещами, поставленными смѣнявшимися поколѣніями.

Домъ состоялъ изъ двухъэтажной башни съ большими окнами въ первомъ этажѣ и малыми во второмъ и двухъ крыльевъ съ колоннадой; крылья охватывали вершину холма съ цвѣтникомъ,—будто огромная птица сѣла на крутизнѣ берега и глядѣла неподвижно за озеро. По вечерамъ ея грудь и крылья загорались рубинами: въ окнахъ отражалось пламя заката.

Весною, къ которой относится начало моего повѣствованія, въ домѣ перемѣнили старыя полусгнившія рамы и не успѣли еще окрасить новыя. Поэтому большая часть портьеръ и занавѣсей была снята, а свѣжее сосновое дерево распространяло въ комнатахъ сильный запахъ подъ горячими солнечными лучами, проникавщими въ домъ сквозь курчавыя верхушки сосенъ и топившими по каплямъ смолу изъ рамъ.

Мебель и украшенія въ домѣ воскрешали времена всѣхъ царей и царицъ, начиная съ Петра Великаго и кончая Николаемъ Павловичемъ

въ одной комнатѣ радовала глазъ и удивляла вдругъ обивка чудесной матеріи, въ рисунокъ которой забытые люди вложили очарованіе не нашего времени; въ другой неизмѣнно звучали куранты, изъ года въ годъ, уже болѣе столѣтія, торжественно и повелительно, навсегда подчинивъ домъ своему порядку; въ вестибюлѣ два бронзовыхъ генія передъ широкой мраморной лѣстницей взмахнули нѣкогда длинными крыльями, затрубили въ узкія длинногорлыя трубы и, затрубивъ, такъ и застыли на восьмиугольныхъ каменныхъ постаментахъ; въ столовой радужными огнями игралъ на горкахъ хрусталь: въ сквозной комнатѣ дробилось на стеклѣ и утреннее, и полуденное, и вечернее солнце и зайчики бѣгали по стѣнамъ; рдѣли розы и голубѣли незабудки на фарфорѣ; арапы въ бѣлыхъ тюрбанахъ и желтыхъ съ красными цвѣточками одеждахъ выглядывали изъ-за китайской лягушки—желтоглазой, съ зеленой спиной, покрытой звѣздообразными черными пятнышками и съ бѣлой грудью; лягушка, казалось, съ удивленіемъ раскрывала свой розовый ротъ на цѣлующуюся въ углу пару: даму въ голубомъ платьѣ на розово-сиреневой подкладкѣ и съ желтыми отворотами и кавалера въ красномъ кафтанѣ при лиловомъ жилетѣ и въ черныхъ панталонахъ; дальше китаянки, птицы, турчанки, звѣри, сатиры, собаки, дамы, миѳологическія

лица смѣшивались въ пеструю толпу, когда-то собранную, кѣмъ то разставленную и, правда, немного скучающую за стеклами.

Тяжелыя занавѣси синяго бархата висѣли на окнахъ столовой,—того синяго цвѣта, который такъ близокъ къ цвѣту неба въ ясный и жаркій полдень; изъ подъ нихъ выступали на половинѣ окна другія легкія занавѣски пѣнными волнами бѣлаго шелка.

Въ обширномъ залѣ издавна, по обычаю рода, плотный шелкъ наглухо закрывалъ окна и днемъ и ночью, чтобы солнце туда не проникало. Днемъ тамъ горѣла одинокая лампа въ углу и выступали въ полутьмѣ черныя и лиловыя полосы убранства зала—на мебели, на портьерахъ и на стѣнахъ; вечеромъ, иногда, загорались многочисленныя свѣчи въ огромныхъ люстрахъ изъ черной и свѣтлой бронзы: эти необыкновенныя люстры были гордостью рода: бронзовые чеканные кони обносили кругомъ ихъ тяжкія колесницы, факелоносцы изъ колесницъ пригибали долу факелы, и бронзовый дымъ отъ нихъ клубился и стлался въ причудливыхъ завиткахъ; виноградныя гроздья, перевязанныя лентами, свисали изъ подъ широкихъ разрѣзныхъ листьевъ; кудрявыя головы рѣзвыхъ эллинскихъ мальчиковъ чередовались съ переплетающимися парами змѣй, а на нихъ сверху взирали глаза Горгоны и струили свѣтъ звѣзды; зевесовъ же орелъ, когтя нетерпѣли-

выми лапами черный камень, вѣнчалъ все, напряженный, какъ бы готовящійся улетѣть прочь.

Вечеромъ, при огняхъ, выступали въ залѣ углы и выбѣгали оттуда тѣни и перебѣгали съ мѣста на мѣсто, будто стремясь отъ предмета къ предмету.

Въ одномъ изъ уютныхъ кабинетовъ, гдѣ покойный дѣдушка, бывало, просиживалъ за работой цѣлыми мѣсяцами, будто лукавя надъ призракомъ старика, заглядывали черезъ спинку петровскихъ креселъ, мягкихъ съ немного по смѣшному разбѣгающимися ножками два кудрявыхъ бронзовыхъ амура; дѣтская улыбка чертилась на ихъ неподвижныхъ губахъ—старая, но все живая.

Въ домѣ было много комнатъ: ихъ трудно перечислить и невозможно описать всѣ. Однако, нельзя забыть двѣ комнаты Никодима: онъ жилъ во второмъ этажѣ башни; изъ вестибюля туда вели двѣ легкія лѣстницы, а изъ комнатъ была дверь на крышу дома, куда Никодимъ выходилъ по вечерамъ часто и видѣлъ оттуда то, чего другіе снизу видѣть не могли.

Окна его кабинета были обращены къ западу, на озеро, а окна спальни на востокъ. Въ кабинетѣ возвышался рядъ полокъ съ книгами; серебристо-сѣрая матерія, съ пылающими

по ней между вѣнками изъ розъ факелами, показывала изъ-подъ своихъ складокъ разноцвѣтные корешки книгъ; за столомъ, передъ окнами и въ заднихъ углахъ комнаты стояли четыре большихъ, въ ростъ человѣка, подсвѣчника и въ каждомъ изъ нихъ было по семи свѣчей желтаго воску.

Въ спальнѣ кровать на львиныхъ лапахъ прикрывалась царскимъ пурпурнымъ покрываломъ, а на окнахъ висѣлъ только сквозной шитый тюль, чтобы утреннее солнце могло будить Никодима на восходѣ.

Отъ цвѣтника передъ домомъ каменныя обломанныя ступени уводили на желтый прибрежный песокъ и по веснѣ кудрявые кусты черемухи сыпали свои бѣлые цвѣты на каменный путь.

На башнѣ съ ранней весны до поздней осени развивался флагъ изъ двухъ фіолетовыхъ полосъ, заключавшихъ между собою третью—бѣлую. На зиму его свертывали и убирали: обыкновенно, и то и другое дѣлалъ самъ хозяинъ.

Гербъ же рода былъ такой: на серебряномъ полѣ французскаго щита пурпуровый столбъ, а на немъ въ верхней части остановившаяся золотая пятиконечная звѣзда, бросающая свой свѣтъ снопомъ къ подножію столба, гдѣ три геральдическія золотыя лиліи образуютъ треугольникъ; шлемъ съ пятью рѣшетинами,

простая дворянская корона, съ двумя черными крылами, выходящими изъ нея; наметъ акантовый, тоже пурпуровый, подложенный золотомъ, и девизъ гласящій: „Терпѣніе и вѣрность“.

Изъ обитателей дома старшею была мать: отецъ не жилъ съ семьею уже нѣсколько лѣтъ. Между нимъ и матерью легло что-то тяжелое, но что именно—дѣти не знали. Изрѣдка онъ писалъ дѣтямъ, но скупо, немногословно, видимо, вполнѣ довольный своимъ полумонастырскимъ одиночествомъ.

Строгія сухія черты лица Евгеніи Александровны, ея черное шелковое платье, тихая рѣчь, почти постоянное комканье платка въ рукахъ, гладко зачесанные волосы подъ широкополой шляпой, глаза чаще всего глядящіе въ землю, узкая рука въ старинныхъ кольцахъ—все вмѣстѣ создавало впечатлѣніе, что видишь очень родовитую барыню. Но внимательный взглядъ открывалъ въ ней что-то цыганское: дѣйствительно бабушка Евгеніи Александровны родилась отъ цыганки и только на воспитаніе была принята дворянской семьей.

Никодимъ унаслѣдовалъ отъ матери высокую стройную фигуру, тихую спокойную рѣчь и узкую руку.

Въ лицѣ у него цыганскаго не было: прозрачное, розовое, хотя и съ черными глазами, оно напоминало скорѣе лицо англичанки,

Старшая въ семьѣ дочь — Евлалія — дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ, съ большою темнорусой косой, сѣроглазая, пышнотѣлая очень походила на отца и обликомъ и движеніями.

Среди семьи она жила будто въ лѣсу, грустная, задумчивая, не стремясь никому разсказать о томъ, что съ нею и какія печали тревожатъ ее.

У нея были свои маленькія тайны. Если бы кто могъ прочесть ея дневники—узналъ, какъ ревниво она относилась къ этимъ тайнамъ.

Волненіе было ей не къ лицу и лицо даже иногда намѣренно старалось выразить большое спокойствіе: Евлалія носила особую прическу — будто вѣнцомъ вѣнчали ея лобъ волнистыя пряди темнорусыхъ волосъ.

Вторая сестра, Алевтина, подростокъ, болѣзненная отъ рожденія, черноволосая, казалась на первый взглядъ будто подслѣповатою, но была на рѣдкость зоркимъ человѣкомъ: то, мимо чего проходили десятки людей, не замѣчая, не могло ускользнуть отъ ея взгляда: постоянно находила она что-нибудь въ травѣ, въ кустахъ, въ камняхъ, въ прибрежномъ пескѣ. Она любила звѣрей, букашекъ и постоянно нянчилась съ ними.

Городской жизни она не переносила, но въ лѣсу вдругъ расцвѣтала, безъ видимой радости, какъ простенькій цвѣточекъ и жила ровно, спокойно, благодарная своей жизни.

Второй сынъ Евгеніи Александравны—Валентинъ, сильный, коренастый юноша лѣтъ двадцати, смуглый, работая безъ устали, велъ простой образъ жизни хорошаго сельскаго хозяина: вставалъ съ пѣтухами и уходилъ въ лѣсъ, на покосъ, на пашню, а иногда оставался тамъ и на ночь, грѣясь около костерка, разведеннаго гдѣ-нибудь подъ сосной, на опавшей скользкой хвоѣ, или подъ камнемъ на песчаномъ бугрѣ. Постоянно носилъ онъ ружье за плечами, но не для охоты (хотя иногда онъ настрѣливалъ дичи) и собака „Трубадуръ", обыкновенно, сопровождала его.

Любя уединеніе, Валентинъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и мастеромъ повеселиться: пѣлъ сильнымъ голосомъ деревенскія пѣсни и старинные романсы, плясалъ съ задоромъ въ кругу своихъ же рабочихъ, пилъ вмѣстѣ съ ними водку, послѣ чего становился совсѣмъ мягкимъ и привѣтливымъ.

Третій сынъ — тоже Никодимъ мальчикъ лѣтъ десяти, выросшій отъ старшихъ дѣтей отдѣльно, безъ игръ, безъ дружбы, былъ изнѣженъ, хрупокъ, бездѣятеленъ и съ трудомъ одолѣвалъ ученье. Съ младенчества его считали нежизнеспособнымъ, а Никодимъ-старшій даже какъ-то сказалъ о немъ однажды, что онъ, въ сущности, не сынъ Евгеніи Александровны, а племянникъ и лишь по ошибкѣ родился отъ нея, а не отъ тетушки Александры

Александровны и потому лишь его смогли назвать также Никодимомъ.

Никодимъ-старшій сказалъ это въ шутку, разумѣется, но, однако, кличка „племянникъ“ осталась за Никодимомъ-младшимъ навсегда.

ГЛАВА I.

Французская новелла.— Подслушанныя слова.

Евгенія Александровна и Евлалія были уже въ столовой, когда Никодимъ-старшій вошелъ туда поутру. Мать въ задумчивости побрякивала ложечкой въ стаканѣ, а Евлалія, склонившись надъ пяльцами, быстро работала иглой. На сестрѣ было легкое утреннее платье апельсиннаго цвѣта съ широкими разрѣзными рукавами, спадавшими съ рукъ; круглыя ямочки, на сгибахъ полныхъ обнаженныхъ рукъ ея, привлекли вниманіе Никодима. Но, конечно, не о рукахъ сестры думалъ онъ: онѣ только напомнили ему другія, похожія руки и нѣжное имя: Ирина. Мысли его вдругъ приняли довольно шаловливый оттѣнокъ, Ирина предстала предъ нимъ еще яснѣе, но, поймавъ себя на своей шаловливости, онъ рѣшительно застыдился, густо покраснѣлъ и отвернулся отъ сестры.

— А знаешь, мама,—вдругъ прервала общее молчаніе Евлалія: я сегодня во снѣ видѣла двухъ негровъ: они проѣхали мимо нашего дома въ автомобилѣ и раскланялись съ нами.

Евгенія Александровна улыбнулась и переспросила: „негровъ?“.

Въ столовую съ шумомъ вбѣжали Алевтина и младшій Никодимъ и сонъ остался неразсказаннымъ. Однако, Никодимъ не забылъ о снѣ и рѣшилъ напомнить о немъ Евлаліи, когда всѣ разойдутся. Но Евлалія вышла изъ столовой, противъ своего обыкновенія, первая. Никодимъ тотчасъ-же направился за нею слѣдомъ. Онъ нашелъ сестру уже въ ея комнатѣ, сидящею на диванѣ у столика, въ напряженной задумчивости. На столикѣ въ высокой и узкой вазѣ зеленаго стекла стояла раскидистая вѣтка цвѣтущей черемухи. Бѣлыя гроздья цвѣтовъ повисали и сыпали бѣлые лепестки на полированную зеркальность стола, отражавшую стеклянный блескъ вазы, и на диванъ и на полъ, и на темные волосы Евлаліи и на ея яркое платье. Растеніе развѣтвлялось натрое и всѣ три вѣтви, разной длины, изгибались причудливо, глядя въ высь и поднимая пышныя гроздья—будто три руки простерлись разбросать цвѣтъ, но медлили, а цвѣтъ не ждалъ и сыпался самъ отъ избытка... Горькій запахъ растенія чувствовался въ комнатѣ остро и щекоталъ горло.

Евлалія сразу поняла, зачѣмъ пришелъ Никодимъ и, поведя медленно взглядомъ, сказала:

— Какъ я тебя знаю! Какъ я хорошо тебя знаю! но успокойся: разсказывать нечего—подробностей я не помню почти никакихъ. Съ неграми въ автомобилѣ была еще дама въ черномъ и только. И дама и негры появились изъ французской новеллы. Вотъ!

Она протянула ему раскрытую книжку французскаго журнала.

— Я прочитала ее на ночь. Посмотри.

Онъ взялъ книгу и пробѣжалъ новеллу глазами.

Въ ней разсказывалась исторія любовнаго похищенія дамы—романтической Адріенъ, носившей черныя платья и волновавшей всѣхъ окружающихъ своею загадочностью. Какъ и все въ новеллѣ—похищеніе было обставлено необыкновенными дѣйствіями: Адріенъ передъ полуночью дремала у себя на терассѣ въ широкомъ спокойномъ креслѣ, закутавшись теплою шалью, а два негра, одѣтые по европейски, подъѣхали къ цвѣтнику въ автомобилѣ и безшумно проскользнули ко входу; одинъ изъ нихъ появился на терассѣ, другой остался снаружи.

— Madame, сказалъ негръ негромко, извольте слѣдовать за мною.

Послѣ того между ними тянулся длинный разговоръ: она противилась и говорила, что

не поѣдетъ; пріѣхавшій былъ невозмутимъ и настаивалъ на своемъ. Наконецъ, ожидавшему у входа показалось, что разговоръ слишкомъ затягивается; ухватившись за парапетъ терассы цѣпкими крючковатыми пальцами, онъ приподнялся на рукахъ настолько, чтобы заглянуть на терассу, причемъ глаза его сверкнули бѣлками (все это авторъ старался подчеркнуть) и сказалъ негромко, но рѣшительно: „если сопротивляется—возьмите силой“. Первый подхватилъ женщину на руки и быстро вынесъ ее, уже потерявшую сознаніе отъ испуга. Пріѣзжавшихъ никто не замѣтилъ: они исчезли со своею добычею осторожно, какъ кошки.

Пока Никодимъ читалъ, Евлалія старалась что-то припомнить. „Я въ своей жизни видѣла однажды двухъ негровъ сразу“, сказала она, когда онъ кончилъ чтеніе: мнѣ почему то кажется, что это было въ Духовъ день... да... мы жили, помнишь въ городѣ, надъ озеромъ и мнѣ было лѣтъ десять. Я не знаю, что случилось со мною тогда—будто праздникъ какой для меня, я надѣла свѣтлое платье, новые чулки и туфли, которые мнѣ такъ нравились, и пошла, совсѣмъ не зная куда и зачѣмъ. Просто пошла, какъ гулять: сначала по городу, потомъ мимо дачъ и къ лѣсу. Мнѣ было очень весело, я подпрыгивала на ходу, я пѣла и хотѣла танцевать. И вдругъ вспомнила, что уже поздній часъ и я опоздала къ обѣду, что

мама будетъ искать меня и безпокоиться, а я зашла очень далеко. И повернулась, чтобы бѣжать домой... И вижу, что на углу у забора стоятъ два негра и смотрятъ на меня. Я страшно перепугалась и просто ногъ подъ собой не чувствовала, пока бѣжала обратно".

— Ну что же такое... негры, укоризненно замѣтилъ Никодимъ.

— Да, конечно, это было глупо. Но я не люблю негровъ, отвѣтила Евлалія.

Никодимъ постоялъ еще немного въ раздумьѣ и нерѣшительности и сказавъ: „я пойду", вышелъ. Но въ головѣ у него осталось воспоминаніе о романтической „дамѣ въ черномъ", а новелла ему показалась глупой и непріятной. Именемъ „черной дамы" онъ привыкъ называть для себя свою мать, иногда въ шутку, но чаще вполнѣ серьезно, вкладывая въ это горькій, ему одному понятный смыслъ.

Боковой дверью корридора Никодимъ вышелъ изъ дому и пошелъ по направленію къ огороду, совершенно занятый своими мыслями. Между грядъ онъ почти наткнулся на мать, но Евгенія Александровна не замѣтила сына. Наклонившись надъ грядкой, она выщипывала рѣдкую весеннюю траву и шептала что-то быстро и страстно. Никодимъ, какъ воръ, подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ и стараясь не нашумѣть, прислушался.

Она говорила: „я понимаю, что мнѣ нужно

уйти... я понимаю... Я уйду... все равно я уже ушла...“

Никодимъ отшатнулся въ испугѣ и изумленіи и неслышно, за кустами орѣшника, черезъ калитку, вышелъ изъ огорода въ поле.

Онъ совершенно не зналъ, что думать о словахъ матери и какъ понимать ихъ.

ГЛАВА II.

Безпокойство Трубадура.—Тѣни надъ полями.

Трубадуръ — любимая собака Валентина былъ ирландскимъ сеттеромъ, хорошей крови. О замысловатыхъ продѣлкахъ его существовало въ семьѣ много разсказовъ. И вотъ этотъ проницательнѣйшій и умнѣйшій песъ все утро передъ кофе, затѣмъ во время разговоровъ между Евгеніей Александровной, Евлаліей и Никодимомъ и послѣ, когда Никодимъ уже вышелъ изъ огорода и, пораженный до крайности словами матери, пробирался лѣсомъ, — проявлялъ сильное и все возрастающее безпокойство.

Безпокоился онъ не изъ-за разговоровъ. Трубадуръ самъ не понималъ въ чемъ дѣло, но его носъ ощутилъ вблизи дома необыкновенные запахи; они то были еле замѣтны, то вдругъ усиливались чрезвычайно. Наконецъ, собака не выдержала и завыла отъ тоски и

неопредѣленности. Конюхъ, стоявшій въ воротахъ, прикрикнулъ на нее, но Трубадуръ только укоризненно взглянулъ:—онъ вообще презиралъ этого человѣка,—и, проскочивъ мимо него, выбѣжалъ за ворота. Постоявъ нѣсколько мгновеній среди проѣзжей дороги, онъ молча повелъ носомъ сначала вправо, потомъ влѣво и затѣмъ, рѣзвой рысцой побѣжалъ напрямикъ отъ дома къ засѣяннымъ полямъ.

Крутою тропинкой взобрался онъ на ближайшій бугоръ. Свѣтло-зеленая нѣжная озимь чуть-чуть волновалась отъ вѣтра. Тропинка ложилась по краю бугра, мимо ржи.

По ней бѣжалъ Трубадуръ, къ молодому липняку, что поднимался густой нестройной купой рядомъ съ тропинкой, тамъ, гдѣ она поворачивала влѣво.

Здѣсь, между двухъ засѣянныхъ полей, пересѣкая бугоръ, оставалась неширокая полоса, когда-то паханной, но потомъ заброшенной земли. И кто-то совсѣмъ недавно четыре раза прошелъ по ней плугомъ, взрѣзавъ дернъ, развернувшійся свѣжими сочными пластами. Сначала, едва касаясь земли лезвіемъ плуга, рука повела его на верхъ, по направленію къ круглому камню, возвышавшемуся въ концѣ полосы; чѣмъ дальше шелъ плугъ, тѣмъ шире становился поднимаемый пластъ, но у середины пути, рука высвободила лезвіе,—оно едва прочертило землю

на разстояніи нѣсколькихъ саженъ — и, не доходя камня, плугъ круто повернули обратно. Новый пластъ, такой-же какъ и, первый, сначала узкій и торчащій на ребрѣ, потомъ уширивающійся и снова суживающійся, протянулся къ низу; выйдя на тропинку, пахарь еще разъ повернулъ и, поднявшись опять къ камню, откинулъ третій пластъ въ сторону отъ первыхъ двухъ и, обогнувъ круглый камень, позади котораго росли цѣпкіе, колючіе кусты шиповника, спустился къ тропинкѣ уже другою стороною.

На эти борозды и свернулъ Трубадуръ, пробѣжалъ вдоль ихъ, все время фыркая и вскидывая тонкими ушами остановился у камня, поднялъ носъ кверху и опять взвылъ. Видимо слѣдъ пропадалъ, будто уходя въ воздухъ. Недовольный, медленнымъ шагомъ направился Трубадуръ домой.

Никодимъ вскорѣ вернулся изъ лѣсу и, пообѣдавъ торопливо, опять ушелъ. Когда онъ возвращался вторично, вечеромъ, Трубадуръ лежалъ подлѣ курятника, вытянувъ переднія лапы и положивъ на нихъ голову. Потягиваясь, собака поднялась навстрѣчу хозяину и лѣнивымъ шагомъ подошла къ Никодиму; тотъ ласково погладилъ ее, но она не выказала радости. Никодимъ пошелъ къ себѣ, наверхъ— Трубадуръ за нимъ. Когда они поднимались по винтовой лѣстницѣ и въ уровень съ лицомъ

Никодима оказался незадернутый занавѣсью верхъ башеннаго окна, Никодимъ увидѣлъ озеро, солнце, близкое къ горизонту, гладкій песчаный берегъ, а на берегу высокаго человѣка, въ рейтузахъ, охотничьей курткѣ и шляпѣ съ перомъ. Человѣкъ тотъ, заложивъ руки въ карманы куртки и держа голову впередъ, видимо что-то наблюдая, большими шагами преодолѣвалъ пространство. Никодиму случайный гость показался и занимательнымъ и будто знакомымъ; тогда онъ поспѣшилъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы посмотрѣть, куда пойдетъ незнакомецъ и что онъ будетъ дѣлать; Трубадуръ, потявкивая, тоже прибавилъ шагу. Но когда Никодимъ, отодвинувъ занавѣску, распахнулъ свое окно—незнакомца на берегу уже не было. Это скорое исчезновеніе показалось Никодиму страннымъ (на берегу не виднѣлось кустовъ или камней, за которыми могъ бы укрыться прохожій), онъ постоялъ въ нерѣшительности, потомъ прошелъ черезъ кабинетъ и вмѣстѣ съ Трубадуромъ вышелъ на крышу дома. Съ крыши далеко и многое было видно: между бугромъ, по которому днемъ бѣгалъ Трубадуръ и другими, далекими, тоже распаханными буграми, темнѣли лощины, заросшія густымъ сосновымъ лѣсомъ, но сверху, съ крыши дома, стоявшаго на холмѣ, то былъ не лѣсъ, а казалось, что темно-зеленыя съ синью клубящіяся облака-

тучи выходили изъ расщелинъ земли—только кудрявыя верхушки—и синеватый, едва замѣтный, дымокъ струился отъ нихъ на поля и къ озеру. Солнце красными лучами сіяло на зелени и гдѣ дымокъ пронизывался лучемъ—онъ становился багровымъ.

Никодимъ долго и сосредоточенно глядѣлъ на эти синеватыя тучи: глазу становилось спокойно отъ нихъ и радостно. Потомъ взоръ его медленно перешелъ отъ лощины къ бугру, отъ лѣса къ засѣянному полю и уловилъ на немъ медленно проходящія полосы, слѣва направо,—неясныя тѣни. Вглядываясь, онъ замѣтилъ, что тѣни эти доходили сначала только до той полосы, которая оставалась среди бугра нераспаханной, вѣрнѣе до тѣхъ бороздъ, что прорѣзалъ на ней плугъ. Здѣсь тѣни надламывались у круглаго камня, обросшаго шиповникомъ, верхняя часть ихъ исчезала, будто уходя въ высь, и вся тѣнь какъ бы пропадала въ землѣ, тонула въ ней. Черезъ четверть минуты, однако, она возникала вновь и, откатываясь, уходила за склонъ. И новыя возникали слѣва, въ строгой послѣдовательности: одна, другая, третья... одна, другая, третья... и снова—на зелени поля будто проходящіе ряды волнъ.

Трубадуръ вытянулся въ струнку и, стоя на самомъ краю крыши, напряженно смотрѣлъ туда же.

Вдругъ Никодиму припомнилось, что подобныя тѣни онъ уже видѣлъ. Только не здѣсь, а въ маленькомъ городкѣ, гдѣ они живали иногда по зимамъ и о которомъ сегодня вспоминала Евлалія: пожалуй, когда ему было лѣтъ семь-восемь. Выздоравливая послѣ долгой болѣзни, лежалъ онъ днемъ въ своей постели, а рядомъ въ комнатѣ, гдѣ стояла рождественская елка, разговаривали отецъ съ матерью: слова еле доносились и разобрать ихъ было нельзя. Возлѣ Никодима сидѣла Евлалія и разбирала игрушки; онъ же глядѣлъ въ потолокъ изсиня-бѣлый—отъ дневного ли зимняго неба или отъ снѣга, запорошившаго въ ночь торговую площадь передъ домомъ. А по потолку проходили непонятныя тѣни, полосами—одна, другая, третья. Черезъ минуту снова. Онъ сначала подумалъ: что это за тѣни? откуда? а потомъ, смѣясь сталъ называть ихъ человѣческими именами и сказалъ Евлаліи: „посмотри". Она тоже вскинула глаза къ потолку и какъ-то по догадкѣ соглашаясь съ Никодимомъ заявила: „это люди" Послѣ еще не разъ они съ Евлаліей смотрѣли на эти дневныя тѣни, играя въ ту же игру, т. е. превращая ихъ въ людей.

Мысли Никодима незамѣтно для него обратились къ прошлому. Онъ понемногу вспоминалъ весь городокъ, въ которомъ они жили, домъ за домомъ, улицу за улицей,—ихъ домъ,

садъ надъ озеромъ, озеро и кошку Машку, красивую, сухую, сильную, такъ привязанную къ ихъ семьѣ, и даже вслухъ позвалъ ее:

„Машка! Машка!“

Трубадуръ подпрыгнулъ при этихъ словахъ: „Ну что, Трубадуръ“, вопросительно обратился къ нему Никодимъ: „не пора ли тебѣ отправляться спать?“. Собака вильнула хвостомъ. „Ну иди, иди!“ Трубадуръ подошелъ къ двери и остановился, дожидаясь, чтобы ему отворили ее. Никодимъ отворилъ дверь, вошелъ вслѣдъ за собакой въ кабинетъ и усмѣхнулся глядя, съ какой неохотой Трубадуръ сталъ спускаться по лѣстницѣ, виляя задомъ.

Когда же Никодимъ вторично вышелъ на крышу и взглянулъ опять на поле,—онъ не увидѣлъ тамъ тѣней. Солнце уже подошло тогда вплотную къ дневной чертѣ и своимъ горячимъ краемъ задѣвало воду, а вода тихая и прозрачная загоралась отъ горизонта.

Изъ низинъ выползали заволакивающіе туманы. И въ деревенскомъ покоѣ, въ отдаленьи, погромыхивала крестьянская телѣжка.

ГЛАВА III.

О двухъ аѳонскихъ монахахъ и о трехъ тысячахъ чудовищъ.

Никодимъ почти не спалъ по ночамъ. Сонъ являлся къ нему подъ утро, а до утра Нико-

димъ или работалъ или ходилъ изъ комнаты въ комнату, отъ окна къ окну и научился быть тише мышей. Никого не безпокоя, возникалъ онъ въ комнатахъ тѣнью и, какъ тѣнь, исчезалъ.

Но въ эту ночь, вернувшись къ себѣ черезъ полчаса послѣ захода солнца, онъ, противъ обыкновенія, легъ рано и спалъ до утра крѣпко и спокойно. Проснулся же, услышавъ чужіе шаги по лѣстницѣ къ себѣ, наверхъ. Еще не придя въ себя послѣ прерваннаго сна, онъ увидѣлъ, что кто-то пытается отворить дверь въ спальню. Она растворилась порывисто, и въ комнату вошелъ монахъ, захлопнувъ створки за собой, но онѣ сейчасъ же отскочили, будто на пружинѣ, и вслѣдъ за первымъ монахомъ въ спальнѣ появился второй. Первый былъ чернобородый, а второй очень свѣтловолосый.

Что онъ зналъ обоихъ монаховъ и не разъ встрѣчалъ ихъ гдѣ то—Никодимъ припомнилъ сразу, но отъ неожиданности и послѣ сна никакъ не могъ дать себѣ отчета, когда и гдѣ онъ ихъ видѣлъ. Онъ хотѣлъ припомнить ихъ имена, но тщетно.

Въ недоумѣніи Никодимъ сѣлъ на кровати. Монахи же, войдя, сразу попали въ полосу солнечнаго свѣта и Никодимъ могъ разглядѣть ихъ хорошо. Чернобородый былъ силенъ, съ крупнымъ тѣломъ и рѣзко очерченными линіями лица. Движенія его были спокойны:

онъ, видимо, зналъ свою силу и чувствовалъ ее. Второй—высокій, худой и даже костлявый, съ клинообразной бородкой, рѣдкой и раздерганной, съ глазами блѣдными, совсѣмъ выцвѣтшими, — былъ изъ числа тѣхъ, кого люди, обыкновенно, не замѣчаютъ, и кто даже при близкомъ знакомствѣ съ ними плохо остается въ памяти—лишь когда онъ стоитъ передъ вами, можете составить себѣ понятіе объ его фигурѣ, цвѣтѣ волосъ и глазъ, о движеніяхъ.

Недоумѣніе Никодима и молчаніе продолжались недолго: первый монахъ, осѣнивъ себя широкимъ крестомъ и постукивая подкованными сапогами, подошелъ къ Никодимовой кровати, откашлянулъ и заговорилъ тяжелымъ, но ласковымъ басомъ:

— Здравствуйте, Никодимъ Михайловичъ,— сказалъ онъ,—мы потому осмѣлились зайти къ вамъ въ такое неурочное время, что знали вашъ обычай не спать по ночамъ. Вы на насъ частенько изъ окошечка поглядывали.

Только тогда Никодимъ припомнилъ, какіе это монахи и что они дѣйствительно не разъ проходили по утрамъ передъ домомъ.

— Какъ васъ зовутъ, братья? — спросилъ Никодимъ вмѣсто отвѣта.

— Меня зовутъ Арсеніемъ, отвѣтилъ чернобородый, а брата моего любезнаго Мисаиломъ. Съ Аѳона оба мы. Только изгнаны от-

т҃уда̀ за̀ пра́вду, имени Христо́ва ради. Бла́женны есте, егда поносятъ вамъ...

Второй слабымъ голосомъ изъ-за спины перваго отозвался: „Господи Іисусе Христе, Сыне Бо́жій, помилуй мя. И не даждь мнѣ вознести хулу на врага...

— Такъ зачѣмъ же вы, братіе, пожаловали?—спросилъ ихъ Никодимъ.

— Съ просьбой къ вамъ, Никодимъ Михайловичъ. Разрѣшите,когда понадобится,переночевать у васъ въ рабочей избѣ: она, вѣдь, все равно пустая стоитъ.

И съ этими словами Арсеній подошелъ къ Никодимовой кровати и присѣлъ на краешекъ, не прося позволенія, а Мисаилъ сталъ въ изголовьи.

Никодимъ почувствовалъ себя оттого очень неудобно: онъ зналъ ихъ братское правило спать не раздѣваясь,—самъ же лежалъ безъ рубашки, только прикрывшись простынею. Поспѣшно натянулъ онъ простыню на себя и обернулся ею, отодвинувшись вмѣстѣ съ тѣмъ къ стѣнкѣ, подальше отъ монаха. Но тотъ не обращая на все это и малѣйшаго вниманія, положилъ Никодиму на грудь свою загорѣлую коричневую руку и продолжалъ говорить ласково и увѣщательно:

— Жалко мнѣ, Никодимъ Михайловичъ, васъ. Томитесь вы все по ночамъ и большой вамъ оттого душевный ущербъ. Вы лучше

молились бы. Спать то, конечно, человѣку немного надо. Отъ распущенности душевной люди по десяти часовъ спятъ, но мучиться не спавши тоже нехорошо. Если ужъ не спишь, то молись.

— Будто маятникъ какой ходите, добавилъ Мисаилъ голосомъ еще болѣе слабымъ, чѣмъ въ первый разъ.

Но Никодимъ на ихъ слова въ глубинѣ души обидѣлся, и покачавъ головою, возразилъ:

— Я знаю, что нужно. Но не хочется молиться. Все думаешь, думаешь безъ конца. И хочется только перестать думать.

— Умереть то есть? Да вы не обижайтесь, Никодимъ Михайловичъ, попросилъ Арсенiй съ кротостью.

— Нѣтъ, я не обижаюсь,—снова качая головою, отвѣтилъ Никодимъ.—Избой же пользуйтесь, когда вамъ понадобится, и дѣлайте въ ней, что хотите.

Арсенiй, помолчалъ съ минуту, какъ бы раздумывая о чемъ-то, а потомъ сказавъ: „Спасибо. Вы спите спокойно и простите, что мы васъ побезпокоили и вашъ сонъ прервали",—направился къ выходу. Мисаилъ пошелъ за нимъ слѣдомъ, опустивъ глаза долу.

Сонъ вернулся къ Никодиму мгновенно и онъ даже не слышалъ, какъ монахи сошли внизъ.

Проснулся Никодимъ поздно — было не

менѣе одиннадцати часовъ утра. Первая мысль его была о монахахъ. Прямо съ постели онъ подскочилъ къ окну, чтобы посмотрѣть на рабочую избу. День стоялъ жаркій, ярко солнечный, двери и окна въ избѣ были растворены настежь такъ, что всю ее можно было видѣть насквозь, но монаховъ тамъ, повидимому, не было.

За день онъ еще разъ вспомнилъ ихъ, но потомъ забылъ совсѣмъ...

Мимо дома съ западной стороны, пролегала проѣзжая дорога, а рядомъ съ нею бѣжала тропинка, то приближаясь почти вплотную къ дорогѣ, то уходя за кусты и деревья въ лѣсъ; она раздваивалась тамъ и тутъ, чтобы обогнуть кусты малины и ольхи, и вновь сходилась гдѣ нибудь подъ сосной, на опавшихъ сосновыхъ иглахъ. По ней ходили немного и она, оставаясь незатоптанной, выглядѣла нечеловѣческой, а звѣриной осторожною тропой. Тонкая непримятая травка рѣдкими кустиками проростала по ней и рядомъ черника розовѣла цвѣтами, или прятала подъ свои жесткіе листья синеватыя ягоды.

Въ одиннадцать часовъ ночи того же дня, стоя у раскрытаго окна своей спальни, Никодимъ на этой тропинкѣ увидѣлъ нѣсколько странныхъ человѣческихъ фигуръ. Было темно и онѣ мелькнули сперва тѣнями, но зрѣніе его вдругъ обострилось необычно и онъ не

только могъ хорошо ихъ разсмотрѣть, но и увидѣлъ, что изъ лѣсу за ними идутъ десятки и сотни во всемъ имъ подобныхъ.

Онъ сразу назвалъ ихъ чудовищами и мысленно опредѣлилъ ихъ число. Сосчитать, разумѣется, точно нельзя было, но опредѣленно и настойчиво кто-то подсказывалъ ему что ихъ три тысячи.

Собственно, они не были чудовищами или уродами. Всѣ члены ихъ тѣла казались обыкновенными человѣческими и обращали на себя вниманіе только будто нарочно подчеркнутыя грубость формъ и неслитость ихъ: и носъ, и уши, и голова, и ноги и руки словно не срощены были, а сложены и склеены только: казалось, возьми носъ или руку у одного изъ нихъ и обмѣни съ другимъ—никто этого не замѣтитъ и ничего оттого ни въ одномъ не измѣнится.

Утромъ, на солнечномъ восходѣ они прошли обратно. И тогда Никодимъ уже совсѣмъ хорошо разсмотрѣлъ ихъ и первое впечатлѣніе отъ появившихся у него осталось. Онъ только замѣтилъ еще, что у двоихъ, шедшихъ впереди, были отмѣтки на лицахъ, въ видѣ черныхъ пятенъ почти во всю правую щеку—и эти то отмѣтки дѣйствительно уродовали ихъ до жути. Болѣе всего, однако, они походили на фабричныхъ рабочихъ.

Появленіе ихъ было для него совершенно необъяснимо. Можно было, конечно, выйти къ

нимъ и спросить ихъ, куда они идутъ, но изъ гордости Никодимъ не сдѣлалъ этого, сказавъ себѣ: „какое мнѣ дѣло спрашивать? Пусть идутъ, куда хотятъ и зачѣмъ хотятъ“

И они стали проходить каждую ночь и каждое утро. Ночью шли, разговаривая шепоткомъ, иногда чуть слышно подхихикивая, съ непріятными ужимками; обратно—сосредоточенно, молчаливо, не глядя другъ на друга, и въ этомъ молчаливомъ прохожденіи (потому ли, что солнце, обыкновенно, по утрамъ проглядывало сквозь деревья) было похожее на то, какъ послѣ ночного дождя, по утреннему лазурному небу, вѣтеръ, неощутимый внизу, угоняетъ вдаль отставшіе обрывки тучъ.

Никодимъ всматривался и наблюдалъ за ними. Нѣсколько разъ съ часами въ рукахъ пропускалъ онъ ихъ мимо себя и всегда выходило на это около часу.

Однажды, спустя, пожалуй, три недѣли, послѣ ночного посѣщенія монаховъ, утромъ Никодимъ увидѣлъ, что слѣдомъ за чудовищами, въ отдаленіи не больше тридцати шаговъ появились тѣ же два монаха. Онъ постучалъ имъ въ окно, но они, дѣлая знаки не шумѣть, внимательно и осторожно прошли за чудовищами.

ГЛАВА IV.

Головы монаховъ.—Тревожный день.

Но и на этотъ разъ онъ забылъ о монахахъ. Однако, смутное чувство необходимости что то припомнить осталось въ душѣ Никодима. Цѣлый день онъ томился своимъ чувствомъ. Уже наступила ночь, запахли въ саду сильнѣе кусты жасмина и сирени, потянуло въ раскрытыя окна влажнымъ разогрѣтымъ воздухомъ; вотъ показались и прошли чудовища, какъ вчера, какъ третьяго и четвертаго дня; вотъ проиграли куранты полночь, и скоро первый часъ новаго дня скатился; дальше побѣжали минуты и ночное тепло смѣнилось уже утренней прохладой отъ остывшихъ луговъ и полей,—а Никодимъ все стоялъ въ спальнѣ передъ окномъ и старался припомнить...

Потомъ медленно сошелъ внизъ, въ гостиную и тамъ на диванѣ увидѣлъ мать. Сначала онъ не понялъ, зачѣмъ Евгенія Александровна очутилась въ гостиной въ это неурочное время, но сейчасъ же замѣтилъ, что она спитъ полулежа и не раздѣвшись. Ее послѣднее время тоже мучила безсонница и дремота только что пришла къ ней.

Никодимъ остановился передъ диваномъ и сосредоточенно принялся разсматривать черты

лица Евгеніи Александровны—такія знакомыя и такія чужія вмѣстѣ (какъ онъ это раздѣленіе почувствовалъ въ ту минуту!).

Губы ея, узкія, причудливо очерченныя, были плотно сжаты, но въ нихъ затаилась какъ бы темная усмѣшка; тонкія ноздри даже и во снѣ оставались напряженными, а приподнятыя брови, похожія на то, какъ писали ихъ на древнихъ русско-византійскихъ иконахъ, придавали всему лицу вопросительное выраженіе. Но странно: лицо и руки, на фонѣ темнаго платья, настойчиво отдѣлялись отъ ихъ обладательницы и отъ упорнаго разсматриванія ихъ все заколебалось въ глазахъ Никодима и, заколебавшись, стало раздѣляться на вещи и вещи: платье Евгеніи Александровны, ея ботинки, диванъ, картина надъ диваномъ, два бра по сторонамъ картины, близстоящее кресло—смѣшиваясь безпорядочно, поплыли въ сторону, въ открывшійся провалъ, а лицо и руки матери стали приближаться, приближаться... Чтобы вывести себя изъ этого состоянія, Никодимъ закрылъ глаза рукой.

Когда черезъ полминуты онъ открылъ ихъ—равновѣсіе окружающаго уже возстановилось и Никодимъ принялся мѣрить шагами комнату изъ угла въ уголъ, безъ счету разъ, безшумно, плавно. Такъ расхаживая, обратился онъ безсознательно въ сторону оконъ, задернутыхъ занавѣсками. На одномъ изъ

нихъ, посрединѣ, синій кусокъ матеріи плохо пришпиленный, оторвался съ угла и повисъ, пропуская въ комнату солнечные лучи и открывая, вмѣстѣ съ частью проѣзжей дороги и тропинки, по которой ходили чудовища, видъ на рабочій домъ.

Домъ былъ съ мезониномъ, но, по причудѣ строителя, ходъ на мезонинъ былъ устроенъ не изнутри, а снаружи, по лѣстницѣ, для устойчивости прислоненной къ старой, корявой, засохшей и съ полуобрубленными сучьями соснѣ, торчавшей рядомъ съ домомъ. Въ мезонинѣ было только одно оконце.

Евгенія Александровна проснулась отъ рѣзкаго и отрывистаго крика Никодима, крика, полнаго ужаса. Приподнявшись на диванѣ, она, испуганная и недоумѣвающая, принялась спрашивать Никодима: „что? что?“ но Никодимъ, не отвѣчалъ, и, полуотшатнувшись отъ окна, упорно глядѣлъ за стекло, на рабочую избу.

Тамъ, на лѣстницѣ на ступенькѣ, приходившейся посрединѣ, стояла голова отца Арсенія, отрѣзанная отъ туловища, видимо, съ одного удара; губы ея были плотно сжаты, а глаза зажмурены. Окно мезонина было растворено и на подоконникѣ лежала голова отца Мисаила: у ней глаза были закачены, а отъ шеи свѣшивался кусокъ кожи, содранной угломъ съ груди.

Евгенія Александровна подбѣжавъ къ окну

тоже вскрикнула, но не потому, что увидѣла мертвыя головы,—нѣтъ! Изъ-за куста, на повоpотѣ тропинки показался первый изъ возвращающихся чудовищъ.

По обыкновенію, первый изъ нихъ несъ на своемъ лицѣ странный и вмѣстѣ простой знакъ—кусочекъ чернаго англійскаго пластыря, наклеенный на носъ и казалось, что носъ его былъ пораженъ дурной болѣзнью—такой маленькій, приплюснутый и смѣшной. На крикъ Евгеніи Александровны этотъ первый поднялъ глаза и посмотрѣлъ на нее упорно пустымъ и насквозь проходящимъ взглядомъ. Никодимъ замѣтилъ его взглядъ сразу и сердце Никодимово вдругъ сжалось отъ боли такъ, что онъ невольно ухватился рукой за грудь.

Но поднявшій глаза опустилъ ихъ и прошелъ мимо, вмѣстѣ съ другими. Въ комнатѣ же появились, разбуженные криками Евлалія и Валентинъ, и вмѣстѣ съ ними прислуга и еще нѣсколько человѣкъ гостей, случайно остававшихся ночевать въ имѣніи. Странный и необычный видъ проходящихъ захватилъ и ихъ; вмѣстѣ съ Никодимомъ и Евгеніей Александровной стали они передъ окномъ и смотрѣли неподвижно и долго (вѣдь на прохожденіе трехъ тысячъ требовалось времени около часу).

Лишь когда прошли послѣдніе и необъяснимое впечатлѣніе отъ нихъ стало разсѣиваться,—

прибѣжавшіе увидѣли головы монаховъ. Кой-кто вскрикнулъ тоже, но сейчасъ же побѣжали на улицу,—кто изъ простого любопытства, а кто затѣмъ, чтобы сдѣлать нужное въ такихъ случаяхъ. Слѣдователь Адольфъ ГуставовичъРаухъ, пріѣхавшій черезъ часъ, маленькій, живой человѣчекъ, направляясь къ письменному столу въ конторѣ имѣнія, на ходу столкнулся съ Никодимомъ и снизу вверхъ заглянулъ въ его помутившіеся глаза, будто стараясь поймать въ нихъ что-то. Никодимъ отвѣтилъ взглядомъ безразличнымъ: его томили дурныя предчувствія и онъ думалъ о матери. Того, какъ посмотрѣлъ на нее первый изъ проходившихъ—онъ никакъ не могъ забыть. И движенія и смѣхъ матери стали раздражать его до крайности. Съ Евгеніей же Александровной будто что-то случилось: смѣхъ ея въ тотъ день сталъ звучать моложе, щеки вспыхивали дѣвическимъ румянцемъ. Два раза на глазахъ Никодима она рѣзво сбѣгала въ цвѣтникъ по лѣстницѣ террасы, подхватывая свое черное шелковое платье милымъ, тоже совсѣмъ дѣвическимъ, движеніемъ руки. Онъ, раздраженный и злой, чуть не сказалъ ей при этомъ: „да оставьте же, мама! Я не могу видѣть васъ, когда вы себя такъ ведете“, но, конечно, не сказалъ, а только отошелъ въ сторону, чтобы не смотрѣть на нее.

Проволновавшись весь день и ночь и про-

пустивъ мимо себя возвращавшихся опять поутру чудовищъ, Никодимъ, наконецъ, заснулъ. Разбудила его довольно поздно Евлалія стукомъ въ дверь и заглядывая къ нему, взволнованнымъ, дрожащимъ голосомъ спросила: „ты не знаешь, куда могла уѣхать мама"?

— „Уѣхать? Развѣ она уѣхала"?

— Я не знаю, уѣхала ли. Но ея нѣтъ нигдѣ.

Никодимъ привскочилъ на кровати. То, какъ онъ измѣнился вдругъ въ лицѣ и поблѣднѣлъ—испугало Евлалію больше, чѣмъ внезапное исчезновеніе матери.

— „Что съ тобой! воскликнула она, но онъ, овладѣвъ собою, отвѣтилъ уже спокойно, хотя и деревяннымъ голосомъ:

— Уйди, пожалуйста, я встану и одѣнусь.

ГЛАВА V.

Качель надъ обрывомъ. — Коляска незнакомца.

Онъ вышелъ въ столовую съ твердымъ намѣреніемъ не предполагать ничего дурного въ происшедшемъ, но растерянный видъ домашнихъ сразу вернулъ его къ дѣйствительности.

Отъ прислуги не могли добиться ничего: за истекшую ночь никто не слышалъ ни шуму, ни разговоровъ. Никодимъ даже разсердился

на безтолковость лакеевъ и горничныхъ и, послѣ кофе, злой, и еще болѣе встревоженный, вышелъ поспѣшно въ садъ. Никакихъ предположенiй не складывалось въ его головѣ. Незамѣтно для себя вышелъ онъ изъ сада и; когда это увидѣлъ, то рѣшительно направился прочь, подальше отъ дома. Быстро, въ глубокомъ раздумьи, дошелъ онъ до ближайшей деревни (версты четыре отъ дома), свернулъ въ лѣсъ и окольнымъ путемъ вышелъ къ озеру. Постоявъ на берегу, онъ рѣшилъ, что нужно все-таки пойти домой, но не захотѣлъ возвращаться прежней пыльной дорогой, а направился берегомъ озера.

День былъ, какъ и наканунѣ, солнечный, яркiй. Ходьба по солнцепеку, утомляя, успокаивала Никодима. Постепенно стала крѣпнуть въ немъ увѣренность, что ничего дурного съ матерью случиться не могло—ему припоминались ея слова, услышанныя имъ на огородѣ: очевидно, она уѣхала, но дастъ же знать о себѣ дѣтямъ: вѣрно ей все-таки трудно было оставаться въ томъ домѣ, гдѣ она жила со своимъ мужемъ и съ ихъ отцомъ и откуда онъ ушелъ противъ ея желанiя, несмотря на всѣ ея униженныя просьбы и мольбы.

— „Можетъ быть, она поѣхала къ папѣ"?

Такъ разсуждая, совсѣмъ успокоенный, вернулся Никодимъ домой и сообщилъ свои мысли Евлалiи и Валентину. Но на нихъ онѣ не

подѣйствовали благотворно. Евлалія даже сказала: „Я не думаю". — „Какъ хотите" — отвѣтилъ Никодимъ.

За столомъ они не разговаривали и Никодима злили и смѣшили ихъ растерянныя лица. Вставая изъ-за стола, онъ заявилъ имъ: „Да погодите убиваться: я же завтра поѣду искать. Что васъ безпокоитъ? — неприличіе самого исчезновенія, что-ли?" Евлалія укоризненно взглянула на него и отвѣтила: „да". Валентинъ ничего не сказалъ.

Но спокойствіе совершенно исчезло у Никодима къ вечеру, минутами ему казалось даже, что оно непристойно. Оставшись одинъ, онъ нѣсколько разъ выбранилъ себя. Когда же ночью вновь появились чудовища, волненіе и слабость охватили Никодима; тихонько забрался онъ къ себѣ наверхъ, стараясь не глядѣть въ окна, досталъ Библію и раскрылъ ее наугадъ. Первымъ попавшимся на глаза было изреченіе: „Я сказалъ вамъ, что это Я; итакъ если Меня ищете, оставьте ихъ, пусть идутъ, — да сбудется слово, реченное Имъ: изъ тѣхъ, которыхъ Ты мнѣ далъ, Я не погубилъ никого".

Никодимъ перечиталъ все опять и опять. Ему хотѣлось видѣть тайный въ нихъ смыслъ, говорящій только ему.

Передъ окномъ беззвучно мелькнула ночная птица, бросивъ легкую мимолетную тѣнь. Это

вывело Никодима изъ его состоянія.— „Ангелы должны бросать такія тѣни“, подумалъ онъ.

И крадучись, будто боясь, чтобы кто не замѣтилъ, сталъ на колѣни и хотѣлъ помолиться. Но не молилось, слова путались и обрывались. Тогда онъ поднялся и произнесъ въ пространство:

„Другъ Никодимъ, сложи это оружіе—Богъ хочетъ иногда, чтобы человѣкъ былъ отвергнутъ отъ лица Его и испытывалъ свои силы самъ за себя. Будетъ трудъ необычный и страшный — а если онъ противъ Бога — развѣ ты знаешь?“

И тутъ же устыдился приподнятости своихъ словъ (все-таки комната была ихъ свидѣтелемъ) и потому поспѣшно сошелъ опять въ садъ.

Весенняя ночь становилась все глубже и тише. Въ лунномъ свѣтѣ тѣни старыхъ сосенъ вырисовывались все ярче и ярче. За кустами на скамьѣ присѣлъ Никодимъ и сталъ глядѣть на дорогу, но съ дороги его не было видно.

Трубадуръ услышавъ, что Никодимъ въ саду, тихонько пробрался къ нему сквозь кусты и легъ подъ скамьей. Никодимъ его не замѣтилъ.

И ночь ушла, сначала тихая на ходу, потомъ стремительная. Чудовища вернулись съ солнечнымъ восходомъ, по обычному, ни въ чемъ не измѣняя своимъ привычкамъ. Тою же гурь-

бою прошли они передъ Никодимомъ. Когда послѣдніе изъ нихъ исчезли за кустами, онъ хлопнулъ себя по лбу. съ вопросомъ: „а почему же ни Евлалія, ни Валентинъ, ни прислуга не подумали о нихъ и не разузнали ничего?“

Этотъ вопросъ въ тотъ же мигъ смѣнился другимъ: „а почему же я не подумалъ и не разузналъ?“ — и сейчасъ же у Никодима явилось рѣшеніе выслѣдить чудовищъ и разузнать, гдѣ и что они дѣлаютъ.

Перескочивъ черезъ рѣшетку сада, Никодимъ отправился слѣдомъ за ними. Трубадуръ же не отставалъ отъ хозяина. Вскорѣ передъ Никодимомъ въ кустахъ замелькали спины чудовищъ: онъ ихъ нагналъ.

Дорога (Никодимъ хорошо ее зналъ) вела въ глухія мѣста, подалеку отъ деревни, къ оврагамъ и лѣснымъ покосамъ и кончалась въ лѣсу тупикомъ. „Куда же они идутъ?„ удивился Никодимъ.

На послѣднемъ поворотѣ тропы, задніе ряды чудовищъ вдругъ замѣшкались, сгрудились, и Никодимъ, не желая, чтобы они его увидѣли, обѣжалъ ихъ за деревьями. За поворотомъ, подъ крутымъ склономъ, открывалось утреннее тихое озеро, а тамъ гдѣ тропа спускалась подъ кручу каменной лѣстницей, по сторонамъ ея росли двѣ старыя полузасохшія сосны, очень схожія между собою и отъ обѣихъ въ сторону тропы торчало по сухому, узлова-

тому суку. Сучья эти скрещивались и на нихъ, на толстой веревкѣ, невѣдомо кѣмъ, была подвѣшена качель—самая обыкновенная. Висѣла она тамъ давно, но не знали, чтобы кто на ней качался.

Здѣсь на тропинкѣ и на полянѣ по сторонамъ ея, оставалось чудовищъ уже не три тысячи, а, быть можетъ, сотни двѣ. Они стояли толпой и изъ-за спинъ ихъ Никодимъ увидѣлъ, какъ передніе, по одному, подбѣгали къ качели, легко вскакивали на доску и, дѣлая по ней два шага, спрыгивали подъ склонъ. Одинъ, другой, третій... И снова: одинъ, другой, третій...

Ихъ перескочило еще не болѣе тридцати, когда Никодимъ вдругъ замѣтилъ, что изъ двухъ сотъ чудовищъ, увидѣнныхъ имъ сначала на поворотѣ, осталось теперь не болѣе полутора десятковъ. Отъ неожиданности Никодимъ сильно подался впередъ и обнаружилъ чудовищамъ свое присутствіе.

Какъ осенніе листья подъ вѣтромъ, — тѣмъ самымъ легкимъ танцующимъ движеніемъ, — бросились они тогда прочь отъ него, въ сторону лѣса, перелетая, а не перепрыгивая, черезъ канавку, прорытую справа отъ тропинки, и побѣжали въ кусты, внизъ по склону, Никодимъ побѣжалъ вслѣдъ и за Никодимомъ Трубадуръ, съ тихимъ заглушеннымъ потявкиваньемъ.

Первую минуту бѣга чудовища были у Нико-

дима передъ глазами, мелькая сквозь кусты, но затѣмъ, необыкновенно быстрые и ловкіе въ бѣгѣ, исчезли въ зелени; — нѣсколько мгновеній онъ слышалъ еще удары ихъ ногъ о попадавшіеся камни и шумъ съ силой раскидываемыхъ въ стороны вѣтвей и по этимъ звукамъ слѣдовалъ за ними. Высокая крапива больно обжигала ему руки, росистые кусты обрызгивали его съ ногъ до головы, жирная земля налипала къ подошвамъ; камень, подвернувшійся, наконецъ, подъ ногу, прекратилъ состязаніе: Никодимъ споткнулся и покатился внизъ, за камнемъ, больно ударился головой о дерево и на мигъ потерялъ ясность представленій. Холодный носъ Трубадура привелъ его въ чувство.

Поднявшись на ноги, Никодимъ все-таки еще осмотрѣлъ окружающіе кусты и косогоръ, но нашелъ только слѣды своихъ собственныхъ ногъ да лапъ Трубадура. Берегомъ озера, по тропинкѣ подъ обрывомъ, отправился онъ домой и, когда уже былъ недалеко отъ дома, услышалъ шумъ отъ быстро катящагося экипажа. Шумъ шелъ сверху, гдѣ надъ обрывомъ, по самому его краю, пролегала проселочная дорога. Черезъ минуту и самъ экипажъ, нагоняя Никодима, показался изъ-за кустовъ. Въ немъ сидѣли мужчина и женщина подъ легкимъ чернымъ зонтикомъ съ кружевнымъ воланомъ. Мужчина, сидѣвшій съ той стороны,

которая приходилась къ обрыву, обернулся къ Никодиму и увидѣвъ его, что то сказалъ кучеру. Кучеръ подхлестнулъ лошадей—экипажъ сталъ быстро удаляться, но Никодимъ все же успѣлъ разсмотрѣть лицо незнакомца—его горбоносый профиль, черную бороду и упорно глядящіе глаза. Даму же онъ не могъ разсмотрѣть изъ-за ея спутника и увидѣлъ только линіи ея спины и приподнятый локоть.

Всѣхъ проживающихъ въ округѣ Никодимъ зналъ, зналъ и коляски ихъ, но этотъ господинъ былъ положительно ему неизвѣстенъ. Дама же, хотя онъ и не увидѣлъ ея лица, показалась ему знакомой. Минуту спустя, постоявъ, онъ вдругъ понялъ, что, собственно, было ему въ ней знакомо. Быстро взобрался онъ на верхъ по крутому обрыву и бросился вслѣдъ удаляющемуся экипажу, но путники отъѣхали такъ далеко, что догнать ихъ пѣшкомъ было невозможно. Пробѣжавъ шаговъ двѣсти, онъ понялъ безполезность своихъ усилій и остановился.

Раздосадованный, усталый, выпачканный землей и со слѣдами ожоговъ отъ крапивы на рукахъ, вернулся Никодимъ домой, безъ Трубадура: собака не могла взобраться за нимъ по отвѣсному обрыву на дорогу.

Не отвѣчая на обращенные къ нему вопросы прислуги, Никодимъ прошелъ къ себѣ на верхъ и легъ спать.

ГЛАВА VI.

Романтическій плащъ.

За обѣдомъ Евлалія спросила Никодима:

— А вѣдь ты собирался сегодня ѣхать куда-то?

— Зачѣмъ?

— Ты сказалъ, что будешь искать маму.

— Я видѣлъ ее сегодня утромъ.

Евлалія съ изумленіемъ взглянула на Никодима, но онъ не поднялъ глазъ отъ тарелки и, пережевывая кусокъ мяса, подумалъ: „а можетъ быть, я и ошибся—нельзя же судить по одной спинѣ и по локтю“,—но Евлаліи отвѣтилъ:

— Я скажу потомъ. Ты не безпокойся.

Евлалія проводила его недоумѣвающими глазами, когда онъ вышелъ изъ столовой. Валентинъ же только усмѣхнулся.

Погода къ вечеру рѣзко измѣнилась. По временамъ съ юго-запада задувалъ сильный вѣтеръ и, набѣгая порывами, пригибалъ со свистомъ кусты къ землѣ, заворачивая листья, и видъ кустовъ мѣнялся: изъ зеленыхъ они становились сѣрыми и бѣлыми. Обрывки проходившихъ тучъ то и дѣло сѣяли дождемъ.

Никодимъ, сидя у себя наверху, свертывалъ и развертывалъ свой непромокаемый плащъ и примѣрялъ новую широкополую ко-

жаную шляпу. Лицо Никодима было хмуро, онъ поджималъ губы и по временамъ хрустѣлъ пальцами.

Когда стемнѣло и пришло время показаться чудовищамъ, Никодимъ накинулъ плащъ, надѣлъ шляпу и тихо спустился внизъ. Онъ сталъ въ кустахъ за калиткой—Трубадуръ присѣлъ около него.

Чудовища появились и прошли въ урочное время. Выждавъ терпѣливо время ихъ прохожденія, Никодимъ отпустилъ ихъ впередъ шаговъ на двѣсти и пошелъ слѣдомъ за ними. Трубадуръ побрелъ сзади, понуривъ голову.

Дорогу, избранную чудовищами, онъ опять зналъ: она вела къ фабрикѣ, отстоявшей отъ усадьбы верстахъ въ восьми. Кому принадлежала эта фабрика—Никодиму, однако, не было извѣстно: хозяинъ ея не жилъ при ней и никогда въ тѣхъ мѣстахъ не появлялся.

По пути должна была встрѣтиться большая сырая луговина, прорѣзанная канавами для осушки, поле засѣянное овсомъ—все мѣста чистыя и удобныя для выслѣживанія. Но темная ночь и постоянно мѣнявшееся, изъ-за проходившихъ тучъ, освѣщеніе мѣшали Никодиму: когда выглядывала луна, онъ боялся быть обнаруженнымъ и либо отставалъ, либо прятался въ придорожную канавку; если же набѣгали на луну тучи и вновь и вновь моросилъ дождикъ, ему становилось трудно за полторы-

двѣ сотни шаговъ видѣть уходившихъ и слѣдить ихъ направленіе — шума же отъ ихъ ходьбы онъ не слышалъ и даже замѣтилъ сегодня, что проходя, они не притаптывали травы.

Пройдя первыя три версты Никодимъ почувствовалъ, что отстаетъ, что чудовища идутъ очень быстро. Прибавляя изо всѣхъ силъ шагу онъ, уже у самой луговины, расчищенной и изрытой канавами, увидѣлъ, что чудовища свернули со своей дороги на тропинку, шедшую черезъ луговину на кладбище, расположенное на холмѣ, въ верстѣ отъ дороги.

Плащъ Никодима и его широкополая шляпа были темнозеленаго цвѣта, но во мракѣ ночи они казались черными. И лишь полная луна, вышедшая въ ту минуту изъ-за зловѣщихъ тучъ, вернула имъ подобіе ихъ первоначальнаго дневного цвѣта и самой фигурѣ Никодима несомнѣнность бытія. Но при лунѣ можно ли было идти за чудовищами по чистой луговинѣ, гдѣ все отовсюду стало видно, будто на ладони? И какъ развѣвались складки Никодимова плаща, какъ рвались и колыхались онѣ въ воздухѣ темными провалами, какъ отгибались назадъ поля его шляпы, когда онъ, напрягая всѣ усилія, бѣжалъ стороною отъ луговины въ кустахъ, раздвигая хлещущія въ лицо мокрыя вѣтви—въ одномъ намѣреніи прежде чудовищъ добраться до кладбища. Но

ему приходилось сворачивать то влѣво, то вправо: кусты будто нарочно выростали въ молочномъ свѣтѣ луны на серединѣ пути; густая трава охватывала ноги. Уже достигая кладбищенской ограды, Никодимъ съ разочарованіемъ и злостью убѣдился въ томъ, что передъ входомъ изъ всѣхъ шедшихъ оставалось не болѣе четырехъ десятковъ.

Задыхаясь отъ бѣга и придерживая рукой пульсы на вискахъ, Никодимъ перескочилъ ограду. Онъ уже не хотѣлъ соблюдать осторожности, съ трескомъ и шумомъ спотыкался на могилахъ; ломалъ по пути одряхлѣвшіе деревянные кресты и желалъ только не упустить чудовищъ изъ виду. Но и они, кажется, на этотъ разъ не обращали на него никакого вниманія и мелькали передъ нимъ въ просвѣтахъ деревьевъ быстро-быстро.

„Разъ-два, разъ-два" — произносилъ онъ вслухъ, отсчитывая свои большіе шаги. „Разъ-два, разъ-два" — гулко отдавались впереди шаги ихъ. Вотъ кладбищу конецъ, вотъ снова свѣтло на полянѣ отъ луннаго свѣта и уже не четыре десятка Никодимъ видитъ передъ собой, а, можетъ быть только полтора.

Никодимъ вскрикнулъ, какъ кричатъ пробудившіеся отъ страшнаго сна. Чудовища остановились. Остановился и онъ. Черезъ мгновенье до его слуха долетѣлъ ихъ шопотъ: будто они о чемъ то совѣщались. Онъ тщетно

старался связать отрывистые звуки—человѣческихъ словъ не выходило. И вдругъ быстро повернувшись въ разныя стороны, тѣмъ же скорымъ шагомъ направились они кто куда—впередъ, вправо, влѣво, наискось. Прямо отъ Никодима, къ мелкому молодому лѣску росшему за канавой, побѣжали семеро—Никодимъ снова за ними. Теперь уже онъ бѣжалъ быстрѣе и почти настигалъ ихъ, когда они одинъ за другимъ попрыгали въ канаву, въ густой, молодой малинникъ, росшій съ обоихъ ея краевъ и бѣлѣвшій при лунѣ своими мелкими листьями.

Какъ отводятъ чары, такъ провелъ Никодимъ рукой передъ глазами. Вотъ навожденіе: вѣдь не на чудовищъ смотрѣлъ онъ, пока бѣжалъ, а на эти бѣлѣющіе въ темной зелени разрѣзные листья. Вмѣстѣ съ Трубадуромъ спустился Никодимъ въ канаву и прошелъ ее изъ конца въ конецъ, но даже слѣдовъ человѣческихъ ногъ на мокрой травѣ тамъ не было. Луна же въ это время опять спряталась за тучи.

Раздосадованный еще болѣе, чѣмъ въ первый разъ, Никодимъ вернулся домой и такъ сердился, что когда чудовища утромъ проходили обратно—онъ не захотѣлъ глядѣть на нихъ и отвернулся отъ окна.

Третій день Никодимъ провелъ съ большимъ нетерпѣніемъ въ ожиданіи ночи. Послѣ

непогодливаго и сумрачнаго вечера наступила совсѣмъ жуткая ночь—бурная, дождливая. Вѣтеръ свистѣлъ и надрывался; тучи, нагромождаясь, тяжко проплывали по небу опять то открывая лунный дискъ, то пряча его. Надъ землею стлались полосы свѣта и мрака и уходили, уносимыя въ хаосѣ—словно свѣтъ не находилъ мѣста, гдѣ ему быть, и тьма не одолѣвала, но вновь и вновь зарождалась и выползала, колеблясь, изъ лѣсу, изъ овраговъ, со стороны озера.

Въ одиннадцать часовъ свѣтъ съ неба усилился и прозрачныя облака побѣжали между темными тучами.

Никодимъ тогда опять накинулъ на себя плащъ, надѣлъ широкополую шляпу и вышелъ на дорогу.

Пройдя немного, онъ остановился на холмикѣ, а Трубадуръ тоскливо прижался къ его ногамъ.

Никодимъ старался плотно держать края своего плаща, но налетавшій вѣтеръ не разъ съ силой вырывалъ изъ его рукъ полы и подбрасывалъ плащъ въ воздухъ, развѣвая его тяжелыми темными складками и вытягивая прямыми полосами.

Тогда, при мѣняющемся лунномъ свѣтѣ, виднѣлась на холмикѣ странная фигура Никодима, съ наклоненной впередъ головою (онъ подбородкомъ придерживалъ воротникъ плаща

и подставлялъ вѣтру верхъ шляпы, чтобы тотъ не сорвалъ ее), а подъ холмикъ убѣгали длинныя причудливыя тѣни отъ человѣка и собаки.

Но вотъ наплывшій мракъ въ послѣдній разъ скрылъ фигуру—будто превратилась она въ растеніе и нельзя уже было отличить ее отъ сосѣднихъ кустовъ,—и впереди Никодима, у тропинки, задвигались черныя пятна, какъ кусты отъ вѣтра, но онъ зналъ, что это не кусты, а тѣ—чудовища.

Они подошли потокомъ и Никодимъ очутился между ними будто камень среди набѣгающихъ волнъ: чудовища обтекали его, онъ ощущалъ ихъ дыханіе и касанія развѣваемыхъ вѣтромъ одеждъ, но не чувствовалъ въ себѣ силы пошевелиться или сказать хотя бы слово: языкъ прилипалъ къ небу. Только простоявъ уже съ полчаса и пропустивъ мимо себя половину чудовищъ, онъ слабо, чуть слышно, самъ не вѣря своимъ словамъ, сказалъ „послушайте".

Никакого отвѣта! Только подняли на него двое хихикающихъ свои глаза и проскользнули мимо. Звукъ человѣческой рѣчи прозвучалъ такъ жалко и робко. И Никодиму стало стыдно за эту жалкость и за свою робость. Онъ высвободилъ руку изъ подъ плаща (вѣтеръ снова подхватилъ полу и рванулъ въ воздухѣ) и протянулъ ее къ ближайшему, намѣреваясь

схватить чудовище, но чудовище ловко и безшумно уклонилось настолько, чтобы нельзя было коснуться его—и прошло. Никодимъ къ другому—другое то же самое. Къ третьему—также. Рука Никодима безсильно опустилась и Трубадуръ съ жалобнымъ тихимъ воемъ облизалъ ее.

Простоявъ еще съ минуту, Никодимъ закутался плотнѣе въ плащъ, нахлобучилъ на глаза шляпу и повернулся съ намѣреніемъ идти домой. Тогда подходившія чудовища задержались и дали ему свободно выйти изъ ихъ рядовъ.

Вошедши къ себѣ въ комнату, Никодимъ со злобой скинулъ плащъ и, скомкавъ его вмѣстѣ со шляпой, швырнулъ въ темный уголъ. Послѣ онъ зажегъ всѣ свѣчи въ подсвѣчникахъ и при яркихъ огняхъ сидѣлъ до утра за письменнымъ столомъ, въ задумчивости, иногда порывисто ударяя кулакомъ по ручкѣ кресла.

ГЛАВА VII.

Яковъ Савельичъ.—Сонъ въ вагонѣ.

Утромъ за кофе Никодимъ схитрилъ, сказавъ Евлаліи и Валентину:

— Я еще не узналъ, гдѣ мама. Но у меня есть кое-какія свѣдѣнія. И я долженъ сегодня же вечеромъ ѣхать въ Петербургъ.

Онъ собирался туда съ опредѣленной цѣлью: повидать Якова Савельича и, какъ знаетъ читатель, никакихъ свѣдѣній о мѣстопребыванiи матери не имѣлъ. Ѣхалъ онъ къ Якову Савельичу, какъ къ гадалкѣ, но ему стыдно было передъ сестрой и братомъ сознаться въ этомъ.

Яковъ Савельичъ жилъ почти безвыѣздно (съ незапамятныхъ временъ) въ глухомъ переулкѣ на Крестовскомъ островѣ, въ собственномъ домикѣ-особнякѣ. Жизнь его протекла одиноко. Былъ онъ богатъ, но очень скроменъ и мало требователенъ къ жизни. Всѣхъ комнатъ въ его домѣ никто изъ его знакомыхъ не зналъ. Прислуги при немъ, обыкновенно, было лишь двое—старая кухарка и еще болѣе старый дворникъ Вавила. Но по временамъ въ домѣ появлялись новые люди въ большомъ числѣ и пробывъ мѣсяцъ-два исчезали неожиданно, чтобы уже никогда не возвращаться. Черезъ годъ, черезъ два это повторялось, но каждый разъ въ новыхъ лицахъ.

Яковъ Савельичъ и Никодимъ были знакомы между собою давно, но это знакомство плохо поддерживалось обѣими сторонами и Яковъ Савельичъ даже слегка иронически относился къ Никодиму. Къ тому же по своему характеру, старикъ былъ совсѣмъ малообщителенъ. Въ его фигурѣ и движенiяхъ какъ-бы сквозило: „Я, молъ, не для разговоровъ живу".

А вмѣстѣ съ тѣмъ было въ немъ что-то тайно располагающее къ его особѣ, вызывающее на исключительное довѣріе—понималось какъ-то съ первой встрѣчи съ нимъ, что въ самыхъ важныхъ случаяхъ лучше всего прибѣгнуть за совѣтомъ къ нему и тогда онъ будетъ вѣрнѣйшимъ совѣтчикомъ.

Сойдя съ конки, Никодимъ свернулъ въ знакомый переулокъ (а все-таки не былъ онъ въ немъ уже два года) и позвонилъ у садодой калитки. Вавила показался за рѣшеткой на крылечкѣ, крикнулъ „кто тамъ"? и, поглядѣвъ на Никодима изъ-подъ ладони, видимо, сразу призналъ гостя. Сказавъ „сейчасъ", онъ подошелъ, отодвинулъ засовъ и, пріоткрывъ калитку, остановился, не спрашивая, но ожидая, чтобы его спросили.

— Яковъ Савельичъ дома?

Старикъ помолчалъ съ такимъ видомъ, будто онъ хотѣлъ сказать „дома или нѣтъ?—это васъ не касается. Если же онъ вамъ нуженъ,—такъ это, какъ я захочу. Захочу скажу—дома, захочу скажу—нѣтъ", но, однако, сказалъ:

— Пожалуйте.

И добавилъ себѣ подъ носъ (впрочемъ, такъ, что Никодимъ услышалъ): „безпокойство отъ васъ одно; видно дѣлать-то вамъ нечего—шляетесь по добрымъ людямъ". Никодимъ промолчалъ.

Перейдя мосточки и пересчитавъ ступени

высокаго крыльца, они вошли въ переднюю Изъ сосѣдней комнаты съ любопытствомъ выглянула старуха съ подоткнутымъ подоломъ. Блюдя установленный Яковомъ Савельичемъ этикетъ, старикъ сказалъ ей: „Мареинька, проводила бы ты барина къ барину“, на что Мареинька не отозвалась, но оправивъ платье и обтеревъ лицо и руки передникомъ, скрылась.

Минутъ черезъ пять она вернулась. Предводимый ею Никодимъ прошелъ черезъ пять или шесть комнатъ (тоже знакомыхъ: за два года въ нихъ ничего не измѣнилось). Въ гостиной, съ ярко-оранжевымъ крашенымъ поломъ, Мареинька остановилась передъ дверью кабинета и, ткнувъ пальцемъ въ неопредѣленномъ направленіи, сказала „вотъ“, послѣ чего скрылась куда-то. При этомъ Никодимъ еще разъ подумалъ объ этикетѣ, установленномъ Яковомъ Савельичемъ и почувствовалъ, что онъ самъ уже будто бы этому этикету невольно подчиняется.

Дверь въ кабинетъ была неплотно притворена. Постоявъ передъ нею немного, Никодимъ постучалъ по ней пальцемъ и услышалъ въ отвѣтъ „войдите“, но вошелъ не сразу, а просунулъ сперва въ щель голову и осмотрѣлъ комнату.

— Да войдите, пожалуйста, — повторилъ старичекъ, не глядя на гостя.

Яковъ Савельичъ сидѣлъ у письменнаго стола, сгорбившись и сосредоточивъ все свое вниманіе на собственномъ халатѣ—клѣтчатомъ, въ три цвѣта: клѣтка бѣлая, клѣтка черная, клѣтка желтая. Лѣвой рукой онъ оттягивалъ полу халата, а въ правой у него была кисточка, на какую обыкновенно берутъ гуммиарабикъ; эту кисточку онъ обмакивалъ въ банку съ синими чернилами и не спѣша, дѣловито, перекрашивалъ бѣлыя клѣтки на халатѣ въ синій цвѣтъ.

— Яковъ Савельичъ, что вы дѣлаете?— спросилъ Никодимъ удивленно.

— Незваныхъ гостей жду, отвѣтилъ старикъ.

— Да нѣтъ: я спрашиваю, что вы съ халатомъ дѣлаете?

— Что-жъ! халату все равно срокъ вышелъ: завтра десять лѣтъ, какъ его ношу— нужно же что-нибудь съ нимъ сдѣлать. Юбилейное торжество въ своемъ родѣ и тому подобное... Садитесь—постоите гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а у меня больше сидятъ.

И отставилъ чернила, а кисточку бросилъ въ мусорную корзину.

— Я съ дѣломъ, Яковъ Савельичъ, сказалъ Никодимъ, усаживаясь поудобнѣе въ глубокое полосатое кресло.

— Съ дѣломъ? удивленно переспросилъ старикъ: съ какихъ же это поръ у васъ дѣла завелись? Вотъ уже не думалъ не гадалъ.

Какія тамъ могутъ быть дѣла? Леталъ пѣтушокъ по поднебесью, клевалъ пѣтушокъ зернышки: небеса-то голубыя, — глубокія; зернышки то жемчужныя, гребешокъ у пѣтушка золотой. Не ожидалъ я отъ васъ этого, Никодимъ Михайловичъ, заключилъ старикъ укоризненно.

Никодимъ сразу пожалѣлъ, что обратился къ Якову Савельичу: манера старика разговаривать ему была хорошо извѣстна, а все-таки чувство обиды отъ неожиданно непріятной встрѣчи подсказывало ему встать и уйти подъ благовиднымъ предлогомъ.

Но неловкое молчаніе прервалъ Яковъ Савельичъ.

— Какъ матушка ваша поживаетъ?—спросилъ онъ.

— Никакъ!—отрѣзалъ Никодимъ.

— То есть почему никакъ? съ тревогой въ голосѣ переспросилъ старикъ.

Глухимъ голосомъ Никодимъ сказалъ:

— Мама исчезла четыре дня тому назадъ, ночью. Мы не знаемъ куда. Я пришелъ къ вамъ, Яковъ Савельичъ, спросить, что намъ дѣлать?

Старикъ въ замѣтномъ волненіи огладилъ свои сѣдые волосы и поправилъ очки. Затѣмъ вынулъ фуляровый платокъ, провелъ имъ ото лба по бритому своему лицу, по отставшей нижней губѣ и вскинулъ голову.

— Однако, какъ же это вышло? спросилъ онъ.

Никодимъ принялся разсказывать. Сначала разсказъ его былъ сбивчивъ, но затѣмъ онъ поуспокоился и передалъ Якову Савельичу со всѣми подробностями о подслушанныхъ имъ на огородѣ словахъ матери, и о двухъ убитыхъ монахахъ, и о чудовищахъ, и о томъ, какъ онъ, кажется, видѣлъ мать надъ обрывомъ въ коляскѣ незнакомца и какъ выслѣживалъ чудовищъ.

Окончивъ разсказъ Никодимъ всталъ и подошелъ вплотную къ старику, ожидая отвѣта.

Яковъ Савельичъ сидѣлъ и думалъ долго. Потомъ тоже всталъ и спросилъ:

— А зачѣмъ вы ходили за этими чудовищами?

— Да какъ-же? Можетъ быть они знаютъ, что либо о матери? Даже навѣрное знаютъ.

Старикъ разсердился.

— Глупости! заявилъ онъ рѣшительно: зачѣмъ имъ могла понадобиться ваша мать. Вы совсѣмъ не подумали, о чемъ нужно было подумать и не тамъ искали, гдѣ нужно. Вотъ то же Шерлокъ Холмсъ нашелся.

И помолчавъ добавилъ:

— Мнѣ самому не подъ силу сейчасъ искать—старъ сталъ и болѣю все. Но дорого я далъ бы тому, Никодимъ Михайловичъ, кто

поискалъ бы и сумѣлъ указать, какъ и почему все здѣсь произошло. Дорого. Помнилъ бы тотъ старика всю жизнь.

— Дайте совѣтъ, Яковъ Савельичъ.

— Совѣтъ дать трудно. Ключикъ нужно найти. Конечно, объ этомъ ключикѣ мы могли бы подумать и здѣсь, не выходя изъ моего кабинета, да боюсь попасть на ложный путь. Нѣтъ ужъ лучше поѣзжайте обратно и дома подумайте. Да вотъ, кстати: смотрѣли ли вы переписку вашей матери? порылись ли въ ея комнатахъ.

— Что вы, Яковъ Савельичъ! это же неудобно.

— Какое тамъ неудобно! Если вы сами не смѣете—я вамъ разрѣшаю и даже приказываю. Я на себя беру отвѣтственность за это.

Никодимъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, но старикъ перешелъ вдругъ на мягкій, просительный тонъ:

— Какой вы странный. Вѣдь вамъ должны быть лучше извѣстны послѣдніе годы жизни вашей матушки. Я не видѣлъ ея уже десять лѣтъ. А положеніе такое, что все должно быть использовано безъ смущенія. Поѣзжайте и ищите. Если ничего не найдете—возвращайтесь и мы еще посовѣтуемся.

Думая о томъ, гдѣ мать хранила свои ключи и не унесла ли она ихъ съ собою, Никодимъ пожалъ на прощанье руку Якова Савельича

и рука его въ ту минуту показалась Никодиму особенно теплой и дружеской.

Старикъ проводилъ гостя до крылечка, а Вавила даже за калитку, оберегая его отъ собакъ, которыхъ у Якова Савельича было много и все злыя. Послѣ онъ остановился на мосточкахъ и глядѣлъ Никодиму вслѣдъ изъ-подъ ладони долго, пока гость не скрылся изъ вида. На обратномъ пути мучило Никодима нетерпѣніе. Онъ все отсчитывалъ версты по желѣзнодорожнымъ будкамъ. Вотъ проѣхали и половину пути, вотъ остается меньше трети. Скорѣе-бы. Тамъ у станціи, ждетъ уже лошадь, такъ какъ кучеръ Семенъ, старающійся дѣлать все заблаговременно, навѣрное выѣхалъ встрѣчать хозяина часомъ раньше, чѣмъ слѣдовало.

Въ полупустомъ вагонѣ только изрѣдка проплывали тонкія струйки сизаго папироснаго дыма: сосѣди по вагону (ихъ было лишь двое) курили. Вперебой жужжали запертыя въ вагонѣ три синія большія мухи, которымъ совершенно для нихъ неожиданно пришлось совершить такое далекое путешествіе изъ столицы въ лѣсную глушь. Передъ глазами надоѣдливо оставался полосатый чехолъ дивана. Глаза отъ жары и духоты слипались. И постепенно, сквозь полузакрытыя вѣки, полосы на чехлѣ стали вытягиваться—красныя превращаясь въ стволы деревьевъ, а бѣлыя

въ сквозящее между ними и уходящее въ даль воздушное пространство. И вотъ видитъ Никодимъ себя въ сосновомъ лѣсу: желтая песчаная дорожка пролегаетъ среди высокихъ, стройныхъ, густо растущихъ сосенъ: иногда сквозь красные ихъ стволы проглянетъ небо, и чисты стволы снизу, какъ свѣчи, а гдѣ-то высоко-высоко зеленѣютъ верхушки.

На дорожкѣ показывается женская фигура. Да вѣдь это же его мать: на ней та самая шаль, въ которой онъ видѣлъ ее послѣдній разъ, передъ исчезновеніемъ. Мать смотритъ впередъ и идетъ не спѣша прямо, но мимо него. „Мама, мама"! хочетъ закричать онъ, но слова остаются въ горлѣ. И вдругъ она исчезаетъ быстро за поворотомъ. На дорожкѣ-же показывается другая—незнакомая женщина—молодая, высокая, златоволосая, съ тончайшими чертами лица и съ гордо поднятой головой. Она идетъ также медленно; глаза ея опущены—онъ ихъ не видитъ. И на ней такая же шаль, какъ была на матери, а за нею, въ нѣсколькихъ шагахъ бѣжитъ дѣвочка, трехлѣтняя — не болѣе — съ распущенными волосами, будто очень похожая на эту женщину и кричитъ: „мама, мама". И удивительно ему, что она кричитъ тѣ самыя слова, которыя онъ хотѣлъ крикнуть и не могъ. Мгновенный сонъ уходитъ. Опять только полосатый чехолъ на диванѣ и не голубѣющій воздухъ, а синеватый папирос-

ный дымъ. И уже станція — нужно выходить. Никодимъ протираетъ уставшіе глаза.

ГЛАВА VIII.

Появленіе отца.—Благородный олень.

Передъ самымъ приходомъ поѣзда на станцію, проплыла надъ нею туча и теплый дождь полилъ землю. Разгоряченный песокъ быстро впиталъ въ себя влагу—только еще въ колеяхъ кой гдѣ задержалась вода и въ нихъ поблескивало солнце и голубѣло отраженное небо, уходя бездонною глубиной.

Отъѣзжая отъ станціи, Никодимъ увидѣлъ рядомъ съ дорогой, на прибитой дождемъ пыльной обочинѣ, чью-то знакомую фигуру и черезъ минуту догадался, что это его отецъ. Должно быть онъ пріѣхалъ съ тѣмъ же поѣздомъ, но Никодимъ задержался на станціи, а старикъ успѣлъ уже отойти отъ платформы и теперь, глядя въ землю, отмѣривалъ неспѣшные, но споркіе шаги, опираясь на свою суковатую палку изъ вересины. Круглую шляпу онъ держалъ въ рукахъ, а лысина старика, свѣтилась на солнцѣ и кудреватые волосы его, сѣдые и неподстриженные, слегка развѣвались по вѣтру. За плечами несъ онъ дорожную ношу — кожаную суму. Все его обличье было будто бы дальняго Божьяго странника.

„Нагони-ка того старичка“, сказалъ Никодимъ Семену. Кучеръ подхлестнулъ лошадь и черезъ минуту они поравнялись. „Папа“, воскликнулъ Никодимъ, „садись, подвезу—вѣдь, навѣрное, къ намъ“! Старикъ обернулся, прищурилъ свои лучистые свѣтло-сѣрые глаза и отвѣтилъ: „ахъ, здравствуй! Да,—къ вамъ, собственно, и не къ вамъ. Ну такъ и быть—подвези“. Никодимъ потѣснился, и старикъ усѣлся рядкомъ, положивъ свою ношу въ ноги.

Семенъ не зналъ стараго барина и сначала такъ и думалъ, что это Божій странникъ, а потомъ отъ недоумѣнія принялся подхлестывать лошадей. На выбоинахъ дороги сильно встряхивало и ободья колесъ стучали по камнямъ. Поэтому Никодимъ и Михаилъ Онуфріевичъ не начинали разговора. Только Никодима не оставляла мысль, что, если отецъ ничего не сказалъ о матери, то значитъ у него она не была, какъ Никодимъ предполагалъ раньше, и объ исчезновеніи ея отецъ не могъ знать. Уже подъѣзжая къ дому, Никодимъ спросилъ:

— А ты знаешь, что мама исчезла куда-то? Цѣлыхъ пять дней прошло.

— Откуда же мнѣ знать? Я прямо сюда пріѣхалъ, никого еще не видалъ и не писали мнѣ.

Съ этими словами Михаилъ Онуфріевичъ опять взглянулъ на Никодима, прищуря глаза. Голосъ его звучалъ спокойно. Никодиму стало

обидно отъ этого спокойствія — онъ понялъ, что отцу исчезновеніе матери безразлично и рѣшилъ не говорить больше о ней. „Даже, пожалуй, ему пріятнѣе“, подумалъ онъ: „теперь онъ можетъ являться прямо къ намъ въ домъ, а не назначать свиданій на сторонѣ, какъ было, пока мама жила съ нами“.

Отецъ не могъ не уловить этой обиды и, очевидно желая отвести сына отъ мысли о ней, спросилъ:

— Что же, есть у васъ теперь грибы?

— Не знаю. Да кажется еще рано имъ быть.

— Нѣтъ, когда я уѣзжалъ изъ дому, у насъ грибы уже были. Можетъ быть, сходимъ завтра, посмотримъ?

— Сходимъ. Посмотримъ,—согласился Никодимъ.

Пріѣхавъ домой, Никодимъ шепнулъ Евлаліи и Валентину, что онъ уже спрашивалъ отца о матери. И ни Евлалія, ни Валентинъ за весь вечеръ не обмолвились о ней и словомъ.

Засыпая той ночью, Никодимъ рѣшилъ встать утромъ часовъ въ пять. Когда онъ проснулся,—часовая стрѣлка дѣйствительно стояла на пяти. Отецъ былъ уже на ногахъ и Никодимъ сверху слышалъ, какъ онъ спрашивалъ у прислуги корзинку. Кто-то отправился за корзинкой на погребъ.

Живо умывшись и одѣвшись, Никодимъ спустился внизъ, поздоровался съ отцомъ и они пошли.

Ночью была сильная и холодная роса. Вода, какъ отъ дождя, каплями стекала съ деревьевъ и кустовъ. Послѣ такой росы по низкимъ мѣстамъ нечего и ждать грибовъ. Никодимъ сказалъ объ этомъ отцу—тотъ уже согласился было и, повернувшись къ дому, остановился, соображая, стоитъ ли идти, или нѣтъ. Но Никодимъ не о грибахъ думалъ—у него были другія намѣренія: „Полно", возразилъ онъ отцу на его раздумье: „если внизу нѣтъ, пойдемъ куда-либо на горку", и указалъ при этомъ вправо: тамъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега высилась гора, покрытая старымъ лѣсомъ, синѣющая издали—гдѣ, между прочимъ, Никодимъ за всѣ прежніе года не удосужился когда-либо побывать.

Они тронулись прямо черезъ кусты и, поколесивъ порядкомъ, вышли на песчаную тропинку: по ихъ разсчетамъ тропинка эта должна была вести на гору. Они не ошиблись: мѣсто становилось все выше и выше, а лѣсъ красивѣе и красивѣе. Черезъ часъ пути они поднялись на самую гору, и чувство восторга вдругъ охватило Никодима. И было отчего явиться восторгу: открывшійся ландшафтъ былъ рѣдко прекрасенъ. Старыя сосны и осины,—могучія, узловатыя,—росли тамъ не часто, но

необыкновенно величественно. Будто кто-
въ стародавнія времена насадилъ ихъ по стр
гому замыслу, или расчистилъ дикій лѣсъ, чтоб
лучшія деревья могли вырости во всей кр
сотѣ и великолѣпіи. Высокіе кусты папортн
ковъ, на оголенной землѣ, затѣняя ее свои
вѣерами, росли купами по обѣимъ сторонам
тропинки, то приближаясь къ ней, то убѣга
вглубь лѣса. Влѣво отъ тропы, древній, исче
нувшій потокъ, унесшій нынѣ всѣ свои вод
невѣдомо куда, подъ обнаженными, перепл
тающимися красноватыми корнями четыре
сотлѣтнихъ сосенъ промылъ въ землѣ отве
стіе. Земля повисла надъ нимъ, удерживая
на корняхъ,—будто ворота открывались к
востокъ, къ солнцу. Ложе потока, уходя вдал
стлалось каменистой дорогой. Камни лежал
или грузно вдавленными въ землю, или ед
касаясь ея. Кусты калины и отцвѣтавша
шиповника росли тамъ и убѣгали безконе
ной чередой, ярко освѣщаемые утренним
солнцемъ. А воздухъ въ лощинѣ струи
ся смолистый, голубоватый и словно холо
ный.

Никодимъ остановился подавленный о
крывшимся, неподвижный. На старика все э
видимо произвело мало впечатлѣнія (и должн
быть онъ бывалъ въ этомъ мѣстѣ и раньше
онъ принялся излагать какія то свои хозя
ственныя соображенія.

Никодимъ, однако, плохо его слушалъ и не отвѣчалъ ему.

— Лисья нора, вдругъ сказалъ Михаилъ Онуфріевичъ радостнымъ голосомъ. Никодимъ обернулся къ нему. Старикъ своею палкой раскапывалъ подземный ходъ. „А поискать такъ навѣрное и другой ходъ найдется“, добавилъ онъ. Никодимъ сдѣлалъ два шага по направленію къ отцу и, оглядываясь, замѣтилъ еще два хода рядомъ, хорошо укрытые кустами папортника. „Это не лисья нора“, возразилъ онъ, подумавъ затѣмъ: „палку бы длинную“, и сталъ искать ее глазами. Но когда глаза его обратились опять къ промоинѣ, то онъ увидѣлъ тамъ нѣчто ужъ вовсе необыкновенное: на выступѣ промоины, въ густой травѣ, лежалъ мертвый благородный олень, полуопрокинутый на спину,—вскинутая пара ногъ его была согнута въ колѣняхъ: онъ, видимо, упалъ сверху, такъ какъ одинъ кудрявый рогъ его, покрытый бархатистой шерстью, совсѣмъ не страшный, а ласковый, зарылся въ землю.

Олени въ тѣхъ краяхъ не водились: это былъ рѣдчайшій гость, никѣмъ тамъ не виданный. „Смотри, смотри“! закричалъ Никодимъ отцу, но отецъ уже самъ замѣтилъ оленя и пристально разсматривалъ его изъ подъ руки. Никодимъ не думая о томъ, что дѣлаетъ, живо спустился въ промоину, цѣп-

ляясь руками и ногами, по краю обрыва и быстро-быстро поползъ къ оленю. Путешествіе его продолжалось недолго — одинъ камень подался подъ его тяжестью и онъ сорвался. Упавъ внизъ, Никодимъ ушибся больно и не могъ сразу подняться. Выбраться же назадъ, наверхъ, было невозможно — добираться къ оленю снова по голому обрыву—тоже. Никодимъ стоялъ молча, глядя вверхъ. „Ишь-ты", сказалъ отецъ, наклоняясь надъ обрывомъ: „погоди я тебѣ что нибудь кину и выберешься". Но кинуть было нечего.

— „Иди лучше дальше, за грибами", посовѣтывалъ Никодимъ: „а я стороной выйду: все равно у меня нога распухла" Старикъ постоялъ немного, но потомъ послушался и пошелъ вглубь лѣса, а Никодимъ, прихрамывая, сталъ спускаться по промоинѣ ниже, все раздумывая: „откуда взялся олень"? и не находя отвѣта. Вскорѣ онъ выбрался на знакомую дорогу и, подходя къ дому, рѣшилъ завтра или послѣзавтра, какъ только опухоль на ногѣ опадетъ, непремѣнно добраться къ оленю. Этому не суждено было исполниться: на другой день Никодимъ былъ вовлеченъ въ длинный рядъ событій, о которыхъ подробно разсказывается со слѣдующей главы.

ГЛАВА IX.

О десяти шкафахъ.

На другой день утромъ, когда Никодимъ лежалъ еще въ постели, въ комнату его полуоткрылась дверь, въ щель просунулась рука лакея и положила письмо на столикъ у входа.

Почеркъ на конвертѣ былъ очень знакомый—одного изъ лучшихъ друзей Никодима. Жилъ этотъ другъ на Кавказѣ и встрѣчались они рѣдко, но каждое свиданіе съ нимъ и каждое письмо отъ него были для Никодима большою радостью.

Почта проштемпелевала конвертъ въ Москвѣ, но гдѣ письмо было написано,—Никодимъ не понялъ. Въ письмѣ кратко говорилось, что другъ никодимовъ, остановился „здѣсь" (это и значило, вѣроятно, Москву) лишь проѣздомъ и дня черезъ два будетъ въ Петербургѣ, очень хочетъ Никодима видѣть, между прочимъ, по дѣлу, и проситъ его хотя бы на день пріѣхать въ городъ.

Никодимъ собрался и поѣхалъ въ тотъ же день къ ночи (болѣе удобнаго поѣзда не было). Дорогой онъ думалъ, что, пріѣхавъ, застанетъ, вѣроятно, друга уже на ихъ городской квартирѣ. Однако, вмѣсто друга его ждало второе письмо.

Въ этомъ письмѣ говорилось, что по не-

предвидѣннымъ обстоятельствамъ, другъ его могъ пробыть въ Петербургѣ лишь полчаса и то на Николаевскомъ вокзалѣ, отъ поѣзда до поѣзда; теперь же возвращается въ Москву, но надѣется видѣть Никодима скоро,—пока же цѣлуетъ заочно и желаетъ всего добраго.

Съ чувствомъ досады, держа прочитанное письмо въ рукахъ и думая: „вотъ совершенно напрасно проѣхался",—остановился Никодимъ въ передней. Уже рѣшилъ онъ не теряя времени выѣхать въ тотъ же день обратно, но свертывая письмо замѣтилъ, что въ конвертъ вложена еще записочка, вынулъ ее и прочелъ. Она была написана также рукою друга, но почему то осталась неподписанной („по разсѣянности", какъ онъ подумалъ):

„Милый. Дѣло, о которомъ я писалъ тебѣ, собираясь просить въ немъ твоего содѣйствія, я откладываю, по тѣмъ же непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, которыя помѣшали мнѣ остаться въ городѣ нужное время. Но къ дѣлу этому я вернусь и твоего содѣйствія въ немъ еще попрошу, какъ только буду опять здѣсь. Пока же прошу, тебя о другомъ: есть у меня въ Царскомъ Селѣ у знакомаго (въ скобкахъ слѣдовалъ адресъ) на сохраненіи шкафикъ — знакомый держать его у себя больше не можетъ— будь любезенъ взять его къ себѣ теперь же. Въ шкафикѣ этомъ ты найдешь наглухо упакованный и перевязанный деревянный ящикъ—почто-

вую посылку. Адресъ на ящикѣ написанъ—какой-то московской экспедиторской конторы (не помню какой), — отошли посылку по этому адресу, а шкафикъ подержи у себя".

Никодимъ взглянулъ на часы: былъ пока только девятый часъ утра: все еще можно было сдѣлать въ тотъ же день и выѣхать вечеромъ въ имѣніе. Но ѣхать въ Царское самому ему не захотѣлось, онъ позвалъ человѣка, остававшагося на лѣто при квартирѣ, растолковалъ ему все, что было нужно и отправилъ его туда. Самъ же пошелъ на острова, пробродилъ тамъ часовъ до двухъ, позавтракалъ въ ресторанѣ, посѣтилъ въ городѣ знакомыхъ и только къ шести часамъ вернулся домой.

Лакей уже ждалъ Никодима и встрѣтилъ его съ видомъ смущеннымъ, какъ будто собираясь что-то спросить и не рѣшаясь. Никодимъ это понялъ и самъ спросилъ его, въ чемъ дѣло.

— Дѣло баринъ такое, отвѣтилъ лакей, что вы мнѣ сказали про одинъ шкафикъ, а ихъ тамъ оказалось цѣлыхъ десять.

— Но ты все-таки ихъ привезъ?

— Да я ужъ рѣшился. Нанялъ двухъ ломовыхъ и отправилъ сюда. Скоро бы должны подъѣхать.

— Ну, а хозяинъ то квартиры, что-нибудь сказалъ?

— Хозяинъ то все ворчали что-то и про-

сили забрать ихъ поскорѣе: молъ, всю квартиру загромоздили.

— Странно. Ну подождемъ ломовиковъ... А ключи отъ шкафовъ у тебя?

— У меня, баринъ. Вотъ, извольте. Чудные ключи—все на одинъ замокъ.

И съ этими словами лакей подалъ связку въ десятокъ ключей. Дѣйствительно это были странные ключи—огромные, ржавые и всѣ до одного совершенно схожіе между собою.

Еще не скоро загромыхали на дворѣ ломовыя телѣги и у Никодима было достаточно времени дѣлать разныя догадки, но когда извозчики подъѣхали, онъ выглянулъ въ окно на дворъ и, увидѣвъ на двухъ подводахъ всѣ десять шкафовъ, по пяти на каждой телѣгѣ—не очень большихъ, не очень маленькихъ, старыхъ и ни въ чемъ одинъ отъ другого не отличающихся, притомъ самыхъ обыкновенныхъ рыночной работы,—онъ подумалъ, что другъ его что-то перепуталъ.

Никодимъ стоялъ въ кабинетѣ, пока извозчики вносили шкафы и разставляли ихъ по корридору. Выйдя изъ кабинета, онъ увидѣлъ скучный и противный ихъ рядъ, хотѣлъ ужъ было проскользнуть мимо, чтобы ѣхать на вокзалъ, но вспомнилъ, что другъ писалъ ему о какой то посылкѣ и сказалъ:

— Нужно же эту посылку отыскать.

И открылъ первымъ попавшимся ключемъ

первый шкафъ. Открывъ его онъ увидѣлъ, что было въ немъ три полки, а на каждой полкѣ стояло по три деревянныхъ ящика, дѣйствительно упакованныхъ такъ, какъ пакуются почтовыя посылки:

Онъ взялъ въ руки одинъ, повертѣлъ, взвѣсилъ и поставилъ осторожно на мѣсто. Потомъ продѣлалъ тоже съ другимъ и съ третьимъ. Всѣ ящики были равной величины и одинаковаго вѣса, но адресованы они были разнымъ лицамъ—часть въ Москву, два въ Одессу, одинъ въ Стокгольмъ и другіе еще куда-то. Всѣ адреса были написаны однимъ почеркомъ—вытянутыми, неестественно длинными буквами; буквы оплывали будто жиромъ книзу; отправителемъ посылки на всѣхъ ящикахъ значилось одно и то же лицо—Өеоктистъ Селиверстовичъ Лобачевъ—Петербургъ, Надеждинская улица, №№ дома и квартиры.

Сперва имя Лобачева, произнесенное Никодимомъ вслухъ, прозвучало въ его ушахъ чуждо, но онъ въ ту же минуту припомнилъ, что слышалъ о Лобачевѣ отъ того же своего друга: Лобачёвъ велъ съ нимъ торговыя дѣла по имѣнію, покупалъ у него ленъ, табакъ и еще что-то.

— Хламъ! сказалъ лакей, появившись въ корридорѣ.

— Да, хламъ, согласился Никодимъ; и въ нерѣшительности отъ вопроса, что дѣлать, от-

крылъ второй шкафъ—ржавый замокъ опять прозвенѣлъ, скрипучія петли еще разъ пропѣли; но увидѣлъ онъ за дверью тѣ же три полки и на каждой изъ нихъ по три ящика. На ящикахъ можно было прочесть адреса, написанные все тѣми же неестественными буквами: „Сидней, Чикаго" и еще что-то—съ отправителемъ Ѳеоктистомъ Селиверстовичемъ Лобачевымъ.

Чувство тоски охватило Никодима—будто онъ хотѣлъ уйти куда-то и нужно ему очень, а вотъ какія-то мелкія и глупыя причины приковали его къ мѣсту.

Онъ открывалъ шкафъ за шкафомъ—третій, четвертый и пятый до послѣдняго: все въ нихъ было одинаково—десять шкафовъ, тридцать полокъ, девяносто ящиковъ...

„Нужно телеграфировать другу, что все это значитъ"?

Подобная мысль вспыхнула у Никодима, но и исчезла въ то же мгновенье: „лучше поѣхать къ Лобачеву и предложить ему забрать всю эту дрянь. Въ самомъ дѣлѣ, моя квартира вѣдь не складъ и я не экспедиторъ". Съ такимъ рѣшеніемъ, справившись еще разъ по ящикамъ объ адресѣ Лобачева, Никодимъ одѣлся, вышелъ и нанялъ извозчика на Надеждинскую.

По дорогѣ онъ сообразилъ, что часъ уже поздній и лучше было бы позвонить Лоба-

чеву по телефону. „Ахъ все равно“, добавилъ онъ къ своему соображенію: „не великъ баринъ г. Лобачевъ“.

На поворотѣ съ Невскаго на Надеждинскую сломалось у пролетки колесо. Паденіе было благополучнымъ, но Никодимъ вставъ, вслухъ заявилъ: „Дурная примѣта, и вообще всюду чертовщина“. Извозчикъ обиженно принялся возражать, но Никодимъ сунулъ ему монету, и, нисколько его не слушая, поспѣшилъ отыскать нужный домъ. Тотъ былъ недалеко. У дворника Никодимъ узналъ, что квартира № 7 во дворѣ.

ГЛАВА X.

О вѣдьмѣ и о сѣромъ цилиндрѣ.

Перейдя широкій дворъ и поднявшись въ третій этажъ, Никодимъ увидѣлъ на дверяхъ квартиры № 7 двѣ мѣдныхъ дощечки: на одной, прибитой направо, черными жирными буквами стояло „Ѳеоктистъ Селиверстовичъ Лобачевъ“, —дощечку эту кто-то принимался отвинчивать и вывернулъ уже изъ четырехъ винтовъ два. На другой дощечкѣ, изящной, небольшой, опытный рѣзецъ красивыми, но мало замѣтными буквами начерталъ: N. N.—имя и фамилію дамы. Я ставлю N. N. потому, что даму эту и сейчасъ проживающую здѣсь, многіе, знаютъ

—называть ее считаю неудобнымъ, а выдумывать другое условное имя, взамѣнъ ея прекраснѣйшаго и незамѣнимаго, не хочу.

Необычное сочетаніе разнородныхъ иностраннаго имени и фамиліи госпожи N. N.—заставило Никодима задать себѣ вопросъ—француженка она или англичанка? и, раздумывая объ этомъ онъ простоялъ передъ дверью минутъ пять, пока не вспомнилъ, зачѣмъ собственно пришелъ и что слѣдуетъ позвонить.

На звонокъ Никодима дверь отворилась сразу—будто звонка его тамъ ждали. Отворила дверь высокая дама, молодая, стройная, свѣтловолосая (сама г-жа N. N. какъ Никодимъ догадался). Въ первомъ привѣтствіи ея человѣку совершенно незнакомому, въ легкомъ изгибѣ и быстромъ, но плавномъ склоненіи фигуры—было столько очаровательнаго, что Никодимъ не удержался и въ восхищеніи воскликнулъ „ахъ!“ Она лукаво и строго, но едва замѣтно улыбнулась съ видомъ не обратившей и малѣйшаго вниманія на его неумѣстное восклицаніе. Онъ же почувствовалъ себѣ крайне неловко и, въ смущеніи, вмѣсто того, чтобы спросить о Лобачевѣ, ждалъ первый вопроса отъ нея. Она помолчала, но не выдержала, наконецъ, и сказала: „что-же вамъ нужно?“

— „Ѳеоктистъ Селиверстовичъ Лобачевъ дома?“ — отвѣчалъ Никодимъ вопросительно.

— Нѣтъ, Ѳеоктистъ Селиверстовичъ на дняхъ отсюда выѣхалъ.

Голосъ ея звучалъ мягко, ласково, но съ какой-то грустью. Говорила она по русски весьма хорошо и съ тѣмъ же неуловимымъ очарованіемъ, съ какимъ привѣтствовала Никодима. Лишь едва замѣтные оттѣнки произношенія, нѣкоторая мягкость согласныхъ, изобличали въ ней иностранку.

Всѣ мысли и чувства Никодима устремились вдругъ къ ней. О Лобачевѣ онъ уже не думалъ и сразу почувствовалъ, что путается, когда началъ было о немъ: „позвольте васъ спросить...“

Она вывела Никодима изъ затрудненія, уяснивъ себѣ въ чемъ дѣло и быстро сказавъ: „Вамъ нуженъ его адресъ? обождите, пожалуйста: онъ у меня записанъ — я сейчасъ поищу и скажу.“

И отвернулась, движеніемъ руки показавъ, что онъ долженъ слѣдовать за ней. Никодимъ вошелъ въ переднюю.

Онъ сразу обратилъ вниманіе на двѣ вещи въ той комнатѣ: на обыкновенную керосиновую лампу, въ двадцать линій, стоявшую на столикѣ передъ зеркаломъ, и на необыкновенный мужской цилиндръ: очень высокій, свѣтло-сѣрый и тому-же мохнатый, помѣщавшійся на стулѣ рядомъ со столикомъ.

Лампа горѣла, хотя освѣщеніе въ квартирѣ было электрическое, абажура на ней не было. На цилиндрѣ же сверху была надѣта дамская шляпа со страусовыми перьями, но г-жа N. N. эту шляпу мимоходомъ сняла. „На что ей лампа?“ — удивился Никодимъ. Но она не дала ему времени подыскать отвѣта, вдругъ рѣзко повернувшись и рѣзко сказавъ; „Собственно, что вамъ нужно? Адресъ господина Лобачева вы можете узнать у дворника или швейцара. Оставьте мою квартиру, прошу васъ.“

Она была недовольна чувствами Никодима, а не его поведеніемъ: Никодимъ велъ себя скромно и съ достоинствомъ.

Чувства Никодима ей было нетрудно угадать. Но онъ уже и самъ понялъ, что влюбленъ въ нее и не повиновался ея приказанію. Ей-же стало вдругъ жалко, что рѣзкостью своею она обидѣла его.

Опираясь обѣими руками о край столика, на которомъ горѣла керосиновая лампа, она стояла и глядѣла на Никодима, — пристально, совсѣмъ по иному, чѣмъ первый и второй разъ: въ глазахъ ея свѣтилась уже не любезность, а ненависть, съ плохо скрытой любовью. И эта двойственность выраженія еще больше шла къ ней, чѣмъ любезность — ко всему, что сквозило въ ней, изливалось изъ нея, къ самому облику ея, къ цвѣту волосъ и даже къ прическѣ и платью.

Никодимъ сдѣлалъ еще два-три шага и только столикъ остался преградой между ними.

— „Вѣдьма" — сказалъ Никодимъ вслухъ.

— „Вѣдьма" — утвердительно повторила она за нимъ.

Онъ схватилъ ее съ силой за правую руку, повыше кисти. Она рванулась въ сторону, но вдругъ стихла и спокойно сняла свободной лѣвой рукой стекло съ горящей лампы, совсѣмъ не боясь обжечься. Прежде чѣмъ Никодимъ успѣлъ что-либо сообразить, она этимъ стекломъ неожиданно-ловко ударила его по лицу. Онъ почувствовалъ острую боль и будто электрическій разрядъ въ себѣ, вмѣстѣ съ противнымъ запахомъ обожженной кожи. Въ немъ сейчасъ же вспыхнула жгучая злоба, заскрипѣвъ зубами отъ боли, въ первый мигъ онъ выпустилъ было ея правую руку, но тутъ же ухватился обѣими руками за лѣвую, пригибая противницу къ столу.

Она тоже сжала зубы отъ боли, такъ какъ пальцы Никодима были цѣпки и давили все крѣпче и крѣпче. Пытаясь освободиться, она рванулась въ сторону, но только кости ея хрустнули.

Тогда она перехватила стекло правой рукой, — Никодимъ вцѣпился и въ правую руку: у него былъ одинъ страхъ, что она опять ударитъ его стекломъ.

— Оставьте — сказала она повелительно: уйдите.

— Я не уйду! — отвѣтилъ онъ твердо.

— Не уходите, но отпустите руки.

— Положите стекло, тогда я отпущу руки.

Она злобно засмѣялась и снова рванулась, стремясь ударить его еще разъ. Онъ инстинктивно откинулъ голову назадъ, отпустилъ ея лѣвую руку и со словами: „вотъ я выжгу вамъ глаза“, схватилъ со стола горящую лампу.

Они еще метались по комнатѣ съ полминуты; разъ или два она опять изловчилась ударить его по щекѣ; онъ же не сумѣлъ привести свое намѣреніе въ исполненіе: каждый разъ она угадывала его движенія и ловко увертывалась,—наконецъ, быстрымъ движеніемъ вышибла лампу изъ его руки — свѣтъ погасъ, а фарфоровые черепки со звономъ разлетѣлись по полу.

Въ наступившемъ полумракѣ, Никодимъ вдругъ почувствовалъ, что г-жа N. N. слабѣетъ, но то длилось меньше мига. Когда ему показалось, что побѣда совсѣмъ на его сторонѣ, что она упадетъ измученная, а онъ уйдетъ свободнымъ — острая рѣжущая боль еще разъ прожгла все его существо, и онъ, изгибаясь въ судорогахъ, упалъ на коверъ къ ея ногамъ. Она отскочила въ сторону, но судороги быстро прекратились.

— Цилиндръ, цилиндръ, сказалъ Никодимъ

слабымъ голосомъ. И дѣйствительно съ цилиндромъ творилось необыкновенное: еще во время борьбы онъ началъ вести себя странно: подпрыгивалъ, качаясь изъ стороны въ сторону, то выросталъ, то умалялся — когда же Никодимъ упалъ на коверъ — цилиндръ подпрыгнулъ выше прежняго, вытянулся почти до потолка и затѣмъ съ пружиннымъ звономъ пришлепнулся въ лепешку.

Г-жа N. N. въ отвѣтъ на послѣднія Никодимовы слова подошла къ нему, погладила его по головѣ и, при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ откуда-то изъ корридора, заглянула ему прямо въ глаза — добрымъ-добрымъ, материнскимъ взглядомъ, но онъ отъ того только метнулся опять въ страхѣ и протянулъ руки къ цилиндру, намѣреваясь схватить его. Тогда столикъ вмѣстѣ съ цилиндромъ отшатнулся въ сторону и, перевернувшись въ воздухѣ колесомъ, полетѣлъ въ раскрывшуюся пропасть. За нимъ послѣдовала сама г-жа N. N. и всѣ остальные предметы, бывшіе въ комнатѣ.

ГЛАВА XI.

Вынужденное рѣшеніе.— Записка господина W.

Когда Никодимъ, пролежалъ неподвижно уже нѣсколько минутъ, госпожа N. N. попробовала приподнять его, чтобы перенести

на диванъ или на кровать, но это оказалось ей не подъ силу. Помедливъ немного, она принесла изъ своей спальни подушку и подложила ее подъ голову Никодима, оправивъ ему волосы и отеревъ лицо платкомъ.

Такъ прошелъ часъ и другой и время уже давно перешло за полночь, а Никодимъ все лежалъ; дыханіе его оставалось еле замѣтнымъ; лицо осунулось сразу, поблѣднѣло; холодный потъ выступилъ на лбу; ротъ былъ полуоткрытъ, а зубы крѣпко стиснуты.

Госпожа N. N. начала безпокоиться, но, видимо, хотѣла заглушить свое безпокойство. Стоя у раскрытаго на широкій дворъ окна, она запѣла звонкую французскую пѣсенку; пропѣла ее разъ, и другой, и третій, не замѣчая, что твердитъ одно и то же. Двое молодыхъ людей, скучающихъ въ городѣ, изъ окна напротивъ, попробовали завести съ нею разговоръ, но она презрительно захлопнула окно и, еще разъ взглянувъ на Никодима, прошла къ себѣ въ спальню.

До утра два или три раза она, полуодѣтая, выходила изъ спальни, становилась на колѣни около Никодима, заботливо отирала холодный потъ съ его лба, согрѣвала ему руки и дышала на вѣки, но онъ не приходилъ въ сознаніе.

Утромъ довольно рано, госпожа N.N. подошла къ телефону, позвонила, назвала номеръ,

но-когда оттуда отвѣтили, она быстро повѣсила трубку, вернулась къ Никодиму, сѣла около него на полъ, и склонивъ свою голову къ его лицу, сидѣла такъ весьма долго.

Въ теченіе дня пыталась она позвонить еще раза два или три, но, отказываясь каждый разъ отъ своего намѣренія, возвращалась къ Никодиму, опять склонялась надъ нимъ и говорила ему на ухо ласковыя слова; иногда она едва сдерживала рыданія, поводя плечами.

Наконецъ, она рѣшилась, вызвала кого-то по телефону и заговорила. Не называя своего собесѣдника по имени, она стала спрашивать, не знаетъ ли тотъ, кто такой ея случайный посѣтитель и просила взять Никодима изъ ея квартиры.

Черезъ полчаса послѣ разговора въ квартирѣ появились четверо молодыхъ людей: трое такъ-себѣ, въ котелкахъ, а четвертый въ лощеномъ цилиндрѣ, смуглый, и съ постоянной на почти негритянскомъ лицѣ улыбкой, отъ которой сверкали его бѣлые крѣпкіе зубы. Вѣжливо поклонившись госпожѣ N.N., они подняли Никодима и осторожно вынесли его. А еще черезъ полчаса къ дому на Надеждинской подъѣхалъ въ автомобилѣ господинъ восточнаго типа, крѣпкій, жилистый и прошелъ въ квартиру госпожи N. N. Схвативъ ее за руку довольно неучтиво, онъ прошелъ съ нею въ будуаръ и

началъ какое-то объясненіе. Говорилъ онъ громко, рѣзко,—она отвѣчала спокойно и настойчиво. Черезъ четверть часа онъ покинулъ ея квартиру явно раздосадованный.

Никодимъ же не слышалъ какъ его вынесли изъ квартиры госпожи N.N. и какъ привезли домой.

Онъ пришелъ въ сознаніе, спустя очень много времени послѣ описаннаго событія.

Очнулся онъ на своей городской квартирѣ. Глаза его открылись вдругъ и, лежа въ широкой постели, онъ передъ собою, на сѣрой стѣнѣ, окаймленной золотымъ бордюромъ, первымъ увидѣлъ блѣдное свѣтовое пятно—раздѣленное на четыреугольники тѣнью отъ переплета окна—отраженіе солнца.

Въ комнатѣ было тихо-тихо и Никодиму показалось, что въ квартирѣ онъ только одинъ. И еще долго, пока онъ думалъ въ неподвижности, даже и малѣйшій звукъ не нарушилъ тишины.

Думая, онъ старался припомнить, что случилось съ нимъ, послѣ его отъѣзда изъ дома въ лѣсу. Исторія съ десятью шкафами и то, какъ онъ появился въ квартирѣ госпожи N.N. — вспомнились ему легко и просто, со всѣми подробностями. Но о послѣдующемъ остались весьма смутныя воспоминанія и даже скорѣе не воспоминанія, а лишь ощущеніе чего то происходившаго и оставшагося для него закры-

тымъ. Изъ смутнаго начинало вдругъ выдѣляться лицо отца, склоненное надъ Никодимомъ, но не изъ комнаты, а изъ пустоты и лицо госпожи N. N., тоже надъ нимъ—одно и рядомъ съ лицомъ отца; потомъ еще лица незнакомыя, съ шевелящимися безъ звуковъ губами. Кромѣ того столикъ около кровати и на немъ, по временамъ, сѣрый, мохнатый цилиндръ и прислоненная къ столику отцовская суковатая палка. Затѣмъ собственныя Никодимовы слова: „Я хочу такой сѣрый цилиндръ. Купите мнѣ, пожалуйста, или закажите у Вотье". Кто-то отвѣчалъ ему согласіемъ — кажется, г-жа N. N.

Но что же еще было? Было что-то несомнѣнно. Будто не все онъ лежалъ въ постели, а вставалъ уже, что-то дѣлалъ, куда-то торопился.

Волнуясь отъ безсилія вспомнить хотя бы малую часть происходившаго, онъ приподнялся въ кровати и обвелъ комнату медленнымъ взглядомъ. Въ числѣ прочихъ вещей, занимавшихъ свои знакомыя мѣста, онъ увидѣлъ новое: отцовскую вересовую палку у подоконника. „Значитъ, отецъ находится дѣйствительно здѣсь, подумалъ Никодимъ, и мои представленіи меня не обманываютъ". Едва онъ это подумалъ, какъ въ комнату на цыпочкахъ вошелъ отецъ и, увидѣвъ Никодима сидящимъ, вдругъ бросился къ нему

стремительно. Стремительность движенія къ отцу совсѣмъ не шла, что Никодимъ особенно остро подмѣтилъ тогда. Говорить отецъ ничего не могъ отъ волненія, лицо его выражало тревогу (столь необыкновенное для него выраженіе) и похудѣло.

Никодимъ заговорилъ первымъ. Онъ спросилъ отца: „а сѣрый цилиндръ уже готовъ?“

Отецъ удивленно приподнялъ брови и даже испугался: ему показалось, что сынъ сошелъ съ ума.

— „Сѣрый цилиндръ?!“

— Ну да, сѣрый цилиндръ, который обѣщала купить мнѣ госпожа N.N.

Въ голосѣ Никодима прозвучала дѣтская обида.

— Госпожа N.N. ?!

— Ну да! Госпожа N.N. Развѣ она здѣсь не была, или ты ея не знаешь?

— Нѣтъ, я ее знаю. Она была здѣсь... Одинъ разъ...

— А гдѣ же она теперь?

— Она уѣхала куда-то.

— А куда уѣхала?

— Этого я не знаю. Да ты лягъ, успокойся, я узнаю, куда она уѣхала, сказалъ отецъ очень ласково и принялся укладывать Никодима обратно въ постель.

Значитъ, не все въ его воспоминаніяхъ было правдой — сѣрый цилиндръ здѣсь, на столикѣ

около кровати, никогда не стоялъ? И смущенный этимъ сомнѣніемъ Никодимъ прекратилъ разговоръ.

На другой день Никодимъ оправился настолько, что уже могъ встать съ постели. Входя въ столовую, онъ столкнулся съ отцомъ и первымъ вопросомъ, обращеннымъ къ отцу, у Никодима было:

— Ну, папа, узналъ ты, куда уѣхала госпожа N. N.?

Отецъ виновато взглянулъ на сына и сказалъ:

— Я забылъ объ этомъ.

— Такъ я самъ узнаю, отвѣтилъ Никодимъ и направился было къ выходу. Но отецъ остановилъ его словами: „тебѣ еще нельзя на улицу", и взявъ Никодима подъ руку, отвелъ его обратно въ спальню.

Никодимъ не сталъ спорить и даже сказалъ: „мнѣ бы въ деревню теперь хорошо, я тамъ отдохну"

На другой день они выѣхали въ имѣніе. Всю дорогу Михаилъ Онуфріевичъ бережно смотрѣлъ за сыномъ, а когда тотъ заговаривалъ о своей болѣзни, старался отвести Никодима отъ такого разговора. Никодимъ же не замѣчалъ, что теряетъ нити и разговора и своихъ мыслей.

Лѣто подходило къ концу. Уже много желтыхъ листьевъ лежало на луговинахъ и дорож-

кахъ; косили созрѣвшій овесъ и ходили въ лѣсъ за грибами съ большими корзинами.

Никодимъ больше сидѣлъ дома, въ спокойномъ креслѣ, за книгами; иногда съ террасы, откинувшись въ креслѣ назадъ, глядѣлъ подолгу въ лѣсъ или за озеро. Отецъ почти все время находился при немъ; въ Михаилѣ Онуфріевичѣ многое сильно измѣнилось за послѣднее время: одѣвался онъ теперь по иному, — англійскій костюмъ, легкіе ботинки, черная шляпа, круглая и мягкая, а по временамъ цилиндръ и трость, также черная, съ золотомъ, при молчаливой фигурѣ, спокойной складкѣ рта и похудѣвшемъ лицѣ,—такимъ представлялся его обликъ въ тѣ дни.

Никодимъ тоже молчащій и ушедшій въ себя, вспоминалъ все время только одно — госпожу N. N. По временамъ онъ задавалъ себѣ вопросъ о матери, но спросить о ней было не у кого: онъ зналъ, что съ отцомъ не слѣдовало даже пытаться заговорить объ этомъ, а Евлалія и Валентинъ оставались въ Петербургѣ и на письмо Никодима объ Евгеніи Александровнѣ Евлалія отвѣтила, что ей по прежнему ничего неизвѣстно.

По временамъ заѣзжалъ старичекъ-докторъ, говорилъ съ Никодимомъ по нѣсколько минутъ, ощупывалъ его пульсъ, заглядывалъ осторожно въ глаза и со словами: „ничего, ничего! скоро все пройдетъ — опять будете молодцомъ,

это лишь послѣдствія нервной горячки" — переходилъ въ кабинетъ къ Михаилу Онуфріевичу играть въ шахматы. Никодимъ старался быть любезнымъ съ докторомъ, никогда ему не возражалъ и безразлично отпускалъ его.

Какъ-то наскучивъ самому себѣ своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, Никодимъ вспомнилъ совѣтъ Якова Савельича разобраться въ письмахъ матери. Одну минуту онъ колебался — ему все же казалось, что Яковъ Савельичъ не подумалъ, на какое непріятное дѣло онъ посылалъ тогда Никодима. Однако, мысль, что въ настоящее время только и можно питать надежду найти нужные слѣды въ перепискѣ матери — превозмогла, и Никодимъ, вставъ, направился въ ея комнату.

Комната Евгеніи Александровны оставалась неприкосновенной съ того времени, какъ исчезла сама Евгенія Александровна. Даже пыль тамъ рѣдко убирали. Полуспущенныя шторы позволяли проникать въ нее слабому свѣту. Когда Никодимъ вошелъ туда, онъ явственно ощутилъ дуновеніе забытости и заброшенности, будто даже тлѣнія.

Откинувъ крышку бюро, за которымъ, обыкновенно, Евгенія Александровна сидѣла съ книгой или надъ письмомъ, Никодимъ попытался выдвинуть ящички, полагая, что свою переписку мать должна была хранить въ нихъ, но ящички оказались запертыми на

ключъ. Поискавъ ключи на бюро и не найдя ихъ тамъ, онъ зажегъ въ комнатѣ свѣтъ и принялся осматривать полочки, столики, этажерки и всѣ тѣ предметы, на которыхъ ключи могли бы лежать или висѣть. Наконецъ онъ нашелъ ихъ между книгами на книжной полкѣ и, подойдя къ бюро, принялся открывать ящики.

Писемъ въ ящикахъ было много; большая часть ихъ, перевязанная шнурочками и ленточками, лежала въ порядкѣ и Никодимъ, несмотря на принятое только что рѣшеніе исполнить совѣтъ Якова Савельича, такъ и не посмѣлъ коснуться ихъ; онъ лишь посмотрѣлъ каждую пачку сверху, по конвертамъ, и узналъ нѣсколько знакомыхъ почерковъ: отца, тетушки Александры Александровны, покойной бабушки, дѣтскія письма свои, Евлаліи и Валентина. Оказались, однако, между знакомыми письмами и незнакомыя: особенно много было пачекъ, надписанныхъ почеркомъ съ удлиненными буквами, видъ которыхъ напомнилъ Никодиму что-то уже встрѣчавшееся ему, но что—онъ не могъ возстановить въ своей памяти. Подержавъ эти пачки въ рукахъ дольше чѣмъ другія, онъ положилъ и ихъ на прежнее мѣсто.

Только въ самомъ крайнемъ ящикѣ, внизу, лежали еще неразобранныя письма и съ ними вмѣстѣ небольшая книжечка, переплетенная въ красный сафьянъ, съ золотой рам-

кой и буквой „Е“ на переплетѣ. Вѣроятно, это былъ дневникъ, или книга для замѣтокъ, но Никодимъ не просмотрѣлъ и ее—онъ лишь раскрылъ эту книгу тамъ, гдѣ она была заложена листочкомъ бумаги и прочелъ на четной страницѣ: „Иначе и быть не можетъ: я давно должна бы понять это. Я должна, разъ я рѣшила такъ еще десять лѣтъ назадъ. И стоитъ ли думать, сомнѣваться?“

Это было написано матерью. Лоскутокъ же бумаги, служившій закладкой, оказался сложенный вчетверо запиской. И записка говорила слѣдующее:

„Я вчера ждалъ Васъ напрасно цѣлыхъ три часа. Не подумайте, что я хочу жаловаться Вамъ на непріятности столь долгаго ожиданія. Но, ради Бога, рѣшайте вопросъ скорѣе. Къ тому, что сказано, я могу прибавить лишь одно: *** знаетъ Вашу исторію, конечно, не въ томъ видѣ и не съ тѣми подробностями, съ какими знаю я. Но для нея вопросъ о моемъ другѣ рѣшенъ окончательно, она упряма, когда принимаетъ какое либо рѣшеніе. Итакъ, я жду Васъ сегодня въ 12 ночи надъ обрывомъ, у качели. Я не могу болѣе терять времени. Любовь къ *** меня мучитъ и если Вы сегодня не будете—я застрѣлюсь. Это не шутка и не угроза—къ сожалѣнію, это необходимость. N.N.“

Изъ записки Никодимъ ничего не понялъ.

Но тамъ, гдѣ я дважды ставлю три звѣздочки, онъ прочелъ имя госпожи NN, а прочитанное въ книгѣ, напомнило ему сразу то, что онъ подслушалъ отъ матери когда-то на огородѣ.

ГЛАВА XII.

Предметъ достойный удивленія.—Два господина въ окнѣ третьяго этажа.

Мысли Никодима сразу пріобрѣли особую прямолинейность. „Несомнѣнно", заключилъ онъ: „госпожа N.N. знаетъ и господина, написавшаго эту записку, и мѣстопребываніе мамы. Я долженъ поѣхать къ ней и поговорить. И затѣмъ пора сказать себѣ прямо, что я люблю госпожу N.N."

Въ тотъ же день вечеромъ Никодимъ заявилъ отцу, что собирается ѣхать въ Петербургъ. Михаилъ Онуфріевичъ отвѣтилъ: „да, поѣзжай", но все-же спросилъ втихомолку доктора, заѣхавшаго на другой день, какъ тотъ думаетъ. Докторъ наморщилъ лобъ, вторично прошелъ къ Никодиму и, пощупавъ еще разъ у него пульсъ, сказалъ отцу, что ничего,—можно и даже полезно проѣхаться, чтобы освѣжить голову.

Еще садясь въ вагонъ, Никодимъ припомнилъ тотъ самый сѣрый цилиндръ, что онъ видѣлъ въ передней у госпожи N.N., быстро по-

думалъ: „безъ такого цилиндра къ ней явиться нельзя“, и тутъ же рѣшилъ, по пріѣздѣ въ городъ, немедленно купить или заказать себѣ у Вотье подобную вещь.

Выходя съ вокзала на улицу, Никодимъ былъ оглушенъ давно неслышаннымъ уличнымъ гамомъ и голова его слегка закружилась, но онъ сейчасъ же съ собою справился и прямо съ вокзала, по солнечной сторонѣ проспекта, направился пѣшкомъ къ Вотье. Минутами чувство слабости возвращалось къ нему и тогда ему казалось, что онъ идетъ не по улицѣ, а русломъ рѣки, по дну, и все передъ его глазами протекаетъ, будто вода— и люди, и лошади, и экипажи. Лишь отдѣльныя лица иногда выскакивали изъ текущей массы—такъ проплывающая рыбка видитъ сквозь воду другихъ встрѣчныхъ рыбокъ.

Но въ городѣ для Никодима существовали только домъ на Надеждинской и магазинъ Вотье. О другомъ онъ не думалъ.

Въ магазинѣ такого цилиндра, какой Никодиму хотѣлось, не нашлось. Однако, продавецъ любезно заявилъ, что подобный они возьмутся сдѣлать на заказъ и, получивъ согласіе Никодима, снялъ мѣрку, уже записалъ размѣръ въ книгу и только тогда спросилъ: „а какой же вышины прикажете изготовить? и не пожелаете-ли шапо-клякъ?„

Никодимъ склонившись надъ прилавкомъ

отвѣтилъ полушопотомъ: „двѣнадцать вершковъ и, пожалуйста, шапо-клякъ. Затѣмъ мнѣ необходимо, чтобы пружина звенѣла въ немъ, какъ можно явственнѣе“.

Продавецъ сначала только отодвинулся, но затѣмъ вѣжливо и убѣдительно сталъ доказывать, что подобныхъ уборовъ никто не носитъ, и что невозможны они сами по себѣ. „Подумайте, говорилъ онъ: въ васъ росту и такъ не менѣе девяти вершковъ, если же прибавить еще двѣнадцать, то будетъ уже три аршина пять вершковъ“, Никодимъ настаивалъ на своемъ. Наконецъ, минутъ черезъ десять они сошлись на шести вершкахъ и Никодимъ, очень довольный, направился домой. Продавецъ же, проводивъ его до дверей и посмотрѣвъ ему въ слѣдъ, еще долго потомъ примѣривалъ, прикидывалъ и покачивалъ головой.

По дорогѣ, на Невскомъ проспектѣ, Никодимъ купилъ себѣ еще сѣрое пальто и сѣрыя же перчатки—совершенно подъ цвѣтъ цилиндру.

Два дня прошли въ томительномъ ожиданіи: Никодимъ никакъ не хотѣлъ идти на Надеждинскую безъ новаго цилиндра. Лишь на третій день онъ подумалъ, что сперва можно сходить туда и запросто, чтобы узнать, здѣсь-ли госпожа а N.N., если нѣтъ, то гдѣ она теперь можетъ находиться. Младшій дворникъ у воротъ заявилъ ему что госпожа N.N. уѣхала

уже давно, но не могъ сказать, когда и куда. Никодимъ прошелъ къ старшему дворнику.

Тотъ, степенный сибирякъ и, повидимому, староверъ (въ дворницкой сильно пахло ладаномъ), досталъ изъ-за печки книгу и началъ ее перелистывать. Никодимъ, смотря тоже въ нее черезъ дворниково плечо, первый нашелъ запись о госпожѣ NN: въ книгѣ стояло, что 20 іюля госпожа NN выѣхала, не давъ свѣдѣній.

— Выѣхали, значитъ, сказалъ и дворникъ: однако, если бы вы господинъ, пожелали знать, куда,—добавилъ онъ,—то вѣрнѣе всего вамъ обратиться къ господину Лобачеву.

— А гдѣ этотъ господинъ Лобачевъ проживаетъ? спросилъ Никодимъ.

— Это намъ неизвѣстно. Они, обыкновенно, въ автомобилѣ пріѣзжаютъ. Однако, если вы адресокъ вашъ оставите, то мы вамъ при первой возможности отъ Ѳеоктиста Селиверстовича узнаемъ и сообщимъ. Они здѣсь, обыкновенно, по пятницамъ бываютъ, за квартирой присматриваютъ. Хотя у насъ все въ порядкѣ.

— Ну что-же дѣлать, сказалъ Никодимъ: обождемъ вашего Ѳеоктиста Селиверстовича.

Съ этими словами онъ записалъ дворнику на клочкѣ бумаги свой адресъ и поѣхалъ домой.

Былъ пока только четвергъ. Онъ рѣшилъ

обождать: все равно цилиндръ еще не былъ готовъ. Но ни въ пятницу, ни въ субботу никто съ Надеждинской не пришелъ и Никодимъ въ воскресенье утромъ самъ собрался съѣздить туда опять. Въ то время, когда онъ одѣвался въ передней, вошелъ отецъ. Расцѣловавшись со старикомъ, Никодимъ сказалъ ему, что долженъ уѣхать по дѣлу. Михаилъ Онуфріевичъ въ отвѣтъ заявилъ, что онъ тоже не прочь проѣхаться съ нимъ, если не помѣшаетъ, и хотя Никодимъ сначала подумалъ, что совсѣмъ не къ чему посвящать старика въ это дѣло, все же сказалъ ему: „поѣдемъ, я буду очень радъ побыть съ тобой."

При выходѣ изъ подъѣзда они столкнулись съ дюжимъ молодцомъ, по виду подручнымъ дворникомъ. Никодимъ, сперва не призналъ его. Тотъ также смотрѣлъ на Никодима что-то соображая. Въ рукахъ у молодца была записочка. Наконецъ, онъ снялъ шапку и спросилъ Никодима.

— Не вы ли будете, баринъ, Никодимъ Михайловичъ? Кажись, я не обознался.

— Да, это я.

— Мы младшіе съ Надеждинской будемъ. Такъ господинъ Лобачевъ приказали вамъ сообщить, что адресъ барыни NN вы сегодня можете узнать у ихъ управляющаго.

— А гдѣ-же этого управляющаго найти и какъ его зовутъ?

— Не могу знать.

— Такъ за какимъ же щутомъ ты пришелъ сюда?

— А мы такъ, значитъ, полагали... что вамъ самимъ это вѣдомо.

— Вотъ то-то и есть, что полагали.

Никодимъ обозлился. Дворникъ почесалъ въ затылкѣ.

— Можетъ быть, старшій вашъ знаетъ?— спросилъ Никодимъ.

Дворникъ молчалъ.

— Ну что же?—спросилъ Никодимъ.

— Ужъ вы простите меня, баринъ, сказалъ, наконецъ, дворникъ, а ежели хотите его отыскать, такъ поѣзжайте на Семеновскую площать: они тамъ сейчасъ въ третьемъ этажѣ въ растворенномъ окнѣ чай съ какимъ то человѣкомъ пьютъ. Дома-то я номера не помню, а только вы управляющаго сразу признаете: чернявый такой и съ виду отъ другихъ отмѣтный.

— Послушай, сказалъ Никодимъ: ты дурака ломаешь. Тебѣ извѣстно и кто управляющій и гдѣ онъ живетъ—я знаю. Просто, тебя кто-то научилъ пороть эту чушь.

Но дворникъ принялся божиться, что никто его не училъ, но что онъ сегодня ходилъ съ управляющимъ по дѣлу и оставилъ его на Семеновской площади. Что оставалось Никодиму? Онъ велѣлъ кучеру ѣхать на Семенов-

скую, въ надеждѣ отыскать лобачевскаго управляющаго.

По случаю праздничнаго дня, на площади былъ утренній базаръ. Пахло лукомъ и разными другими овощами, мясомъ; въ воздухѣ стоялъ нестерпимый раздражающій галдежь; мелькали разноцвѣтныя кофты бабъ и рубахи торговцевъ. Всюду ожесточенно спорили, торговались; дѣти пищали, куры подъ плетенками кудахтали, а тощіе пѣтухи пытались пѣть.

Оставивъ кучера съ лошадьми у водопойной будки, Никодимъ и Михаилъ Онуфріевичъ, среди этого гама, обошли базарную половину площади, заглядывая въ растворенныя окна третьихъ этажей; но ничего подобнаго указанному дворникомъ, то есть ни черняваго человѣка въ компаніи съ другимъ, ни вообще пьющихъ чай не увидѣли. Обойдя полукругъ площади еще два раза, они черезъ мостъ перешли на другую сторону. Здѣсь было растворено очень много оконъ во всѣхъ этажахъ, и въ окна смотрѣли люди и по одному, и по двое и по трое. Но все это было не то. Уже въ раздраженіи Никодимъ забѣгалъ по дорожкамъ сквера, среди прогуливающихся степенныхъ людей и ребятъ, занятыхъ играми, подъ надзоромъ нянюшекъ и безъ надзора; уже старикъ безъ прежней покорности слѣдовалъ за Никодимомъ, и дивясь на сына и немного браня его, когда къ нимъ по дошли два

господина. Одинъ изъ нихъ былъ довольно неопредѣленныхъ свойствъ и носилъ котелокъ, а другой смуглый, почти негритянскаго типа, съ привѣтливой улыбкой, не сходящей съ толстыхъ красныхъ губъ, одѣтый изысканно, имѣлъ на головѣ лощеный цилиндръ.

Они появились дѣйствительно изъ окна третьяго этажа. До прихода Никодима и Михаила Онуфріевича тамъ сидѣли они съ утра и пили чай, причемъ смуглый все время зорко посматривалъ на площадь и было просто удивительно, какъ Никодимъ и Михаилъ Онуфріевичъ ихъ не замѣтили. Взглянувъ на площадь разъ, другой и третій, смуглый сказалъ своему собесѣднику?

— Вотъ, кажется, тѣ два господина, которые насъ ищутъ.

Спустившись молча сію же минуту на площадь, они и направились къ пришедшимъ. Смуглый, приподнявъ цилиндръ, обратился къ Никодиму.

— Осмѣливаюсь васъ спросить: не черезъ господина ли Лобачева направлены вы сюда и не управляющаго ли Ѳеоктиста Селиверстовича изволите отыскивать?

— Да, черезъ господина Лобачева.

Никодимъ припомнилъ, что управляющій долженъ былъ, по словамъ дворника, быть чернявымъ и спросилъ въ свою очередь:

— Такъ это вы, кого я ищу?

— Имѣю честь быть тѣмъ, кого вы ищете.

Они помолчали.

— И вы можете мнѣ сообщить адресъ госпожи NN? вновь спросилъ Никодимъ съ замѣтною радостью въ голосѣ.

— Да могу. Госпожа NN въ іюлѣ выѣхала въ Исакогорку и живетъ тамъ до сего времени. Исакогорка—это около Архангельска.

— А господина Лобачева адресъ могу я узнать отъ васъ?

— Нѣтъ! Адреса господина Лобачева я не имѣю возможности вамъ сообщить, отрѣзалъ управляющій и притомъ такъ твердо, что переспрашивать объ этомъ Никодиму не захотѣлось. Да и не понравился Никодиму его собесѣдникъ.

— Благодарю васъ, сказалъ Никодимъ напослѣдокъ и, кивнувъ головой, отвернулся, какъ бы давая тѣмъ понять, что разговаривать больше не о чемъ.

Но лобачевскій управляющій снялъ свой цилиндръ и отвѣсилъ вслѣдъ Никодиму почтительный поклонъ.

Михаилъ Онуфріевичъ, пока шелъ разговоръ, стоялъ въ сторонѣ съ озабоченнымъ лицомъ и видимо не слышалъ о чемъ говорили.

ГЛАВА XIII.

Досадная порча весьма нужной вещи.

„Ну что-же поѣдемъ въ Исакогорку!" рѣшилъ Никодимъ, переходя черезъ мостъ на лѣвую сторону набережной.

На другой день, въ понедѣльникъ, сѣрый цилиндръ въ сопровожденіи мальчика и счета на стоимость своего изготовленія явился на квартиру Никодима. Никодимъ цилиндръ примѣрилъ и остался имъ очень доволенъ: пружина звенѣла въ немъ мелодическимъ звономъ, а мохнатая поверхность его такою пріятною чувствовалась подъ гладящей рукой.

Въ тотъ же день Никодимъ купилъ себѣ билетъ до Исакогорки, а во вторникъ, облачившись въ новое сѣрое пальто, надѣвъ цилиндръ и сѣрыя перчатки, и захвативъ съ собою отцовскую суковатую палку, поѣхалъ на вокзалъ. Необычайный видъ его удивлялъ прохожихъ и проѣзжихъ, иные смѣялись — Никодимъ дѣлался центромъ общаго вниманія, не примѣчая этого. У него сильно болѣла голова, а по временамъ вертѣлись передъ глазами темныя пятна.

Длинный путь до Исакогорки былъ скученъ, сосѣди по купэ оказались мало разговорчивыми, да и Никодимъ не хотѣлъ заводить съ ними знакомства. Ихъ было двое: оба довольно не-

опредѣленные, въ порыжѣлыхъ котелкахъ и сѣрыхъ пальто, потертыхъ и помятыхъ.

До Вологды путь еще былъ не такъ скученъ, но дальше, по сторонамъ узкоколейной дороги, край сталъ совсѣмъ непривѣтливымъ: чувствовалась бѣдная, холодная осень, съ туманами и нескончаемыми дождями.

По временамъ Никодимъ начиналъ думать о госпожѣ NN, но мысли все какъ то очень быстро путались и обрывались. Было у него желаніе признаться госпожѣ NN въ любви, но въ мысляхъ онъ старался отдалить возможность этого признанія.

Такъ прошелъ послѣдній день пути. Ночью Никодимъ крѣпко спалъ, а утромъ доѣхали до Исакогорки. Выйдя на платформу, Никодимъ не спросилъ никого ни о госпожѣ NN, ни о томъ, какъ и куда идти, а пошелъ наугадъ, той стороною полотна, гдѣ стояли домики желѣзнодорожныхъ служащихъ и пролегала хорошо наѣзженная дорога. Воздухъ былъ холодный, безвѣтренный и утренникъ крѣпко прохватилъ намоченную дождями землю: на крышахъ, на кустахъ, на травѣ бѣлѣлъ иней, но солнце уже начинало пригрѣвать и первыя натаявшія капли звонко падали съ крышъ.

Никодимъ шелъ, опустивъ глаза и, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, наткнулся на двухъ старухъ, копошившихся у кочки подъ

большимъ желтымъ кустомъ. „Вотъ еще вороны“? подумалъ о нихъ Никодимъ, но вслухъ спросилъ: „что вы здѣсь дѣлаете, бабушки?“. Старухи не отвѣтили, даже не обернулись. Никодимъ съ любопытствомъ заглянулъ черезъ ихъ спины: подъ кустомъ, скорчившись и закрывъ лицо руками, сидѣла молодая женщина; подолъ ея темнаго платья былъ плотно обернутъ кругомъ колѣнъ, а ноги въ тонкихъ чулкахъ и совсѣмъ легкихъ туфелькахъ выставлялись черезъ кочку. Никодимъ взглянувъ пристальнѣе, почуствовалъ какъ бы уколъ въ сердце: знакомое очарованіе сказалось сразу: передъ нимъ была госпожа NN.

Осторожно отодвинувъ одну изъ старухъ въ сторону, почти какъ неодушевленный предметъ, Никодимъ со словами: „Господи, что-же это такое?“, опустился на одно колѣно и отвелъ руки госпожи NN отъ ея лица.

Она съ изумленіемъ взглянула на него и поспѣшно поднялась. Онъ же, снявъ съ себя пальто, накинулъ его на ея плечи, за что получилъ благодарный взглядъ.

— Что съ вами? спросилъ Никодимъ тревожно.

— Право, ничего. Вы не безпокойтесь. Проводите меня, пожалуйста, до дому: я чувствую себя совершенно разбитой.

Съ этими словами она указала, гдѣ ея домъ.

Никодимъ подалъ ей руку и они пошли по узкой тропинкѣ. Онъ все время приглядывался къ госпожѣ NN—ничто въ ней не измѣнилось: только на правой рукѣ онъ замѣтилъ, чего не видѣлъ въ первый разъ—два обручальныхъ кольца. Такъ кольца носятъ вдовы и Никодимъ спросилъ:

— Скажите, развѣ вы вдова?

— Нѣтъ!—сухо отвѣтила она.

Старухи молчали и ковыляли сзади: до сего времени Никодимъ не услышалъ ни одного звука отъ нихъ—будто старухи эти были нѣмыми.

Подойдя къ дому, госпожа NN легко вспорхнула на крылечко, обернувшись къ Никодиму сказала: „до свиданья, благодарю васъ“ и скрылась, захлопнувъ дверь. Никодимъ постоялъ въ нерѣшительности, потомъ поднялся на ступеньки и постучалъ. Отвѣта не послѣдовало. Онъ постучалъ еще и еще, но съ прежнимъ результатомъ.

Наконецъ, откуда-то со стороны, появилась одна изъ старухъ, неся на рукѣ его пальто, Подавая пальто Никодиму, она вдругъ заговорила дробнымъ говоркомъ:

— Напрасно стараетесь, батюшка—все равно не откроютъ. Шли бы лучше по своимъ дѣламъ.

— Да отчего же не откроютъ? У меня дѣло есть къ вашей госпожѣ.

Старуха ошиблась. Едва Никодимъ успѣлъ ей сказать „къ вашей госпожѣ“—дверь открылась и госпожа NN показалась на порогѣ.

— Извините, что я такъ невѣжливо обошлась съ вами, сказала она, и даже заставила васъ стоять здѣсь на крыльцѣ безъ пальто почти полчаса. Я должна загладить мою вину передъ вами: войдите, пожалуйста.

Онъ послушно вошелъ за нею, хотя подумалъ, что лучше было бы не идти, а спросить ее о запискѣ господина W тутъ же на крыльцѣ.

Комнаты дома были просто убраны, но на всемъ, что въ нихъ находилось, лежалъ отпечатокъ довольства, порядка, покоя. Гравюры на стѣнахъ въ гладкихъ рамахъ рядомъ съ часами совсѣмъ незатѣйливыми, но очень старинными, бра въ двѣ свѣчи, мягкая удобная мебель, бѣлыя занавѣски на окнахъ, множество живыхъ цвѣтовъ, открытый рояль — очень располагали вошедшаго къ дому и къ хозяйкѣ его.

Въ гостиной госпожа NN усадила Никодима въ кресло. Сказавъ нѣсколько словъ ради учтивости, онъ прямо перешелъ къ дѣлу.

— Вы вѣдь знаете, кто я? То есть знаете мое имя и мою фамилію? спросилъ онъ, а самъ въ то же время подумалъ: „Нѣтъ нужно сказать ей, что я люблю ее, Какъ глупъ я буду, если не скажу ей этого сейчасъ же.“

И почувствовалъ опять то уже знакомое ему очарованіе, какъ когда-то на Надеждинской улицѣ.

Она утвердительно кивнула головой.

— Но вы знаете не только меня, а, вѣроятно, и мою семью. То есть, по крайней мѣрѣ, мою мать и, кажется, знавали ее раньше, чѣмъ встрѣтились въ первый разъ со мною, тамъ... на Надеждинской.

Госпожа NN отвѣтила не сразу. Подумавъ, она сказала:

— Кажется, нѣтъ.

— Неправда. Вы ошибаетесь. Взгляните, пожалуйста, вотъ на эту записку: здѣсь стоитъ ваше имя, горячо возразилъ Никодимъ и протянулъ ей записку господина W.

Она взяла записку равнодушно, пробѣжала ее глазами два раза, перевернула и сказала:

— Я вижу здѣсь мое имя, но не могу сказать, кто писалъ эту записку и не понимаю, почему вы относите ее къ вашей матери.

И украдкой взглянула на Никодима.

Никодимъ же какъ то плохо разслышалъ ее: онъ захватилъ съ собою въ комнату свой сѣрый цилиндръ и все старался незамѣтно для госпожи NN поставить его такъ, чтобы она обратила на него вниманіе.

— Почему же? повторила она свой вопросъ.

Онъ вздрогнулъ, вспомнивъ, что нужно слушать и сказалъ.

— Да я не знаю.

И снова слегка подвинулъ цилиндръ.

Госпожа NN тогда ударила его по рукѣ и раздраженно замѣтила:

— Нужно быть внимательнымъ, если хотите спрашивать.

— Я эту записку нашелъ въ бюро, въ комнатѣ моей матушки.

— Значитъ вы рылись въ письмахъ матери? Да вѣдь это же стыдно такъ дѣлать!

Онъ дѣйствительно почувствовалъ стыдъ, но тотчасъ же нашелъ себѣ и оправданіе.

— Моя мать пропала неизвѣстно куда, еще весной — пояснилъ онъ.

— Пропала?

— Да, пропала.

Госпожа NN поднялась, приложила палецъ къ губамъ, подумала и сказала:

— Обождите минутъ пять: я вернусь и, можетъ быть, сумѣю быть вамъ полезной.

Съ этими словами она вышла. Но прошло не пять, а добрыхъ пятнадцать минутъ и она все не возвращалась.

Никодимъ всталъ и принялся ходить изъ угла въ уголъ, затѣмъ надѣлъ цилиндръ на голову и попытался выйти въ другую комнату, все время думая: „Вотъ она сейчасъ вернется и я скажу ей, что люблю ее". Ждать

было очень тоскливо и когда онъ проходилъ въ другую комнату, то ему вдругъ до боли захотѣлось видѣть госпожу NN передъ собою, здѣсь, не дожидаясь, немедленно. Но случилось совершенно непредвидѣнное несчастіе.

Проходя дверями, Никодимъ зацѣпился цилиндромъ за косякъ. Цилиндръ заплясалъ на головѣ отъ удара, упалъ на полъ и покатился въ сторону, причемъ скрытая въ немъ пружина зазвенѣла мелодичнымъ звономъ.

Догнавъ и поймавъ цилиндръ Никодимъ увидѣлъ, что тотъ съ одного боку сильно помялся; шмыгнувъ за сундукъ и ящики стоявшіе одинъ на другомъ въ концѣ корридора подъ окномъ, Никодимъ тамъ принялся исправлять попорченное, но тщетно—ему это рѣшительно не давалось. Онъ постоялъ за сундуками еще немного, выглядывая изъ-за нихъ и думая, не замѣтилъ-ли кто, какъ напрасно онъ старался, и потомъ уже безъ чувства прежняго очарованія, а даже съ неловкостью и отвращеніемъ къ себѣ вернулся въ гостиную и столкнулся тамъ съ госпожею NN.

Она посмотрѣла очень иронически и сразу замѣтила, что цилиндръ попорченъ, но будто не могла понять — отчего это произошло, то есть самъ ли онъ сломался, или Никодимъ проломилъ его намѣренно.

— Знаете, сказала она: я могу быть вамъ полезной: я разыскала кое-какіе слѣды.

— Да! удивленно переспросилъ онъ и подумалъ: „нужно уйти“.

— О вашей матери, навѣрное, знаетъ господинъ Лобачевъ.

— Господинъ Лобачевъ?

— Да! Почему вы удивляетесь?

— Нѣтъ, я не удивляюсь. Но гдѣ же мнѣ этого господина искать?

— Въ Петербургѣ.

— Въ Петербургѣ?

— Да, черезъ адресный столъ. Напишите запросъ: Ѳеоктистъ Селиверстовичъ Лобачевъ, сердобскій второй гильдіи купецъ.

— Почему же господинъ Лобачевъ можетъ знать что то о моей матери?

— Ахъ, это долго объяснять. И, пожалуйста, слушайтесь, когда вамъ говорятъ.

Никодимъ сказалъ: „благодарю васъ“, распрощался и живо выскользнулъ на крыльцо. На крыльцѣ онъ помедлилъ, подставляя свое лицо сіявшему солнцу, потомъ спрыгнулъ на дорожку и быстро зашагалъ по направленію къ станціи. Его тѣнь бѣжала сперва за нимъ, но затѣмъ выскочила впередъ и протянулась впереди неестественно длинно, черезъ лужи и неровности дорожки—особенно былъ смѣшонъ на тѣни глупый цилиндръ.

— Ну и цилиндръ! сказалъ себѣ Никодимъ: и гдѣ ты только досталъ такой?

— Шутъ гороховый, выругался онъ вслѣдъ,

сорвалъ цилиндръ съ головы, ударилъ его его о земь такъ, что тотъ зазвенѣлъ и пришлепнулся въ лепешку, хватилъ его еще нѣсколько разъ палкой, добавивъ: „ну и лежи здѣсь!“ и пошелъ дальше уже съ непокрытой головой.

На станціи онъ купилъ у сторожа шапку и черезъ нѣсколько часовъ поѣхалъ обратно.

Въ вискахъ у него ныло отъ постукиванія колесъ и въ ладъ съ этимъ постукиваньемъ все время вертѣлось на языкѣ „вѣдьма, вѣдьма, вѣдьма!“

Подъѣзжая къ Вологдѣ, Никодимъ надумалъ было вернуться въ Исакогорку, но не нашелъ тогда въ себѣ рѣшимости исполнить это намѣреніе.

ГЛАВА XIV.

Ѳеоктистъ Селиверстовичъ Лобачевъ.

Потомъ онъ вспомнилъ о десяти шкафахъ, задалъ себѣ вопросъ: „а куда же они исчезли?“ и пріѣхавъ домой, прежде всего позвалъ лакея, когда то привезшаго ихъ изъ Царскаго Села.

Но лакей могъ только разсказать, что черезъ день послѣ того, какъ Никодима привезли съ квартиры госпожи NN домой, утромъ часовъ въ шесть на квартиру къ нему явился

господинъ, назвавшійся Лобачевымъ, забралъ всѣ шкафы и просилъ передать Никодиму благодарность за его любезность.

Адресный столъ сообщилъ Никодиму, что сердобскій второй гильдіи купецъ Ѳеоктистъ Селиверстовичъ Лобачевъ проживаетъ на одной изъ глухихъ улицъ за Обводнымъ каналомъ. Ѣдучи къ Лобачеву Никодимъ старался нарисовать себѣ его наружность по его имени и роду занятій, какъ часто пробуютъ дѣлать. Уже и раньше отъ своего друга, имѣвшаго дѣла съ Лобачевымъ, онъ слышалъ, что тотъ откуда-то съ Волги, а теперь это вмѣстѣ съ добавленіемъ „сердобскій второй гильдіи купецъ“, создавало передъ глазами грузное тѣло, благообразное лицо, съ темнорусою окладистою бородой, широкую руку, а ухо заранѣе слышало неспѣшный густой голосъ и степенную рѣчь.

Но Никодимъ ошибся. Когда за Обводнымъ каналомъ онъ розыскалъ нужную ему квартиру, дверь отворилъ человѣкъ роста выше средняго, худощавый, съ сухимъ жилистымъ лицомъ бронзоваго цвѣта, горбоносый, съ глазами черными, быстрыми, на выкатѣ, испещренными по бѣлку красными жилками; зубы у незнакомца были хищные, борода до непріятнаго черная, даже съ синимъ отливомъ, но элегантно подстриженная; фигура же вся точно кошачья, ногти на крючковатыхъ паль-

цахъ остроконечные и отполированные; сѣренькій лѣтній костюмъ увѣнчивался пестрымъ галстухомъ, заколотымъ булавкою съ огромнымъ брилліантомъ; толстая золотая цѣпь отъ часовъ болталась по животу. Человѣкъ этотъ, прежде чѣмъ Никодимъ успѣлъ что-либо сказать, отрекомендовался ему Ѳеоктистомъ Селиверстовичемъ Лобачевымъ.

„По подложному паспорту живетъ человѣкъ“, подумалъ Никодимъ и безсознательно рѣшилъ быть осторожнѣе.

Комнаты Лобачевской квартиры были убраны незатѣйливо или, вѣрнѣе, совсѣмъ не были убраны: сборная мебель раздражала глазъ; повсюду валялся мусоръ, потолки были закоптѣвшіе; по серединѣ письменнаго стола, надъ грудой разсыпанныхъ бумагъ, красовались счеты; окурки и обгорѣвшія спички лежали не въ пепельницѣ, а рядомъ съ нею, прямо на зеленомъ сукнѣ стола.

— Чѣмъ могу быть полезенъ?—спросилъ Лобачевъ Никодима, вводя его въ комнату, и изо рта Лобачева вмѣстѣ со словами раздался легкій свистъ (вѣроятно ужъ такъ были устроены зубы)...

„Подожду спрашивать его о мамѣ“, подумалъ Никодимъ: „а сначала поговорю съ нимъ о чемъ нибудь другомъ“.

Лобачевъ Никодиму казался очень непріятнымъ.

— Вамъ, полагаю, извѣстно мое имя, сказалъ Никодимъ: я то самое лицо, которое когда то привезло для васъ изъ Царскаго Села десять шкафовъ съ посылками.

— Ахъ, это вы! очень пріятно и позвольте еще разъ поблагодарить васъ. Хотя я уже велѣлъ вашему лакею передать вамъ мою благодарность, но, думаю, что лишній разъ сказанная она никому не повредитъ.

— Напротивъ: она прямо полезна мнѣ тѣмъ, что позволяетъ задать вамъ одинъ вопросъ. Я не люблю ходить въ темнотѣ и объясните вы, пожайлуста, почему мой другъ, а вашъ знакомый, писалъ мнѣ въ запискѣ только объ одномъ шкафѣ и объ одной посылкѣ, а ихъ оказалось десять и столько посылокъ.

— Не знаю, отвѣтилъ Ѳеоктистъ Селиверстовичъ, стараясь не свистѣть: я заявилъ вашему другу, что шкафовъ десять и вовсе не навязывалъ ихъ ему. Это было въ его интересахъ—отправить посылки скорѣе и онъ самъ вызвался послать ихъ по назначенію.

— Такъ, протянулъ Никодимъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ, значитъ, въ ящикахъ были только образцы товаровъ?

— А чего же вы хотѣли бы въ нихъ? Частей распотрошенныхъ младенцевъ, мужей и женъ—что-ли?

— Къ чему вы говорите такое, Ѳеоктистъ Селиверстовичъ? Вы же можете извинить мое

любопытство, разъ оно касается близкаго моего друга. Меня больше интересуетъ, какіе это были товары.

— Любопытство дѣло святое. А мы—по человѣческому нашему призванію—торгуемъ помаленьку и притомъ товарами разными.

— Ну, а все-таки чѣмъ? У меня, Ѳеоктистъ Селиверстовичъ, есть не плохонькое имѣньице и, быть можетъ, въ малости какой я тоже пригодился бы вамъ въ вашихъ торговыхъ дѣлахъ?

Вопросъ былъ предложенъ явно насмѣшливо, и Лобачевъ поглядѣлъ на Никодима свысока и презрительно—будто понявъ, что Никодимъ говоритъ совсѣмъ не о томъ, зачѣмъ пришелъ.

— Какая можетъ быть отъ васъ польза, молодой человѣкъ,—не знаю, отвѣтилъ онъ: а торгуемъ мы льномъ, табакомъ, пенькою и чѣмъ Богъ пошлетъ торгуемъ. Всякій товаръ прибыль даетъ.

Тутъ разговоръ ихъ вынужденно прервался, такъ какъ изъ сосѣдней комнаты вошелъ, повидимому, сидѣвшій тамъ до того, высокій молодой человѣкъ. Онъ даже не вошелъ—такое опредѣленіе было бы неправильно совсѣмъ—а надменно внесъ свою красивую бѣлокурую голову. Раскланявшись съ Никодимомъ, вошедшій сѣлъ на стулъ, но ноги господина были столь длинны, что стулъ подъ нимъ ка-

зался неудобно-малымъ. Никодимъ усмѣхнулся этому и въ то-же время подумалъ, какъ вновь вошедшій господинъ могъ оказаться здѣсь, повидимому, хорошо знакомымъ съ Лобачевымъ и даже на короткой съ нимъ ногѣ? Никодиму казалось, что онъ понялъ Лобачева вполнѣ—впечатлѣніе получалось отрицательное—много думающій о себѣ человѣкъ, не останавливающійся ни передъ чѣмъ, чтобы только заработать деньгу, но не умный, а только хитрый человѣкъ. Вошедшаго бѣлокураго господина Никодимъ зналъ: это былъ англичанинъ (а можетъ быть и не англичанинъ), по имени Арчибальдъ Уокеръ: они встрѣчались года два тому назадъ довольно часто на разныхъ jour-fixe' ахъ.

„Чего здѣсь сидѣть“—рѣшилъ вдругъ Никодимъ: “перейдемъ прямо къ дѣлу, а потомъ можно и ретироваться отъ этихъ подозрительныхъ людей“ и, вынимая тутъ же изъ кармана заранѣе приготовленную записку господина W, Никодимъ сказалъ Лобачеву:

— Ѳеоктистъ Селиверстовичъ, я направленъ къ вамъ госпожею NN по интересующему меня дѣлу.

При имени госпожи NN Уокеръ насторожился и Никодимъ это замѣтилъ. Лобачевъ на мигъ обернулся къ Уокеру и, видимо что-то сообразивъ, отвѣтилъ вопросительно:

— Да?

— Госпожа NN сказала мнѣ, что вамъ извѣстно почти навѣрное, гдѣ сейчасъ находится моя мать.

— Госпожа NN мнѣ, дѣйствительно очень хорошо извѣстна, но вашей матушки я не имѣю чести знать. И почему-же вы, прежде чѣмъ направиться ко мнѣ, не спросили госпожу NN, на какомъ основаніи она считаетъ, что мнѣ что-то извѣстно о вашей матери? И развѣ ваша матушка куда пропала, что ее приходится разыскивать?

— Да, пропала. А госпожу NN я спрашивалъ о томъ, о чемъ спрашиваете вы меня. Но она не пожелала пояснить мнѣ это.

— Такъ будьте же любезны посѣтить ее опять и переспросить. Удивительны эти женщины—всегда болтаютъ, что только имъ придетъ въ голову.

Никодимъ засмѣялся.

— Легкое дѣло, сказалъ онъ: госпожа NN живетъ гдѣ-то подъ Архангельскомъ, въ Исакогоркѣ что-ли. Съѣздить къ ней не такъ просто— не то, что проѣхаться на Надеждинскую.

— Въ Исакогоркѣ? переспросилъ Лобачевъ: да не можетъ быть: она живетъ на Пушкинской улицѣ: жила на Надеждинской, а переѣхала на Пушкинскую.

— Вы, должно быть, меня за дурака считаете, обидѣлся Никодимъ: я только что вер-

нулся отъ нея изъ Исакогорки и знаю, гдѣ госпожа NN, а вотъ это извольте прочесть.

И онъ протянулъ Лобачеву записку господина W. Лобачевъ взялъ ее, развернулъ прочелъ и сказалъ:

— Да я ее ужъ, пожалуй, съ мѣсяцъ не видѣлъ и право точно не могу сказать, гдѣ она?—можетъ быть и въ Исакогоркѣ.

А записку господина W протянулъ Уокеру со словами:

— Что вы скажете?

Тотъ прочелъ ее, но не сказалъ ни слова

Разговоръ возобновилъ Өеоктистъ Селиверстовичъ.

— Ничегошеньки я не знаю. А есть здѣсь въ Петербургѣ, старичекъ одинъ, Яковъ Савельичъ...

— Якова Савельича я знаю, прервалъ Никодимъ.

— Тѣмъ лучше. Такъ вотъ онъ, пожалуй, можетъ вамъ сказать о вашей матушкѣ что-нибудь. Ему всякія дѣла извѣстны.

— Да вы-то откуда знаете Якова Савельича?

— Отчего же мнѣ не знать? Якова Савельича всѣ знаютъ. Къ нему и обратитесь Да будьте еще любезны объяснить мнѣ, какъ это у себя приняла васъ госпожа NN?

— Позвольте, сказалъ Никодимъ приподнимаясь съ кресла: какое же вамъ до этого дѣло?

— Да нѣтъ, вы меня не поняли. За ревниваго любовника, прошу васъ, меня не принимайте. Вы вотъ меня о шкафахъ спрашивали—такъ это было совсѣмъ неинтересно, а госпожа NN куда интереснѣе и стоитъ о ней поговорить. Только будучи человѣкомъ въ женскихъ дѣлахъ весьма опытнымъ, предупреждаю васъ: вы ей не довѣряйтесь.

— Позвольте, еще разъ возразилъ Никодимъ: я считаю такой разговоръ совершенно неумѣстнымъ.

Но Ѳеоктистъ Селиверстовичъ былъ глухъ. Съ кривой усмѣшкой и прежнимъ свистомъ онъ продолжалъ, не внимая Никодиму.

— И напрасно кипятитесь. Отчего же не поговорить. Она дама обольстительная во всѣхъ отношеніяхъ и съ такими особами имѣть дѣло всегда бываетъ пріятно. Только вы, къ сожалѣнію, какъ я васъ понимаю, немного зазнавшійся молодой человѣкъ. И не пришлось бы вамъ поэтому самому плакать. Знаете ли за такими особочками мужчины всегда вьются—а вдругъ да вы въ чужой огородъ полѣзли и у васъ найдется соперникъ подостойнѣе, напримѣръ, меня многогрѣшнаго? А?

— Прошу прекратить этотъ безсмысленный разговоръ!—сказалъ Никодимъ въ третій разъ и уже рѣзко.

— Подостойнѣе, подостойнѣе, продолжалъ Лобачевъ, все еще не слушая Никодима. Но

въ разговоръ вмѣшался Уокеръ. Голосъ его прозвучалъ ровно, повелительно и какъ бы изъ нѣкотораго далека.

— Я тоже прошу прекратить этотъ разговоръ, такъ какъ со своей стороны не могу допустить, чтобы кто-либо выражался о госпожѣ NN не подобающе.

Всѣ трое обмѣнялись взглядами. Лобачевъ взглянулъ на Уокера сперва немного виновато, но затѣмъ презрительно и высокомѣрно; Никодимъ поглядѣлъ на Уокера благодарно, но встрѣтился съ глазами полными такой злобы, что не могъ не замѣтить ея и растерялся: онъ не сразу понялъ, почему Уокеръ золъ на него. Но черезъ минуту, когда уже всѣ трое перестали смотрѣть другъ на друга—онъ вспомнилъ, что имя госпожи NN приходилось ему слышать и два года назадъ, причемъ произносилось оно, обыкновенно, въ неразрывной связи съ именемъ Арчибальда Уокера.

— Ахъ, вотъ что! сказалъ себѣ Никодимъ и рѣшительно поднялся съ кресла. Оставаться долѣе въ квартирѣ Лобачева онъ не могъ.

ГЛАВА XV.

Потеря записки.—Какая была фабрика.

Раскланявшись съ Лобачевымъ и Уокеромъ, но не подавъ руки ни тому, ни другому, Ни-

кодимъ вышелъ на улицу и тотчасъ же поѣхалъ къ Якову Савельичу. Онъ, однако, не думалъ, что Яковъ Савельичъ можетъ знать что-либо объ Евгеніи Александровнѣ, какъ увѣрялъ Лобачевъ—даже напротивъ: Никодиму казалось, что Лобачевъ совѣтовалъ обратиться къ Якову Савельичу только затѣмъ, чтобы прекратить разговоръ.

Доѣхавъ до знакомаго угла на Крестовскомъ Островѣ, Никодимъ спрыгнулъ съ конки и бѣгомъ направился къ особняку Якова Савельича. У калитки его встрѣтилъ Вавила и, не здороваясь, сказалъ Никодиму:

— А Яковъ Савельича дома нѣту.

Въ голосѣ Вавилы звучало нескрываемое торжество.

— А гдѣ же Яковъ Савельичъ?

— Заграницу уѣхали.

— Заграницу?

— Такъ точно—заграницу. Въ Австралію, сказывали. И гдѣ эта Австралія—Богъ ее знаетъ.

„Въ Австралію", повторилъ Никодимъ, повернулся и пошелъ прочь.

Съ Крестовскаго острова онъ поѣхалъ домой, думая по дорогѣ: „и къ чему всѣ эти похожденія и обходы: просто нужно съѣздить опять въ имѣніе, порыться въ маминыхъ письмахъ и тогда, никого не спрашивая, найдешь слѣды",

и вдругъ вспомнилъ, что записку господина W онъ оставилъ въ рукахъ Уокера.

Поблѣднѣвъ сперва отъ этой мысли, онъ тутъ же, на ближайшей остановкѣ, выбѣжалъ изъ вагона, пересѣлъ въ другой и направился опять къ Лобачеву.

Запыхавшись вбѣжалъ онъ въ квартиру Лобачева, какъ только успѣлъ отворить ему заспанный лобачевскій слуга. Лобачевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ надъ бумагами, занятый дѣломъ, и, оборотивъ голову, съ удивленіемъ взглянулъ на Никодима.

— Ѳеоктистъ Селиверстовичъ, сказалъ Никодимъ, задыхаясь,—вы не можете ли мнѣ сказать, гдѣ сейчасъ господинъ Уокеръ.

— Не знаю.

— Онъ мнѣ нуженъ.

— Такъ что же?

— Гдѣ онъ живетъ? Или, можетъ быть, онъ куда уѣхалъ?

— Не знаю. Какое мнѣ дѣло до того, гдѣ живутъ и куда ѣздятъ разные...

— Позвольте. Господина Уокера я видѣлъ здѣсь у васъ сегодня, какъ вашего друга.

— Да что вамъ, собственно, нужно?

— Записку мою я оставилъ въ рукахъ у господина Уокера.

— Ту самую, которую дали мнѣ и которую я ему передалъ?

— Да, ту самую.

— Напрасно дали. То есть напрасно оставили, хочу я сказать—далъ-то ему я... Нѣтъ, голубчикъ, ничего не могу сказать. Какъ сами знаете. Поищите его—не иголка, пропасть не можетъ.

И Лобачевъ протянулъ руку, чтобы проститься.

Очутившись опять на улицѣ, Никодимъ вышелъ къ Обводному каналу и пошелъ вдоль его, не думая, куда идетъ. Набѣжала туча и осенній дождь—пронизывающій, непріятный—напомнилъ Никодиму о дѣйствительности. Оглянувшись, Никодимъ увидѣлъ, что находится въ мѣстности уже за Балтійскимъ вокзаломъ. Повернувъ сейчасъ-же, онъ взялъ извозчика и направился на Николаевскій вокзалъ, чтобы ѣхать домой въ имѣніе.

Купивъ билетъ, онъ въ ожиданіи поѣзда прохаживался по темному помѣщенію вокзала и, на одномъ изъ поворотовъ, замѣтилъ въ уголку знакомую фигуру: въ сѣромъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, держа руки въ карманахъ и нахлобучивъ на глаза шляпу, съ палкой подъ мышкой, стоялъ Уокеръ.

Не помня себя отъ радости, Никодимъ бросился къ нему.

— Господинъ Уокеръ, сказалъ онъ: какъ я радъ этой случайной встрѣчѣ. Ради Бога, отдайте мнѣ ту записку, что я сегодня давалъ

прочесть господину Лобачеву и которую онъ передалъ вамъ.

Уокеръ всей фигуры къ Никодиму не повернулъ, а скрививъ въ его сторону только свою голову и, глядя на Никодима сверху внизъ, молчалъ.

Никодима это обозлило.

— Если вы не умѣете стоять вѣжливо, сказалъ онъ: то, по крайней мѣрѣ, хоть отвѣчали бы.

— Не волнуйтесь. Записки у меня нѣтъ: я передалъ ее господину Лобачеву съ просьбой возвратить вамъ.

— Что вы говорите: я сейчасъ только отъ господина Лобачева и онъ мнѣ сказалъ, что записка осталась у васъ.

Уокеръ помолчалъ.

— Какъ хотите, произнесъ онъ: можете мнѣ и не вѣрить. Но судите безпристрастно: если поставить рядомъ меня и господина Лобачева—кому изъ насъ можно будетъ оказать больше довѣрія?

— Такъ поѣдемте сейчасъ вмѣстѣ къ Лобачеву.

— Сейчасъ я не могу: я уже взялъ билетъ на ближайшій московскій поѣздъ. Вернусь я черезъ нѣсколько дней и тогда буду къ вашимъ услугамъ.

— Хорошо. А гдѣ же я васъ найду?

— У господина Лобачева. Тамъ всегда меня можно найти.

„Ну, какъ хочешь“, подумалъ Никодимъ: „а я все-таки поѣду домой и посмотрю еще письма мамы—быть можетъ, найду что и поцѣннѣе, а въ запискѣ имя мамы вѣдь вовсе не упоминается—все равно, если бы ты сталъ ее показывать кому либо—никто тебѣ не повѣритъ, что это писано къ мамѣ“.

И, поклонившись, отошелъ въ сторону.

По разсѣянности Никодимъ вышелъ двумя станціями раньше, чѣмъ слѣдовало. Удлинило бы это путь всего часа на три, если бы Никодимъ сразу нашелъ лошадей. Но ему пришлось искать долго: всѣ отказывались ѣхать, ссылаясь на работу и плохую осеннюю погоду. Только передъ самыми сумерками удалось тронуться.

Первое время возница молчалъ и посвистывалъ. Потомъ вдругъ обернувшись, спросилъ:

— А не ѣхать ли намъ, баринъ, черезъ Селиверстовщину?

— Я, братецъ, дорогъ здѣшнихъ не знаю, отвѣтилъ Никодимъ: гдѣ хочешь поѣзжай, лишь бы дорога была поглаже.

— Нонеча какія дороги. Ишь размякло. А я къ тому, баринъ, что съ утра ничего еще не ѣлъ. Такъ у меня кумъ въ Селиверстовщинѣ—къ нему и заѣхать: поѣсть чего-нибудь. Да и выпить у него всегда можно.

О Селиверстовщинѣ Никодимъ слыхалъ: эта была очень длинная и грязная фабричная слобода, верстахъ въ десяти или двѣнадцати отъ его имѣнія. Фабрика, къ которой онъ когда-то ночью ходилъ за чудовищами, находилась на полупути между слободой и имѣніями, и жители слободы работали именно на этой фабрикѣ, но ни въ слободѣ, ни на фабрикѣ Никодиму не доводилось бывать.

Понялъ ли возница молчаніе Никодима, какъ согласіе ѣхать черезъ Селиверстовщину, но черезъ два часа пути они въѣхали въ слободу. Въ полутьмѣ, при слабомъ свѣтѣ рѣдко разставленныхъ фонарей и огоньковъ, мелькавшихъ въ окнахъ, прошмыгивали то съ одной стороны тарантаса то съ другой, неопредѣленныя тѣни—иногда человѣкъ выросталъ рядомъ съ тарантасомъ и съ любопытствомъ глядѣлъ на Никодима нѣсколько мгновеній, стараясь идти вровень съ лошадью. Никодимъ все отворачивался отъ такихъ: казались они грязными, неумытыми, отъ нихъ пахло и спиртомъ и потомъ, физіономіи ихъ были грубы—и мужскія и женскія одинаково—точно ихъ кто топоромъ вырубалъ, и движенія тяжеловѣсны и угловаты. Грубая, но не громкая, а скорѣе ворчливая ругань слышалась въ полутьмѣ изъ подъ навѣсовъ и отъ колодцевъ, гдѣ звенѣли цѣпями журавли.

Чувство неопредѣленной жути стало заби-

раться въ душу Никодима, когда они, остановились у одного изъ крылецъ.

Хозяинъ встрѣтилъ гостей съ фонаремъ. Онъ тоже не возбудилъ довѣрія въ Никодимѣ, такъ какъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ обитателей слободы: грубая, грузная фигура, лицо со слѣдами сажи на лбу и на щекахъ, непричесанные волосы, мѣдная серьга въ толстомъ ухѣ, рваная и грязная одежда, тотъ же запахъ спирта и, главное, провалившійся носъ—все отталкивало въ немъ.

Пока возница что-то ѣлъ и пилъ водку, Никодимъ сидѣлъ на лавкѣ въ углу, отказавшись отъ угощенія и оглядывался по сторонамъ. Изба, какъ и обитатели ея была очень грязна и непривѣтлива: нѣсколько разъ на Никодима набѣгалъ изъ угла любопытный тараканъ и, шевеля усами, подолгу смотрѣлъ на незнакомаго гостя.

— Вы на фабрикѣ служите? спросилъ Никодимъ отъ скуки проходившаго мимо хозяина.

Тотъ остановился и сказалъ:

— Такъ точно, у Ѳеоктиста Селиверстовича Лобачева.

Никодима какъ громомъ поразило. Онъ даже привсталъ.

— Развѣ эта фабрика Лобачеву принадлежитъ?

— Такъ точно, Лобачеву. Мы по дереву работаемъ.

Никодимъ не захотѣлъ разспрашивать далѣе. „Поѣдемъ-ка отсюда поскорѣе“, шепнулъ онъ возницѣ, улучивъ удобный случай.

Тотъ подтянулъ кушакъ и заявилъ, что пора ѣхать. Хозяинъ проводилъ ихъ на крыльцо опять съ фонаремъ и опять молча.

Когда они уже выѣхали за околицу и Никодимъ облегченно вздохнулъ, возница засмѣялся.

— А носъ-то у кума того... подгулялъ. И подѣломъ. Все отъ веселой жизни, баринъ.

— Скажи ты мнѣ вотъ что, обратился Никодимъ къ возницѣ: кто такой этотъ самый Лобачевъ?

— А Богъ его знаетъ. Онъ здѣсь, кажись, давно не бывалъ. Сказываютъ, что не русскій, а англичанинъ онъ.

— Послушай, какъ-же это можетъ быть— Лобачевъ и вдругъ англичанинъ? Вѣдь фамилія-то русская.

— Вотъ подишь-ты. Сказываютъ.

— А кто же фабрикой управляетъ?

— Арапъ какой-то управляющимъ.

— Настоящій арапъ?

— Нѣтъ, не настоящій, а такъ его называютъ. Онъ тоже рѣдко здѣсь бываетъ— больше въ Питерѣ живетъ.

— Гмъ. А что же на этой фабрикѣ дѣлаютъ?

— А чортъ ихъ знаетъ, что дѣлаютъ — не къ ночи будь сказано. Людей дѣлаютъ.

— Что ты говоришь. Виданое-ли это дѣло?

— А взаправду, баринъ. Руки, ноги, головы, туловища дѣлаютъ изъ дерева что-ли. Нето изъ камня, а можетъ и изъ желѣза — я не знаю.

— Да, навѣрное, руки и ноги искусственныя. Для уродовъ и калѣкъ?

— Какое тамъ для уродовъ! Заграницу отправляютъ—вотъ что. И животныхъ всякихъ дѣлаютъ. И коровъ. И еще дѣлаютъ такое— что и сказать-то не при всякомъ вслухъ скажешь. Развѣ къ кому уваженія у тебя нѣтъ.

И, наклонившись къ уху Никодима, онъ что-то зашепталъ ему. Никодимъ не сразу понялъ, но когда понялъ, то удивился еще больше, только не сталъ разспрашивать. Молча проѣхали они остатокъ дороги.

Прощаясь съ возницей, Никодимъ все-таки сказалъ ему: „а подозрительные люди эти ваши слободскіе, и твой кумъ тоже". „Да, у кума носъ того... подгулялъ. Даромъ этого не случается. Ну, прощайте, баринъ. Покорно благодаримъ", отвѣтилъ возница и, нахлобучивъ шапку, принялся настегивать лошадь, какъ будто желая скорѣе скрыться съ Никодимовыхъ глазъ.

Глава XVI.

Столкновеніе у камня.

Отпустивъ встрѣтившихъ его слугъ, Никодимъ остался одинъ. Онъ обошелъ и осмо-

трѣлъ всѣ комнаты дома, кромѣ черной залы и комнаты Евгеніи Александровны, а ночью, въ одиннадцать часовъ, вышелъ къ калиткѣ посмотрѣть, не пройдутъ ли чудовища. Но они не показались.

Утромъ старый его дядька и когда то камердинеръ покойнаго дѣдушки Онуфрія Никодимовича, бывшій крѣпостной Павелъ Ерофеичъ, брея Никодима передъ кофе, сказалъ:

— Не настоящею жизнью нынче живутъ господа. Въ бывалые то годы, какъ баринъ куда поѣдетъ, такъ и собственнаго слугу беретъ съ собою. Заграницу ли, въ Москву тамъ, или въ Питеръ — все равно. Тотъ его и выбреетъ, и вымоетъ, и одежду въ порядкѣ содержитъ, а нынче что?

— Значитъ ты, Ерофеичъ, со мной вмѣстѣ чудить хочешь?—спросилъ Никодимъ.

— Зачѣмъ чудить? Вы баринъ степенный. Маменькѣ то въ радость такія дѣти.

— А если баринъ влюбится — по твоему, что тогда вѣрный слуга долженъ дѣлать?

— А вы развѣ влюбились, Никодимъ Михайловичъ?

— Да, влюбился.

— Ну вотъ, коли влюбились, такъ честнымъ пиркомъ да за свадебку.

— Ловко выдумалъ старикъ. Да какъ на ней женишься, если она уже замужемъ?

— Замужемъ? (тутъ лицо Ерофеича вытя-

нулось и выразило опредѣленно полное разочарованіе). Ужъ коли въ чужемужнюю жену влюбились, такъ объ этомъ, баринъ, не говорятъ. Молчать надо... Тамъ, какъ хотите: я вамъ не судья, а на людей выносить не полагается.

— А если она не чужемужняя жена, а такъ просто... ну любовница, на содержаніи... что-ли?

— Вотъ еще скажете, баринъ. Такая-то ужъ и вовсе въ жены не годится — сегодня она съ однимъ, завтра съ другимъ. Будто настоящихъ барышень нѣтъ. Да и въ роду у насъ такого не водилось — Богъ миловалъ.

— Нѣтъ, Ерофеичъ, она замужняя... А, послушай, ты не знаешь-ли чего нибудь о Лобачевѣ, Ѳеоктистѣ Селиверстовичѣ?

— Господина Лобачева, какъ не знать. Еще когда вы въ гимназіи были, они къ вашему батюшкѣ частенько наѣзжали по разнымъ дѣламъ.

— Къ намъ? сюда? самъ Любачевъ?

— Да недолго они заѣзжали — съ полгодика.

— Послушай, такъ папа его долженъ знать?

— Разумѣется, должны.

— А кто онъ такой — этотъ Лобачевъ?

— Да изъ себя видный такой. Только сомнительный человѣкъ. Говорили про нихъ разное. Мало ли что говорятъ.

— Ѳедосѣй изъ Бобылевки, что меня сюда

привезъ, сказывалъ мнѣ, что онъ не русскій, а англичанинъ.

— Бобылевскіе-то его лучше знаютъ, а здѣсь кто-же его видалъ. Лѣтъ одиннадцать назадъ было — всѣ поди забыли.

— А на фабрикѣ у него ты бывалъ?

— Нѣтъ не довелось. Да какая это фабрика — темное дѣло.

— Почему темное?

— Работаютъ, можно сказать, больщія тыщи народу, а что дѣлаютъ неизвѣстно.

— Людей дѣлаютъ, мнѣ Ѳедосѣй говорилъ.

— И заграницу отправляютъ, сказывали. Оттого-то у басурмана такая сила народу нынче и пошла. И чего нашъ царь смотритъ?

— Заговорился Ерофеичъ. Я то съ тобою, какъ съ путнымъ, а ты ахинею понесъ. Развѣ можно людей дѣлать на фабрикѣ?

— Отчего нельзя? Хитрый человѣкъ все можетъ. Впрочемъ, вамъ виднѣе. Мы люди темные. За что купилъ, — по томъ и продаю.

— А что же еще про Лобачева говорили?

— Да, такъ... разное.

Никодимъ поглядѣлъ на старика. Тому, видимо, и хотѣлось что-то сказать, но ужъ никакъ онъ не могъ рѣшиться и даже бровь почесалъ.

— Ну что же? разсказывай.

— Да нѣтъ... лучше увольте... до другого раза...

— Тебѣ, можетъ быть, обидно, что я надъ тобою посмѣялся?

— Какое обидно, ничего не обидно... да не все говорить можно.

— Ну какъ хочешь.

— Увольте ужъ... до другого раза... Я старуху свою спрошу.

— А развѣ это такъ важно, что ты хочешь мнѣ сказать.

— Не спрашивайте, баринъ. У меня отъ васъ утайки нѣтъ, а не могу.

— Ну хорошо.

Разговоръ на томъ и кончился, но для Никодима прибавился еще одинъ вопросъ: зачѣмъ здѣсь бывалъ Лобачевъ одиннадцать лѣтъ назадъ и почему отецъ ничего о немъ не сказалъ Никодиму, хотя и зналъ, что Никодимъ ѣздилъ къ нему.

И еще никакъ не могъ примириться Никодимъ съ мыслью, что между Лобачевымъ и Уокеромъ съ одной стороны и госпожею NN съ другой существуетъ тайный союзъ, направленный, между прочимъ, и противъ него—Никодима, а мысль эта все время не оставляла его.

Днемъ онъ, наконецъ, рѣшился опять войти въ комнату матери, уже раскрылъ бюро и принялся выдвигать ящики, какъ вспомнилъ, что ему говорили объ этомъ не только госпожа NN, но даже Лобачевъ. Чувство сты-

да кольнуло его душу; однако, признаться себѣ, что онъ не въ состояніи пересмотрѣть содержимое ящиковъ, Никодимъ не могъ. Онъ совсѣмъ неопредѣленно, какъ иногда бываетъ, не словами, а чувствомъ подумалъ: „подожду еще, оттяну немного времени“ и захлопнувъ бюро, вышелъ въ столовую.

Въ столовой онъ просидѣлъ почти всѣ три слѣдующихъ дня, передъ широкимъ окномъ, смотря на западъ. Дни и вечера ранней осени были ясные, привѣтливые; солнце совсѣмъ чисто садилось каждый разъ, золотило небурное озеро, стволы трехъ одинокикъ сосенъ, росшихъ на берегу, противъ окна, и мебель и блѣдныя руки Никодима, исхудавшія за время долгаго лежанія въ постели и отъ волненій и тревогъ.

Проснувшись утромъ на другой день послѣ разговора съ Ерофеичемъ, Никодимъ ощутилъ въ себѣ неизъяснимое раздѣленіе: будто двое въ немъ переглядывались между собою и одинъ лежалъ въ постели, а другой былъ гдѣ-то подъ потолкомъ и такъ хорошо понималъ все, что дѣлалось съ тѣмъ, который оставался внизу. Чувство это длилось недолго — Никодимъ вскочилъ весьма возбужденный и поспѣшилъ умыться холодной водой.

До вечера онъ почти ничего не думалъ — только щемящее чувство безпомощности и безсилія что-то нужное сдѣлать, какъ либо вы-

браться изъ создавшагося ложнаго положенія — томили и угнетали его. Вечеромъ онъ опять почувствовалъ свое раздѣленіе: словно кто вышелъ изъ него и сѣлъ напротивъ въ кресло, у другого окна столовой.

— Знаешь, сказалъ Никодимъ: нужно намъ поговорить съ тобою откровенно: если ты являешься самовольно — ты долженъ знать больше меня.

Собесѣдникъ молчалъ.

— И говорить долженъ ты, а не я, продолжалъ Никодимъ: я буду слушать.

— Если такъ — изволь, глухо и неопредѣленно отвѣтилъ другой.

— Я жду.

Нѣкоторое время прошло въ томительномъ молчаніи. Наконецъ другой заговорилъ.

— Свою мать ты не любишь. Ты постоянно путаешься — не зная о комъ думать: о ней или о госпожѣ NN.

— Да.

— Это происходитъ потому, что ты любишь госпожу NN.

— Ну, разумѣется. Иначе зачѣмъ я сталъ бы думать о ней.

— Да, но любить мать и госпожу NN одновременно — невозможно. Ты еще не знаешь госпожи NN, но ты долженъ ее чувствовать. Она спроситъ такъ много, что ты не въ силахъ будешь дать ей. И развѣ ты не догады-

ваешься, что жизнь госпожи NN въ чемъ то сталкивается съ жизнью твоей матери?

— Конечно, догадываюсь.

— Отчего же ты объ этомъ не подумалъ?

— Во всякомъ случаѣ, не думаю, чтобы столкновенiе было на романической почвѣ. Правда, что-то есть темное — это темное не трудно усмотрѣть изъ потерянной мною записки господина W и будь эта записка у меня подъ руками — мы могли бы въ ней поразобраться. Вѣдь не думать же мнѣ, что мама и госпожа NN, влюблены въ одно лицо... въ Уокера, напримѣръ... или въ Лобачева... ха-ха-ха!

Никодимъ громко разсмѣялся. Ерофеичъ заглянулъ въ дверь.

— Съ кѣмъ это вы, баринъ, разговариваете, или мнѣ попритчилось? — спросилъ онъ.

— Попритчилось, попритчилось, Ерофеичъ, отвѣтилъ Никодимъ, а можетъ и нѣтъ — всякiе бываютъ гости.

— Упаси Богъ отъ нечистой силы — какъ облюбуетъ какое мѣстечко — не скоро выведешь — ни крестомъ, ни пестомъ. Вотъ тоже по веснѣ, какъ барынѣ уѣхать — что за нечисть тутъ шаталась?

— А ты видѣлъ?

— Ну нечисть — не нечисть — господинъ Раухъ объясняли потомъ, что просто тутъ лобачевскiе фабричные пошаливали — кто ихъ разберетъ.

— А тѣ, монахи-то, больше не показывались?

— Что вы баринъ! Да я бы сбѣжалъ.

Старикъ опять не на шутку перепугался.

— Ну иди пока къ себѣ, попросилъ его Никодимъ и когда старикъ ушелъ, вновь обратился къ прежнему собесѣднику.

— Извини, намъ помѣшали закончить разговоръ. Даже и самые хорошіе слуги не умѣютъ быть достаточно воспитанными. И на чемъ мы остановились? — я забылъ.

— На столкновеніи Евгеніи Александровны и госпожи NN.

— Да это нелѣпо. И трагедія моя въ томъ заключается — что я, не знаю, собственно, не только куда, но и почему могла исчезнуть моя мать.

— Трагедія. Стоитъ ли такъ значительно выражаться?

— А что-же по твоему?

— А такъ... скандальная исторія, какъ и опредѣлила Евлалія.

— Ну да, вообще-то скандальная исторія, но для меня лично — трагедія.

— Поухаживай за госпожею NN — пройдетъ. Займись. Право стоитъ: она дама обольстительная во всѣхъ отношеніяхъ, какъ сказалъ Лобачевъ.

— Довольно. А то я буду просить тебя, какъ

и господина Лобачева, прекратить этотъ без смысленный разговоръ.

— Я не господинъ Лобачевъ и тебѣ долго придется просить меня.

— Нѣтъ, не долго. Довольно!

Никодимъ всталъ, вышелъ изъ столовой хлопнувъ дверью, и очутился на улицѣ. Солнце было уже у самаго горизонта — озеро чуть слышно плескалось. Никодимъ пошелъ къ берегу.

Узкая тропинка вела къ плоскому боль шому камню; около камня росъ молодой раки товый кустъ и стояла скамья. Сквозь полу облетѣвшія вѣтви ракиты, рядомъ со скамьей на тропинкѣ виднѣлась высокая человѣческая фигура,—„Арчибальдъ Уокеръ“, узналъ Нико димъ сразу.

И, узнавъ, пошелъ прямо на него: онъ помнилъ, что тропинка очень узка, что разой тись на ней невозможно и думалъ — отступитъ Уокеръ съ дороги или нѣтъ.

Уокеръ стоялъ неподвижно: на немъ была охотничья шляпа съ перомъ; теплая куртка и лакированные ботфорты; руки онъ заложилъ въ карманы рейтузъ (онъ эту вольность поз волялъ себѣ рѣдко — развѣ что въ лѣсу).

Уокеръ не отступилъ и Никодимъ столк нулся съ нимъ вплотную, но, право, Нико димъ вовсе не хотѣлъ съ нимъ встрѣчаться.

Молча смѣрилъ Уокеръ Никодима послѣ

столкновенія взглядомъ отъ головы до ногъ. Никодимъ отвѣтилъ тѣмъ же. Но Никодимъ злился, а Уокеръ былъ спокоенъ совершенно.

Уокеръ поклонился первый, повернулся и пошелъ. Никодимъ — рядомъ съ нимъ — все молча. Имъ не о чемъ было говорить. Никодимъ прекрасно понималъ, что Уокеръ чувствуетъ въ немъ соперника и размышлялъ: „сэръ Уокеръ весьма счастливъ тѣмъ, что можетъ много о себѣ думать; я, напротивъ, глубоко несчастенъ потому, что думаю о себѣ крайне пренебрежительно".

Но въ душѣ Никодимъ смѣялся.

Такъ дошли они до большой груды камней на берегу, повернули обратно и пришли опять къ скамьѣ у ракитоваго куста. Раскланялись и разошлись.

Дома Никодимъ спросилъ Ерофеича:

— Что за долговязый здѣсь по берегу шатается?

— А это Лобачевскій управляющій.

— Арапъ?

— Ну да — самъ-то Лобачевъ англичанинъ, а управляющій у него арапъ.

— Шутишь, старина.

— Шучу, шучу, Никодимъ Михайловичъ. Надо же на старости лѣтъ дурачка поломать.

— То-то. Будто я не вижу — какой арапъ.

ГЛАВА XVII.

Принципіально-злой человѣкъ.

На другое утро Никодимъ проснулся съ мыслью „какъ по мальчишески велъ я себя вчера. Вмѣсто того, чтобы спросить Уокера, зачѣмъ онъ здѣсь и разузнать что-нибудь о Лобачевѣ я устроилъ это столкновеніе. Фу!“

И, позвавъ Ерофеича, сталъ ему жаловаться на самого себя. Ерофеичъ, однако, посмотрѣлъ совсѣмъ иначе: „толкнули и хорошо сдѣлали: такъ ему нечестивцу и надо“ сказалъ старикъ.

— Да почему же нечестивцу? удивился Никодимъ.

— Молоды вы еще, Никодимъ Михайловичъ; людей не различаете: кто изъ нихъ есть добрый человѣкъ, а кто чорта прислужникъ.

— И какъ это тебѣ, Ерофеичъ, не надоѣло съ нечистью возиться? — постоянно она у тебя на умѣ. Ты лучше сдѣлай мнѣ одолженіе — узнай, часто-ли здѣсь бываетъ лобачевскій управляющій и что онъ тутъ дѣлаетъ?

— И узнавать ходить не надо: самъ знаю.

— Что-же ты не сказалъ мнѣ объ этомъ раньше?

— Не изволили спрашивать, Никодимъ Михайловичъ. Да и полагалъ я, что вамъ черезъ батюшку извѣстно: вѣдь батюшка тоже съ давнихъ поръ...

— Что съ давнихъ поръ?

— То... убрать отсюда этого арапа хотѣли...

— Убрать? отсюда? переспросилъ Никодимъ: послушай, Ерофеичъ, что ты хочешь сказать?

Старикъ взглянулъ искоса, потомъ, приподнявшись на цыпочки, спросилъ шопотомъ:

— А старому барину не скажете?

— Нѣтъ не скажу.

— И барынѣ?

— Тоже не скажу.

— Ну вотъ. Чтобъ не нагорѣло мнѣ старому... около барыни все этотъ долговязый увивался—Богъ знаетъ зачѣмъ,—а только увивался.

— Что ты говоришь, Ерофеичъ! возмущенно воскликнулъ Никодимъ. Экой старый болтунъ! Иди къ себѣ.

— Да я что-же? сталъ оправдываться старикъ. Я ничего. Я вѣдь только про долговязаго. Я про барыню не то что самъ дурного не скажу — другому полсловечка не дамъ вымолвить.

— Ахъ, замолчи! Только этого еще не доставало, чтобъ ты болталъ: сегодня скажешь одно, завтра другое, а тамъ, глядишь, уже пошла гулять сплетня. Иди!

Походивъ по комнатѣ минутъ десять въ большомъ раздраженіи, онъ все же опять позвонилъ Ерофеичу.

Старикъ явился не сразу, а когда вошелъ — робко сталъ у притолоки.

— Бывалъ здѣсь лобачевскій управляющій раньше? спросилъ его Никодимъ строго.

— Такъ точно, бывали, отвѣтилъ тотъ.

— А когда же онъ здѣсь бывалъ?

— Лѣтъ десять ужъ назадъ. Съ господиномъ Лобачевымъ вмѣстѣ.

— Сколько же ему лѣтъ? Вѣдь онъ совсѣмъ молодымъ выглядитъ.

— Никакъ нѣтъ — ему ужъ за тридцать.

— Что же тебѣ говорилъ отецъ о немъ?

— Ничего не изволили говорить.

— Такъ откуда же ты взялъ всю эту чущь?

Старикъ молчалъ.

— Самъ сообразилъ?

— Такъ точно: самъ сообразилъ.

— Ну и сообразилъ. Иди теперь къ себѣ и думай побольше. Но прежде скажи мнѣ, какъ зовутъ лобачевскаго управляющаго?

Старикъ мялся и молчалъ.

— Ну что же запамятовалъ?

— Такъ точно: запамятовалъ. Мудрено очень, не по-русски.

— Даже и не знаешь, а тоже говоришь. Иди.

Старикъ опять ушелъ очень огорченный, но Никодиму стало немного стыдно, что онъ такъ обошелся съ нимъ. „Впрочемъ", утѣшилъ онъ себя; „какъ бы иначе я долженъ былъ поступить?

Выйдя черезъ полчаса изъ дому, Никодимъ распорядился осѣдлать для себя лошадь и поѣхалъ на Лобачевскую фабрику. До нея было совсѣмъ недалеко. Стояла она на сырой луговинѣ недавно очищенной отъ лѣса: здѣсь и тамъ торчали сосновые и березовые пни — одни уже засохшіе, другіе еще выпускающіе каждую весну молодые побѣги; обрубленные когда то сучья догнивали въ поблекшей осенней травѣ, высокой и густой, и по нимъ, цѣпляясь, перевивалась вика и чернѣла жесткими сухими стручками.

Фабрика состояла изъ нѣсколькихъ высокихъ кирпичныхъ корпусовъ, прямыхъ, неоштукатуренныхъ, съ большими закоптѣвшими окнами; около корпусовъ ютились почернѣвшія избушки, съ крытыми переходами, погребами, навѣсами; все это было обнесено дощатымъ заборомъ выше человѣческаго роста и только черезъ одни ворота можно было попасть внутрь. Но ворота были заперты и на лавочкѣ у калитки сидѣлъ сторожъ.

Подъѣхавъ къ нему Никодимъ спросилъ, находится-ли здѣсь сейчасъ господинъ Уокеръ. Сторожъ не понялъ вопроса. Тогда Никодимъ спросилъ иначе: „нельзя ли повидать управляющаго?“

— Да ихъ ужъ нѣту, отвѣтилъ сторожъ.

— Уѣхали уже?

— Уѣхали. Такъ точно.

— А когда опять будетъ, — неизвѣстно?

— Неизвѣстно.

— Но фабрику можно осмотрѣть?

— Не приказано показывать. Обратитесь къ управляющему.

— Я не знаю, гдѣ онъ живетъ.

— Намъ тоже неизвѣстно...

Никодимъ повернулъ лошадь, взялъ съ разбѣгу двѣ канавы и выѣхавъ на дорогу, быстро доскакалъ домой.

Онъ сѣлъ въ столовой опять у окна и попытался вызвать вчерашняго своего собесѣдника. Сначала это не удавалось, но когда онъ почувствовалъ уже знакомое раздѣленіе — даже обрадовался.

— Вотъ такъ всегда — сказалъ ему Никодимъ: „сердишься, бѣгаешь, спрашиваешь, бранишься и все ни къ чему.

— А ты попробуй не сердиться.

— Знаю. Затѣмъ ты скажешь — попробуй не бѣгать, попробуй не спрашивать и такъ далѣе и такъ далѣе.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? Я никогда не пускаюсь въ крайности. Изъ-за чего ты сердишься?

— Какъ изъ-за чего? Изъ-за мамы.

— Не вѣрю.

— Послушай.

— И вовсе не изъ-за мамы, а изъ-за госпожи NN.

— Вотъ выдумалъ. Откуда ты взялъ это?

— Очень просто: ты забылъ маму.

— Извини, я обозлился изъ-за того, что Ерофеичъ сталъ говорить глупости о мамѣ?

— Да такъ. Но ты вѣдь и сразу не призналъ словъ Ерофеича за достовѣрное—чего же было злиться?

— Да я уже не злюсь. Но не упрекай меня госпожею NN?

— И не думаю тебя упрекать ею. Я упрекаю тебя за то, что ты забылъ маму и пустился въ какія то приключенія.

— Маму я не забывалъ. Кто станетъ сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно мнѣ мать? Было бы вѣдь глупо. А если это непреложно и дѣйствительно непреложно—тогда все, чтобы я ни дѣлалъ, чтобы ни думалъ —только черезъ нее и для нея—безразлично помню я о ней или нѣтъ. Она живетъ во мнѣ, какъ и я живу въ ней. А о какихъ ты приключеніяхъ говоришь, что будто я въ нихъ пускался—я не понимаю. Ужъ не то ли, что я ѣздилъ къ Лобачеву, или въ Исакогорку къ госпожѣ NN? на Надеждинскую я попалъ совершенно случайно — изъ-за десяти шкафовъ, а въ Исакогорку ѣздилъ, чтобы узнать адресъ мамы.

— Такъ, такъ...

— Да, такъ... Я еще ѣздилъ и къ Якову Са-

вельичу, но чтобы попросить у него совѣта и содѣйствія. Яковъ Савельичъ добрый человѣкъ и всегда относился ко мнѣ по хорошему.

— Вотъ ужъ добрый: для него вся твоя исторія представляетъ не больше интереса, чѣмъ для любителя какая-нибудь таберка съ музыкой. Я вижу, ты опять волнуешься. Ну, ну! успокойся: о нераздѣлимости ты очень хорошо разсудилъ—нѣтъ словъ, но вотъ, когда ты поѣхалъ на Надеждинскую, зачѣмъ же тебѣ нужно было хватать госпожу NN за руки?

Уязвленный послѣднимъ вопросомъ, Никодимъ ничего не отвѣтилъ.

— Не знаешь? ядовито спросилъ собесѣдникъ: думаешь, что злишься на Ерофеича изъ-за мамы, но когда Ерофеичъ вошелъ къ тебѣ—ты уже былъ золъ. И все изъ-за госпожи NN, то есть изъ-за того, что до сего времени ты не признался ей въ любви.

— Не только изъ-за этого.

— Да, не только, но и потому еще, что и не можешь признаться ей въ любви.

— А почему? Какъ ты думаешь?

— Вотъ вопросъ!

— Я тебѣ могу сказать, если хочешь: я не знаю, любитъ ли она меня.

— И вовсе не потому: тебѣ мѣшаютъ Лобачевъ и Уокеръ.

— Какъ мѣшаютъ?

— Тебѣ все кажется, что они не отдѣлимы отъ нея.

— Ну да, мнѣ ясно... что госпожа NN... что-же ты думаешь, такъ просто это... вотъ вѣдь дощечки то на Надеждинской были прибиты рядомъ...

— Какія дощечки?

— Будто не знаешь: на дверяхъ, именныя... А развѣ объ Уокерѣ я не слышалъ раньше?

— Ахъ такъ! Ну словомъ то самое, о чемъ и я говорю: ты боишься, что госпожа NN кого то уже любитъ.

— Да, да. Любитъ... Иди вонъ!

— Ха-ха-ха. Куда-же?

— Куда хочешь.

— Я буду продолжать разговоръ, не затрогивая больныхъ мѣстъ... Гадкій ты человѣкъ — своей любви не вѣришь. Самолюбивый ты человѣкъ — а хочешь быть добрымъ?

— Откуда ты взялъ, что я хочу быть добрымъ?

— Насквозь тебя вижу: къ примѣру Ерофеича за сплетни выбранишь, и тутъ-же расчувствуешься: ахъ зачѣмъ я такой... злой.

— Пожалуйста, не навязывай мнѣ доброты. Вотъ я возьму и убью обоихъ: Уокера и Лобачева. Пусть они не думаютъ, что могутъ стать мнѣ на дорогѣ. Ты меня трусомъ сего-

дня обозвалъ — это они трусы, а не я. Они убить не посмѣютъ.

— Не горячись. И давай сойдемся на томъ, что хотя дѣла твои и добры, но въ глубинѣ души ты ими не доволенъ — духъ твой гордъ и золъ.

— Да, я принципіально-злой человѣкъ.

— Ты хорошо сказалъ. Но, къ сожалѣнію, эта принципіальность, будучи въ постоянномъ разногласіи съ дѣйствительностью — только вредитъ тебѣ. Я охотно вѣрю, что ты способенъ отправить на тотъ свѣтъ Лобачева и Уокера... а госпожу NN вымыть—въ спирту. Но знаешь ли о чемъ я еще сейчасъ догадываюсь: ты вотъ въ глубинѣ души держишь нѣсколько совсѣмъ особенныхъ словъ—они то и заставили тебя сказать: пойду и убью...

— Какія же это слова?

— Три слова всего: человѣка убить просто.

— Ты угадалъ.

— Еще бы не угадать. Но здѣсь то и кроется твоя ошибка: человѣка убить не легко.

— Почему?

— Конечно, законы нравственности тутъ не при чемъ; страхъ отвѣтственности для тебя только привлекателенъ. Но кровь не проститъ... то есть мать не проститъ... ну въ каждомъ человѣкѣ течетъ кровь, данная ему матерью... какъ сокъ въ виноградѣ... вино... впрочемъ, я путаться начинаю...

Заря опять догорѣла. Никодимъ занавѣ-

силъ окно въ столовой и зажегъ лампу съ синевато-золотистымъ свѣтомъ: онъ любилъ зажигать ее...

ГЛАВА XVIII.

Ряса отца Даміана Хромого.

Отецъ Даміанъ, носившій прозвище „Хромой“ и хорошо извѣстный въ округѣ каждому, былъ духовнымъ отцомъ Евгеніи Александровны и старымъ другомъ Михаила Онуфріевича.

О немъ вспомнилъ Никодимъ на другой день, сидя опять въ столовой передъ окномъ. Вспомнивъ, овъ сейчасъ же вскочилъ и пошелъ наверхъ, въ башню, но не въ кабинетъ и не въ спальню.

Между кабинетомъ и спальней былъ узкій корридоръ и въ концѣ его лѣсенка вела на чердакъ. По этой лѣсенкѣ взбѣжалъ Никодимъ и остановился передъ запертой дверью.

„Кто-же могъ запереть дверь?“

„Очевидно, отецъ, когда онъ жилъ здѣсь. Ни Евлалія, ни Валентинъ не сдѣлали бы этого, не сказавъ мнѣ“.

Пришлось позвать снова Ерофеича. Но тотъ также ничего не зналъ. „Вѣроятно, старый баринъ заперли—кому больше?“ сказалъ онъ.

— А мнѣ нужно попасть туда.

— Да какъ же попадете—сломать замокъ развѣ?

— Конечно, сломать.

— А старый баринъ что скажутъ?

— Не учи меня, пожалуйста. Я на тебя со вчерашняго дня сердитъ. Болтаешь тутъ всякій вздоръ. Неси лучше отвертку, что-ли?

— Отверткой тутъ ничего не сдѣлаешь, отвѣтилъ Ерофеичъ виновато и чуть не со слезой въ голосѣ.

— Тогда принеси ключи, какіе есть—можетъ быть, подойдетъ что.

Ерофеичъ сбѣжалъ внизъ и вернулся съ большою связкой ключей. Они перепробовали всѣ, но ни одинъ изъ нихъ не подошелъ къ замку.

— Развѣ съ крыши еще попытаться сказалъ Ерофеичъ, подумавъ:

Когда-то выходъ на крышу былъ продѣланъ Михаиломъ Онуфріевичемъ.

— То есть, съ крыши на крышу? На башню?—спросилъ Никодимъ.

— Такъ точно, на башню.

— Ну позови людей, вели имъ принести стремянку.

Стремянку вскорѣ принесли, протащивъ ее черезъ кабинетъ; отославъ людей, Никодимъ вмѣстѣ съ Ерофеичемъ приставилъ лѣстницу къ крышѣ башни.

Ерофеичъ забрался первымъ. Онъ сразу

нашелъ листъ съ защелкой и, откинувъ ее, потянулъ листъ кверху, но тотъ не подавался.

— Тоже заперто, сказалъ старикъ виновато.

— Только путаешь меня напрасно, отвѣтилъ ему Никодимъ: говорилъ я тебѣ, что надо сломать дверь.

— Гдѣ же ее сломаешь этакую махину. Не по нонѣшнему дѣлана. Да и какъ будешь въ своемъ то домѣ ломать?

Никодимъ еще потыкалъ дверь пальцемъ. Конечно, ломать дверь въ своемъ домѣ смѣшно — Ерофеичъ правъ. И если дѣйствительно ее заперъ отецъ—неудобно будетъ передъ нимъ.

А попасть на чердакъ Никодиму очень хотѣлось.

Недовольный онъ сошелъ опять въ столовую и, остановившись передъ окномъ, мысленно представилъ себѣ ту комнату на чердакѣ.

Когда-то въ ней жилъ Михаилъ Онуфріевичъ — первый разъ еще до женитьбы, въ молодости (онъ женился тридцати лѣтъ) и второй разъ два послѣднихъ года передъ тѣмъ, какъ разстаться съ семьей.

Это была небольшая комната, выгороженная изъ чердака двойной стѣной; низкій потолокъ шелъ накось къ маленькому слуховому оконцу и спускался тамъ такъ круто,

что Никодимъ къ оконцу могъ подходить только согнувшись.

Посреди комнаты, у трубы, стояла, обмазанная глиною, кухонная плита, всего въ аршинъ, съ одной вьюшкой. На плитѣ находились двѣ мѣдныхъ кострюльки, а на полочкѣ, прикрѣпленной къ потолку, разная мелкая утварь. Передъ окномъ стоялъ столикъ и два кожаныхъ стула; на столѣ лежала въ стариномъ кожаномъ переплетѣ библія; когда-то мыши принялись отгрызать у нея уголъ, но потомъ ихъ переловили.

Направо на стѣнѣ висѣли три охотничьихъ ружья, съ патронташами и нѣсколько старинныхъ литографій въ рамкахъ: на литографіяхъ изображены были романтическіе ландшафты. Въ углу за плитой пріютилась деревянная кровать, сколоченная просто изъ досокъ и прибитая къ стѣнѣ.

Налѣво, уходя на три четверти въ двойную стѣну возвышался черный шкафъ: онъ, обыкновенно, запирался на ключъ и ключъ вѣшался за икону святого Михаила-Архистратига Силъ Небесныхъ—въ красномъ углу.

Никодимъ мысленно отперъ шкафъ. Тамъ на гвоздикѣ висѣло что-то черное, какая-то одежда. Никодимъ взялъ ее за рукава и развелъ ихъ въ стороны: черное оказалось рясой.

„Ряса отца Даміана“.

Въ молодости Михаилъ Онуфріевичъ провелъ три года въ монастырѣ послушникомъ, подъ началомъ у отца Даміана. Ряса, висѣвшая въ черномъ шкафу, была подарена Михаилу Онуфріевичу при выходѣ изъ монастыря отцомъ Даміаномъ на прощанье.

И вотъ Даміанова ряса теперь появилась передъ Никодимомъ въ креслѣ напротивъ. Появился, собственно, тотъ, уже знакомый намъ собесѣдникъ, но онъ облачился сегодня въ рясу.

— Видишь, сказалъ онъ Никодиму: совсѣмъ не нужно было ломать дверь на чердакъ. Стоило тебѣ захотѣть видѣть рясу, какъ я въ ней явился.

— Да, удобно. Ты начинаешь отучивать меня постепенно отъ всякаго труда.

— Отучивать? Нѣтъ. Ты никогда и не былъ привыченъ къ труду. Трудился всегда я. И тебѣ будетъ, дѣйствительно, очень удобно, когда я начну все дѣлать для тебя.

— Даже такія чудесныя дѣла, какъ похищать рясу черезъ двѣ запертыя двери.

— Даже.

— А, можетъ быть, мамины письма ты разберешь за меня?

— Что же, тебѣ очень стыдно сдѣлать это самому?

— Очень стыдно.

— Ну если такъ, то я могу. Но видишь

ли хотя я и хитроумный, но еще малограмотный—сумѣю ли ихъ теперь прочитать?

— То есть, что это значитъ?

— А то,—тебѣ придется, пожалуй, годикъ обождать, пока я смогу разобраться въ нихъ

— Такъ ты думаешь, что мнѣ лучше это самому сдѣлать, по обыкновенному?

— Да.

— Я не могу, совсѣмъ безпомощно заключилъ Никодимъ.

Монахъ помолчалъ. Потомъ сказалъ какъ-то, между прочимъ:

— Тебѣ же Яковъ Савельичъ разрѣшилъ.

Но Никодимъ за эту мысль ухватился.

— Да, разрѣшилъ. Я знаю. И я поступилъ бы такъ, какъ онъ сказалъ. Но ты мнѣ рѣшительно мѣшаешь. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ чувствовать тебя, я не могу не считаться съ тѣмъ, что говоришь и думаешь ты.

— А что я думаю?

— Не только, что думаешь, но и какъ думаешь. Ты думаешь иронически, а волю мою взялъ себѣ.

— Послушай. Соберись съ силами и поѣзжай къ отцу Даміану. Вѣдь онъ же духовный отецъ твоей матери—неужели онъ ничего не знаетъ объ ея жизни?

— Да онъ ничего не скажетъ. Развѣ онъ можетъ и обязанъ?

— А ты возьми револьверъ съ собою.

Приставь его ко лбу отца Даміана и потребуй отвѣта.

— Фу! какія глупости ты говоришь.

— Ничего не глупости—револьверъ ты захвати съ собою: если не на отца Даміана, то на кого нибудь другого пригодится. А писемъ разобрать ты все равно не сможешь.

— И не надо. И отца Даміана не о чемъ спрашивать.

— Послушай. Не ты ли увѣрялъ меня, что любишь свою мать.

— Хорошо, хорошо. Только прекрати изліяніе своихъ наставленій, — у меня голова разболѣлась отъ твоихъ рѣчей. А рясу отнеси на мѣсто—откуда взялъ.

Собесѣдникъ всталъ. Ряса упала къ его ногамъ, онъ свернулъ ее, взялъ подмышку и пропалъ. Никодимъ не замѣтилъ, куда онъ исчезъ, но когда прошло полчаса въ молчаніи Никодимъ сказалъ себѣ:

„Довольно заниматься этою игрой. Конецъ!

На утро онъ поѣхалъ въ монастырь. До него было недалеко: верстъ сорокъ, но еще десять верстъ нужно было проплыть озеромъ, такъ какъ монастырь стоялъ на островѣ.

Изъ ближайшаго уѣзднаго города, каждый день въ монастырь уходилъ пароходъ съ богомольцами, только въ неопредѣленные часы. И пріѣхавъ въ городъ, Никодимъ уже не за-

сталъ парохода, но не захотѣлъ дожидаться слѣдующаго дня и искать пріюта гдѣ-либо въ гостиницѣ, а поблизости отъ пристани нанялъ до монастыря знакомаго рыбака.

Погода была плохая: дождь, вѣтеръ, — встрѣчная волна сильно качала лодку и только въ сумеркахъ, на огонекъ, добрались, наконецъ, Никодимъ и рыбакъ до острова. Рыбакъ ужъ хотѣлъ было вернуться, потерявъ дорогу, и только настойчивыя уговариванія Никодима убѣдили его продолжать путь. Совершенно измокшіе и озябшіе вышли они на берегъ, довольно далеко отъ монастырской пристани и, вытащивъ за собою лодку на песокъ, пошли размокшей тропинкой къ воротамъ. Привратникъ впустилъ ихъ, но сказалъ, что въ церкви сейчасъ идетъ служба, а если имъ нужно кого-нибудь видѣть, то придется обождать, такъ какъ молъ въ церковь то неудобно итти мокрыми.

Они такъ и сдѣлали—обождали, а потомъ когда служба кончилась, доложили о Никодимѣ Архимандриту отцу Іоасафу и провели Никодима къ нему. Въ кельѣ у отца Архимандрита было жарко натоплено. Подали чай съ вареньемъ и отецъ Іоасафъ—простой сѣденькій старичекъ, ласковый, лукавый, хозяйственный—принялся разспрашивать Никодима о всякихъ дѣлахъ— о цѣнахъ на сѣно, на хлѣбъ. Но Никодимъ за послѣднее время

сильно отсталъ отъ всѣхъ хозяйственныхъ заботъ и не зналъ, что и отвѣчать. Онъ сослался на нездоровье—„простудился должно быть, плывучи по озеру",—а ему просто хотѣлось спать съ дороги. „Экій вы неосторожный, да нетерпѣливый, сказалъ ему отецъ Архимандритъ: не могли парохода обождать. Однако, такому гостю мы всегда рады. Видно, у васъ дѣло какое есть къ намъ, или просто помолиться пріѣхали?

— Да есть дѣло, отвѣтилъ Никодимъ.

— Ко мнѣ, али къ кому другому?

— Отца Даміана хочу повидать.

— Прихварывать сталъ отецъ Даміанъ: старъ становится. Поди ужъ за восемьдесятъ перевалило. Вы его сегодня то не тревожьте: завтра лучше; а теперь я вижу, вы спать хотите—пожалуйте въ гостиницу. Я распорядился: тамъ келейку вамъ приготовили получше другихъ.

Поблагодаривъ отца Архимандрита за привѣтъ и ласку, Никодимъ прошелъ въ отведенную ему комнату: свѣча еле освѣщала ее, было въ ней немного холодновато и неуютно, но дѣйствительно это была одна изъ лучшихъ комнатъ въ гостиницѣ.

Когда онъ вошелъ—за печкой что то зашуршало. Но Никодимъ не обратилъ вниманія на шорохъ: „Можетъ быть, бѣсъ" равно-

душно подумалъ онъ и отъ усталости скоро заснулъ очень крѣпко.

Ночью онъ проснулся и, чувствуя, что совсѣмъ больше не хочетъ спать, зажегъ свѣчу и оглядѣлся. Комната ему показалась уютнѣе и лучше, чѣмъ въ первый разъ. Одѣвъ уже просушенное, хотя и помятое платье, онъ выглянулъ въ корридоръ и при слабомъ свѣтѣ огарка, выходившемъ изъ его комнаты, увидѣлъ въ концѣ корридора старческую фигуру монаха. Монахъ сидѣлъ на скамьѣ, склонившись немного въ сторону и упорно глядѣлъ куда-то. Замѣтивъ свѣтъ и Никодима, онъ поднялся и направился къ Никодимовой кельѣ, слегка прихрамывая: это и былъ отецъ Даміанъ.

Видѣть почтеннаго отца Даміана въ такое неурочное время въ гостиничномъ корридорѣ, словно на какомъ послушаніи—было странно, и Никодимъ съ удивленіемъ въ голосѣ воскликнулъ.

— Отецъ Даміанъ, что вы тутъ дѣлаете? Вѣдь ночь глубокая.

Отецъ Даміанъ взглянулъ на Никодима, но какъ то поверхъ его головы. Онъ и всегда такъ смотрѣлъ, или въ сторону, только не изъ гордости и не отъ лживости: глаза у него были голубые, очень свѣтлые и очень простые, но взгляду его было трудно, проходя по сторонамъ, останавливаться на человѣ-

ческихъ лицахъ. Самъ старецъ былъ высокаго роста, прямъ и сухъ; сѣдые волосы выбивались у него изъ подъ клобука. Прихрамывалъ онъ слегка, но былъ слегка и глуховатъ.

— Да, да, ночь, сынокъ, ночь глубокая, отвѣтилъ онъ.

— Я къ вамъ пріѣхалъ, отецъ Даміанъ.

— „Ко мнѣ... да... хорошо... ко мнѣ... это вѣдь архимандритъ нашъ все говоритъ, что я старъ становлюсь, да покой мнѣ нуженъ, а мнѣ ночью то не спится — грѣховныя чары одолѣваютъ: какой я старикъ... плеть мнѣ нужна для усмиренія ума и плоти, а не покой... вотъ и брожу по ночамъ. Въ церковь бы пойти, что-ли? Помолиться.

— Что же вы отецъ Даміанъ здѣсь стоите? Зашли бы ко мнѣ.

— Зайти, говоришь? Да, да... зайду. Или здѣсь постоимъ... постоимъ.

— Я къ вамъ по дѣлу пріѣхалъ, отецъ Даміанъ.

— По дѣлу... да, по дѣлу, говоришь... поживешь тутъ, у насъ, помолишься... люблю я тебя, сынокъ.

— Охъ, отецъ, у меня душа ноетъ. Вы знаете я вчера вашу рясу все хотѣлъ достать. Какъ васъ вспомнилъ, сейчасъ же и ряса ваша на умъ пришла...

— Рясу, ты говоришь... да, да... рясу... помню...

— Ту самую, что вы моему отцу подарили.

— Да, да... подарилъ...

— И подумалъ: къ кому же мнѣ и обратиться, какъ не къ вамъ?

— Обратиться, говоришь... да, да... обратиться... хорошая ряса... Я всегда хорошія рясы любилъ... грѣхъ... охъ, на старости то все припомнишь и обо всемъ снова передумаешь... цвѣтики... рѣчка... Дуняша голубушка... все въ головѣ... бабочекъ мы съ ней ловили... за рѣчкой... у рощицы... не знаешь ты.

— Нѣтъ, не знаю. Дѣтство свое вспоминаете?

— Дѣтство ты говоришь... да, да... дѣтство.

— Отецъ Даміанъ, мнѣ страшно и вымолвить то, что нужно. Вы, можетъ быть, сами слыхали: матушка наша пропала безъ вѣсти.

— Да... пропала... пропала, сыночекъ, пропала... не вернулась... батюшка твой заѣзжалъ... сказывалъ.—кто же изъ насъ безъ грѣха... простится, сынокъ, простится... я Богу молюсь денно и нощно...

— Батюшка тутъ былъ? А когда же?

— Заѣзжалъ, сынокъ, заѣзжалъ... Сказывалъ... жаловался... утѣшалъ я его... мудрый человѣкъ твой батюшка.

— Отецъ Даміанъ, помогите мнѣ... я хочу повидаться съ матерью. Вѣдь она все вамъ говорила. Никто лучше васъ ея дѣлъ и намѣреній не зналъ и не знаетъ.

— Дѣлъ и намѣреній, говоришь... знаю, говоришь... да, да все говорила, все знаю... вернется, думаю, матушка... вернется...

— Такъ скажите мнѣ, отецъ Даміанъ, что знаете. Вы простите меня за дерзость.

— Сказать, говоришь... какой же ты сынокъ глупый да смѣшной... Вѣдь она же мнѣ на духу говорила... какъ я скажу?.

— Скажите. Мнѣ некуда больше итти.

— Некуда, говоришь... Не проси, лучше... все равно не скажу.

— Да какже мнѣ быть?

— А что тебѣ быть, сынокъ?.. я подумаю... ты поживи тутъ денька три, обожди... я подумаю и скажу... ну прощай, сынокъ.

И, благословивъ Никодима, старецъ пошелъ на свое прежнее мѣсто.

Никодимъ не посмѣлъ идти за нимъ. Подумавъ, онъ ужъ рѣшилъ было остаться въ монастырѣ дня на три, какъ совѣтывалъ Даміанъ, и, постоявъ немного въ корридорѣ, вернулся въ келью и заперъ за собой дверь.

Но случай рѣшилъ иначе.

ГЛАВА XIX.

Облаченіе бѣса.

Захлопнувъ за собою дверь въ келью. Никодимъ снова услышалъ шорохъ за печ-

кой, совершенно схожій съ прежнимъ и сказалъ: „неужели и вправду бѣсъ?“. Онъ кликнулъ „кто тамъ?“, но никто не отозвался.

Никодимъ придвинулъ кресло къ окну, полуотдернулъ занавѣску, но за окномъ было еще совсѣмъ темно и ни малѣйшій свѣтъ не намѣчался. Однако, онъ сталъ упорно смотрѣть наружу, приложивъ лобъ къ запотѣвшему стеклу. Его, очень взволновалъ разговоръ съ отцомъ Даміаномъ, и онъ былъ задѣтъ въ душѣ словами старца: „какой же ты глупый да смѣшной“...

Шорохъ за печкой снова повторился. Никодимъ обернулся, пристально посмотрѣлъ туда, подошелъ къ печкѣ, сунулъ за нее въ отдушину руку—ничего. Отойдя назадъ къ окну, онъ усѣлся въ кресло и вдругъ чрезвычайно остро почувствовалъ свое прежнее раздѣленіе. На кровати же, напротивъ отъ кресла, что-то неясно зашевелилось.

— Ахъ, вотъ оно что! догадался Никодимъ: мнѣ ли первому поздороваться или ждать, когда онъ заговоритъ?

Но по направленію отъ кровати послышалось:

— Поздоровайся!

— Здравствуй, сказалъ Никодимъ и понялъ, что, сдѣлалъ ошибку, поддавшись этому приказанію, но было уже поздно. Съ кровати раздался придушенный смѣхъ.

— Здравствуй, мой милый, отвѣтилъ тотъ,

давясь смѣхомъ: знаешь, что я тебѣ скажу? Нѣтъ, конечно, не знаешь: я хочу пожить въ свое удовольствіе.

— Такъ живи, отрѣзалъ Никодимъ сердито, что же ты ко мнѣ пристаешь? Только убирайся отъ меня подальше.

— Охъ-хо-хо! Убирайся подальше. Какъ же я уберусь? желаніе то во мнѣ, а соки то въ тебѣ.

— Какіе соки?

— А тѣ самые, безъ которыхъ я и жить не могу. Безъ соковъ неинтересно. Одно развращеніе ума.

— Такъ ты высасывать меня что ли будешь?

— Ну да. Въ родѣ этого.

— А я не хочу!

— Не хочешь? Это меня не касается. Я не привыкъ спрашивать. Самъ же ты мнѣ сказалъ: „здравствуй“.

— Я съ тобой поздоровался только.

— Прекрасно ты знаешь, что со мной здороваться нечего. А сказалъ: „здравствуй“, значитъ, и сказалъ: живи здоровъ, въ свое удовольствіе“.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего такого не думалъ.

— Не думалъ? Не понимаю, чего ради ты отнѣкиваешься: вѣдь тебѣ со мной вовсе не плохо будетъ.

Пальцы Никодима забѣгали по ручкѣ кресла.

— Послушай,—сказалъ Никодимъ немного просительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно твердо,—послушай: я тебѣ тоже скажу такое, чего ты не знаешь.

Тотъ молчалъ. У Никодима мелькнула мысль: „ну какъ не знаетъ—все знаетъ!“ но лицо его осталось неподвижнымъ, а молчаніе собесѣдника заставило его продолжать:

— Такъ вотъ—есть что-то такое, чего ты не знаешь и напрасно ты такъ мерзко хохочешь. Если бы ты былъ бѣсъ, ну самый настоящій бѣсъ (не объяснять же тебѣ, какой именно), а то вѣдь ты только мошенникъ. Вотъ, который разъ ты со мной разговариваешь, а не сказалъ мнѣ, кто ты таковъ и какъ тебя зовутъ,—развѣ поступаютъ такъ порядочныя существа?

Никодимъ въ точности произнесъ: „существа“, хотя не могъ бы объяснить, что онъ думалъ сказать этимъ.

— „Да, да! продолжалъ онъ: вотъ, напримѣръ, съ рясой: развѣ я не видѣлъ, что ты меня обманулъ: ты вовсе не надѣвалъ рясу; ты только положилъ ее на себя сверху, прикрылся ею и когда всталъ—она упала, потому что не была надѣта въ рукава. Я видѣлъ.

— Ну такъ что-жъ?

— Какъ, ну такъ что-жъ? Какъ, ну такъ что-жъ? вскипѣлъ Никодимъ, вскочивъ съ кресла и съ кулаками подступая къ кровати: я

не хочу вести разговоровъ съ мошенниками. Такъ порядочныя... не поступаютъ.

Онъ опять хотѣлъ сказать „существа“, но запнулся и сказалъ одно „порядочныя“,

— А если я бѣсъ? вопросительно отвѣтилъ собесѣдникъ.

— Ты бѣсъ? Прислужникъ Сатаны? разсмѣялся Никодимъ.

— Ну да, бѣсъ. Чего-же тутъ смѣшного? А Сатана здѣсь не причемъ. Развѣ бѣсъ не можетъ существовать самъ по себѣ, безъ Сатаны?

— Конечно, не можетъ.

— Много ты знаешь! А я вотъ существую.

— Хорошо! Существуй себѣ безъ Сатаны. Но рясу въ рукава ты не могъ надѣть. Это я знаю.

— Я могу!

— Покажи! И не можешь показать, потому что рясы съ тобой здѣсь нѣтъ.

— Анъ есть!

На кровати дѣйствительно зашевелилось что-то черное. „Въ самомъ дѣлѣ, ряса“, подумалъ Никодимъ, но, точно хватаясь за соломинку сказалъ:

— Да это не та ряса: не отца Даміана. Ты здѣсь у кого-нибудь, у какого-либо монаха ее стащилъ.

— Нѣтъ, это ряса отца Даміана, смотри.

И черное взмахнуло рукавами: ряса была

дѣйствительно надѣта въ рукава. Но все же на постели ничего опредѣленнаго не намѣчалось.

— Господи, что же это такое? безпомощно и съ тоской спросилъ Никодимъ, вынулъ часы и поглядѣлъ на нихъ: былъ на исходѣ третій часъ.

— Ничего особеннаго, отвѣтило существо: ты не безпокойся, я вѣдь умѣю и опредѣлиться. Только ты поговори со мною подобрѣе.

— Какъ-же подобрѣе поговорить? Опредѣляйся скорѣй. Право, я усталъ. Или уступи мнѣ постель—я лягу спать.

— Нѣтъ, погоди! Какъ же я опредѣлюсь такъ, сразу. Ты лучше рѣши, какимъ я тебѣ больше понравлюсь?

— Ты смѣешься надо мною, пожаловался Никодимъ: ты для меня во всѣхъ видахъ хорошъ.

— Ну тогда я тебѣ помогу, сказало существо: погладь меня по головкѣ.

И темное сунулось Никодиму подъ руку, отчего Никодимъ опасливо отстранился. Но это что-то уже опредѣленно приняло человѣкообразныя очертанія,—во всякомъ случаѣ, сидѣло на кровати, подобравъ къ себѣ ноги и охвативъ колѣни руками. Лица сидѣвшаго не было видно: монашескій клобукъ совсѣмъ затѣнялъ его, а руки бѣлѣли неживой бѣлизной.

— Да ты покойникъ!—воскликнулъ Никодимъ.

— Нѣтъ, запротестовало существо: я не покойникъ: я бѣсъ.

— Бѣсы или нечистые духи, отступая два шага назадъ и поднимая правую руку для убѣдительнаго жеста, возразилъ Никодимъ: бываютъ или мерзкаго вида или демоническаго. А такихъ бѣсовъ не бываетъ. Ты голубчикъ слишкомъ простъ, чтобы провести меня.

— Я проведу тебя, когда мнѣ понадобится. Если же ты мнѣ не вѣришь, что есть бѣсы нѣсколько иные, чѣмъ ты полагаешь, то еще разъ прошу тебя: погладь меня по головкѣ.

— А что же у тебя тамъ?

— Рожки, самые настоящіе.

И существо скинуло съ себя клобукъ (но лицо его отъ этого вовсе не опредѣлилось) и подставило опять голову Никодиму.

Никодимъ опасливо протянулъ руку и погладилъ черепъ сидѣвшаго: дѣйствительно тамъ намѣчались рожки—маленькіе, совсѣмъ телячьи.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ удивленно.

— А это что по твоему? хвастливо заявилъ бѣсъ и спустивъ одну ногу съ кровати, постучалъ ею по полу: видишь?

Никодимъ нагнулся, посмотрѣлъ: копытце, совсѣмъ козлиное.

Существо опять подобрало ногу: „Теперь вѣришь? спросило оно.

— Да, убѣжденно отвѣтилъ Никодимъ: вѣрю. Я не столь ужъ наивный человѣкъ, чтобы можно было поймать меня на невѣріи.

— Вотъ это мнѣ нравится! заявило существо, ударяя себя ладонью по колѣну: вотъ это мнѣ нравится! Но, однако, я надулъ тебя самымъ безсовѣстнымъ образомъ: рясу я въ рукава не надѣвалъ а только прикрылся ею: смотри!

И съ этими словами существо подпрыгнуло на постели, а ряса упала къ его ногамъ.

Никодимъ отскочилъ въ сторону кресла, существо же повернулось, стоя въ постели, три раза на одной ножкѣ.

Если бы ряса, свалившись открыла подъ собою какую либо другую одежду — Никодимъ возможно и не поразился бы до такой крайности, какъ онъ поразился тогда, увидѣвъ существо нагимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разглядѣлъ его съ головы до пятокъ.

Во-первыхъ у существа появилось лицо. Это было странное лицо и странное отъ всей необыкновенной головы, суживающейся кверху, а не книзу, съ сильно выпяченнымъ и даже загнутымъ толстою кромкой подбородкомъ; притомъ подбородокъ лиловѣлъ и багровѣлъ вмѣстѣ, а нижняя челюсть составляла половину всего черепа; ротъ у суще-

ства расположился не поперекъ лица, а вдоль, подъ едва намѣчающимся носомъ и глазами безъ бровей, будто нарисованными только, ротъ этотъ по временамъ старался придать себѣ законное положеніе и растягивался вправо и влѣво, но отъ этого становился только похожимъ до чрезвычайности, до смѣшного, на карточное очко бубновой масти; на головѣ у существа не было вовсе ни курчавыхъ волосъ, ни рожекъ — лысина розовѣла и подпиралась тоже голымъ затылкомъ, съ двумя толстыми складками, шедшими отъ шеи и сходившимися угломъ на серединѣ затылка; зато туловище было снизу густо покрыто волосами.

Собственно, туловище это особенно заслуживаетъ описанія: оно не было противно на видъ — даже, напротивъ, довольно пріятно: бѣлаго, свѣжаго цвѣта, съ лиловатыми жилками, просвѣчивающими сквозь кожу; сзади къ нему, тамъ, гдѣ начинались ноги, прицѣпился какой то мѣшокъ, а можетъ быть и не прицѣпился, а составлялъ неотъемлемую принадлежность существа; и въ этомъ мѣшкѣ что-то болталось — словно арбузы какіе — будто весьма цѣнное для существа, но возможно, что и ужаснѣйшая дрянь. Ноги и руки существа были смѣшны — словно надутая гутаперча, а не тѣло: совсѣмъ какъ тѣ колбасы и шары, что продаются въ Петербургѣ на вербномъ торгѣ. Несомнѣнно — конечности существа вы-

думалъ кто-то потомъ: онѣ рѣшительно не шли къ своему хозяину.

Въ тѣлѣ существа не чувствовалось костей: однако, оно не было и дряблымъ, только совершенно свободно перегибалось во всѣ стороны. Никодиму стоило большого труда не разсмѣяться при видѣ всего этого. Но существо, повернувшись три раза, остановилось, плотно закрыло рукой свой ротъ и надуло щеки, а вмѣстѣ со щеками надулось и само: стало прямымъ, высокимъ, твердымъ — словно кости въ немъ вдругъ появились.

Надувшись, оно спрыгнуло съ кровати и стало передъ Никодимомъ въ позу. Лицо существа сдѣлалось совсѣмъ багровымъ.

„Въ разговорахъ съ нимъ я, кажется, зашелъ слишкомъ далеко?" подумалъ Никодимъ, но существо крикливо спросило его:

— Каковъ я?

Никодимъ думалъ и молчалъ.

— Я тебѣ нравлюсь? переспросило оно.

— Да... нравишься, отвѣтилъ Никодимъ робко, нерѣшительно.

— Я очень богатъ.

— Вотъ какъ!

— Да! И мнѣ очень неудобно стоять передъ тобой голенькимъ.

— Одѣнься. У тебя ряса лежитъ на постели.

— Я не хочу рясу, закапризничало существо,

— А чего же ты хочешь? У меня ничего нѣтъ для тебя.

— Мнѣ твоего и не нужно. Ты сунь руку подъ подушку.

Никодимъ послушно сунулъ руку подъ подушку и нащупалъ тамъ какой то свертокъ, но не рѣшался его вытащить.

— Тащи! скомандовало существо.

Никодимъ дернулъ. Упавшіе концы выдернутаго развернулись. Это были очень яркія одежды.

— Хороши тряпочки? спросило существо: а ну дай ка мнѣ прежде ту: красненькую.

Красненькая оказалась широчайшими шароварами совсѣмъ прозрачными, перехваченными у щиколотки и повыше колѣна зелеными поясками съ золотомъ и лазоревыми сердечками въ золотѣ: шаровары были сшиты изъ матеріи двухъ оттѣнковъ краснаго цвѣта: нижняя часть, до поясковъ у колѣнъ, была пурпуровая съ рисункомъ въ видѣ золотыхъ четырехугольниковъ. заключавшихъ зеленую сердцевину,—четыреугольниковъ очень схожихъ по очертанію — странно! — съ недоумѣвающимъ ртомъ самого существа и расположенныхъ такъ же, какъ его ротъ — острыми углами кверху и книзу; верхняя часть шароваръ отъ колѣнъ до пояса огневѣла киноварью и рисунка на ней не было.

Никодимъ, развернувъ одежду, съ изумлѣніемъ разсматривалъ ее.

— Одѣвай! снова скомандовало существо и, поднявъ свою правую ногу,протянуло ее къ Никодиму.

Никодимъ покорно натянулъ штанину на ногу.

— Другую!

Никодимъ натянулъ и другую и завязалъ поясъ.

— Теперь лиловенькую сказало существо уже болѣе добрымъ голосомъ и почти просительно.

Никодимъ поднялъ лиловенькую: это была курточка-безрукавка съ глубоко вырѣзанной грудью и спиной; золотыя полоски, чередуясь съ зелеными, расходились по ней концентрически отъ рукъ къ серединѣ спины и груди.

Облачивъ существо въ курточку и застегнувъ ее на золотыя пуговки, Никодимъ уже самъ безъ приказанія поднялъ и зеленые нарукавники—закрѣпилъ ихъ, затѣмъ взялся за головной уборъ въ видѣ лиловой чалмы съ пурпуровымъ верхомъ, лиловымъ же свѣшивающимся концомъ и зелеными съ золотомъ охватами—повертѣлъ ее въ рукахъ, прежде чѣмъ надѣть на существо, и надѣвъ, пошарилъ еще подъ подушкой: тамъ нашлись туфли—также лиловые съ зеленымъ узоромъ.

Существо предстало облаченнымъ. Нарядъ

былъ замѣчательно хорошъ, но существо разсмѣялось, прыгнуло на кровать, подхвативъ лежавшую тамъ рясу, накинуло ее на себя, и чалму попыталась прикрыть клобукомъ; однако, клобукъ былъ слишкомъ малъ, а чалма велика—тогда оно, спрятавъ чалму за пазуху, багровую лысину украсило скромнымъ монашескимъ уборомъ.

Никодимъ все это наблюдалъ молча, но вдругъ ужасно разсердился и въ яромъ гнѣвѣ, сдѣлалъ шагъ къ кровати. Существо замѣтило то страшное, что загорѣлось вдругъ въ глазахъ Никодима:—оно жалобно пискнуло, перепрыгнуло за изголовье, въ темный уголъ и, присѣвъ, спряталось за кроватью. Никодимъ шагнулъ туда, заглянулъ въ уголъ—тамъ ничего не оказалось; заглянувъ подъ кровать—тоже; подошелъ къ печкѣ и пошарилъ въ ней и за нею—никого!

ГЛАВА XX.

Недоумѣвающій послушникъ. — Мѣдный змій.

Противъ двери Никодимовой кельи подъ утро появился монашекъ-послушникъ. Выйдя изъ бокового корридора, онъ дошелъ только до той комнаты, гдѣ спалъ Никодимъ, остановился и хотѣлъ заглянуть въ комнату сквозь замочную скважину, что ему не удалось, такъ какъ скважина была закрыта вставленнымъ

изнутри ключемъ; вздохнулъ, повернулся разъ-другой кругомъ и сѣлъ тутъ же у двери на низкую скамеечку.

Но его, видимо, что-то безпокоило и ему плохо сидѣлось на мѣстѣ. Не просидѣвъ и минуты, онъ опять всталъ и, пройдя нѣсколько разъ по корридору нелѣпой подпрыгивающей походкой, изобличавшей въ обладателѣ ея человѣка нервнаго и раздерганнаго, — снова припалъ къ двери Никодимовой кельи уже ухомъ и, вѣроятно, услышавъ за дверью шаги по направленію къ ней, мячикомъ отскочилъ въ сторону и скромненько прижался къ притолокѣ другой двери, по лѣвой сторонѣ корридора.

Никодимъ толкнулъ дверь и, очутившись на порогѣ, увидѣлъ передъ собою довольно странное существо. Послушникъ этотъ былъ высокаго роста, съ очень крупной головою, но узкоплечій и худосочный; слабыя руки безпомощно повисали вдоль его туловища и бѣлѣли неестественной бѣлизной; лицо послушника было даже еще безусо, подбородокъ значительно выдавался впередъ, глаза безъ бровей и маленькій вздернутый носикъ робко выглядывали изъ подлобья; жидкіе, свѣтлые волосики, насквозь пропитанные лампаднымъ масломъ, слипшимися прядями выбивались изъ подъ клобучка, прикрывая плоскія приплюснутыя уши, а ротъ, постоянно

полуоткрытый, придавалъ всему глупому и непріятному лицу съ кожею слегка сморщенной преждевременной старостью, видъ неудоумѣнія. Затасканная ряска, облекавшая послушника, была порвана въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но тщательно заштопана, а ноги были обуты въ невѣроятно большія сапоги, съ острыми, длинными носками, надломленными и загнувшимися кверху; сапоги оставались давно нечищенными и рыжія полосы вмѣстѣ съ неопредѣленными зелеными и синими пятнами покрывали ихъ.

Послушникъ смотрѣлъ на Никодима, а Никодимъ внимательно разглядывалъ послушника. Никодимъ, наконецъ спросилъ, его.

— Вы — рясофорный?

— Да, рясофорный, отвѣтилъ послушникъ заискивающе: подъ началомъ у отца Даміана.

— Ахъ! обрадовался Никодимъ, услышавъ имя старца: такъ, можетъ быть, отецъ Даміанъ васъ за мною прислалъ?

— Нѣтъ, переминаясь съ ноги на ногу, сказалъ послушникъ: я такъ...

— Войдите ко мнѣ, пожалуйста, пригласилъ его Никодимъ, отступая въ келью.

— Да, нѣтъ благодарствуйте, сталъ отнѣкиваться послушникъ, зачѣмъ же...

— Я хочу поговорить съ вами, заявилъ ему Никодимъ.

Послушникъ вошелъ, но дверь за собою

не притворилъ и опять скромно прислонился къ притолокѣ.

Никодимъ молчалъ, не находя, какъ приступить къ разговору. Первымъ заговорилъ послушникъ, но съ большимъ трудомъ и, видимо, стѣсняясь говорить о томъ, о чемъ хотѣлъ спросить.

— Я вчера случайно вашъ разговоръ слышалъ... съ отцомъ Даміаномъ, началъ онъ.

— Какъ же вы могли его слышать?

— А я тутъ налѣво въ корридорчикѣ сидѣлъ... я за отцомъ Даміаномъ присматриваю... отецъ Архимандритъ приказали... старъ отецъ то Даміанъ очень.

Никодиму это не понравилось.

— Разумѣется, сказалъ онъ тономъ не допускающимъ возраженій: вы никому не будете говорить о томъ, что слышали.

— Разумѣется, подтвердилъ послушникъ.

— Дѣйствительно отецъ Даміанъ уже старъ и многаго не въ состояніи понять, продолжалъ Никодимъ: напримѣръ, думать, что скрывая по долгу духовнаго лица извѣстное ему о моей матери — онъ поступаетъ хорошо — не слѣдуетъ. Онъ долженъ былъ открыть мнѣ все, чтобы дать мнѣ необходимыя нити.

Никодимъ чувствовалъ, что говоритъ ужаснѣйшій вздоръ и даже не то о чемъ думаетъ и не такъ, какъ хочетъ. Но самый видъ этого противнаго послушника толкалъ на невольную ложь

Понялъ ли послушникъ отношеніе Никодима къ нему (кажется понялъ!), но онъ сказалъ: „вы вотъ, вѣроятно, думаете—извините за откровенность — зачѣмъ отцу Даміану понадобился подобный ученикъ?

— Почему же вы такъ рѣшили? горячо возразилъ Никодимъ: я, кажется, не давалъ повода полагать, что такъ думаю?

— Вы меня не совсѣмъ поняли, поправился послушникъ: отецъ Даміанъ хотя и строгой жизни человѣкъ, однако, предпочтеніе то красивенькому отдаетъ. А я-то куда же гожусь? Весьма невзраченъ.

Онъ нерѣшительно ухмыльнулся.

— Ахъ, что вы! горячѣе прежняго воскликнулъ Никодимъ: такія мысли меня совсѣмъ не занимали. Вѣдь мы же собирались съ вами побесѣдовать — а развѣ это бесѣда выходитъ?

— Правда, объ этомъ говорить не стоитъ, согласился собесѣдникъ, опять нерѣшительно улыбаясь: я васъ о другомъ собирался спросить.

Никодимъ поглядѣлъ послушнику прямо въ глаза, но въ нихъ ничего не увидѣлъ: они были будто стеклянные.

— Видите ли... началъ тотъ тихо и еще нерѣшительнѣе прежняго: послѣ того... какъ отецъ Даміанъ отошелъ... вы пошли въ комнату... и тамъ что-то говорили...

— Я говорилъ? Вы ошибаетесь, удивился

Никодимъ, совершенно непомнившій, чтобы онъ говорилъ ночью съ кѣмъ-либо, кромѣ отца Даміана и видѣлъ еще кого-нибудь.

— Правда говорили.

— Можетъ быть, во снѣ говорилъ? Я часто говорю во снѣ.

— Нѣтъ! Это не могло быть во снѣ. Я слышалъ два голоса.

— Вамъ, вѣроятно, почудилось. Ни во снѣ, ни на яву я не умѣю разговаривать въ два голоса...

Послушникъ смотрѣлъ недовѣрчиво.

— Вы мнѣ не вѣрите? добавилъ Никодимъ. Въ комнатѣ никого не было, кромѣ меня. И теперь только насъ двое.

— Я не могъ ошибиться, возразилъ послушникъ хотя опять тихо, но твердо. Говорятъ, что въ этой кельѣ живетъ бѣсъ, добавилъ онъ.

Никодима эти слова будто ударили: онъ вдругъ вспомнилъ вчерашній шорохъ за печкой и свое предположеніе, что тамъ шуршитъ не иначе, какъ бѣсъ.

— Живетъ бѣсъ! повторилъ онъ за послушникомъ.

— И меня это крайне интересуетъ, продолжалъ послушникъ: я потому къ вамъ и обратился, что полагалъ...

— Полагали, что я съ бѣсомъ разговаривалъ и видѣлъ его?

— Да.

— Вы ошиблись: бѣса я не видѣлъ и съ нимъ не разговаривалъ, но почему то безотчетно думалъ о немъ, когда вошелъ въ келью. И кромѣ того слышалъ за печкой дважды шорохъ.

— Ну вотъ видите, шорохъ! Значитъ это правда, заторжествовалъ послушникъ. Нѣтъ, вы скажите мнѣ (онъ приблизился къ Никодиму и зашепталъ ему на ухо): правда, что вы говорили съ бѣсомъ?

— Зачѣмъ вамъ это?

— Такъ... я вамъ потомъ объясню...

— Вамъ не придется объяснять: я бѣса не видѣлъ.

Послушникъ отодвинулся къ той же притолокѣ и, принявъ видъ безразличный, сказалъ уже по иному, бахвально и нагло.

— Весело у насъ въ монастырѣ. Особенно, когда исповѣдуются.

— Почему же весело? спросилъ Никодимъ съ гадливостью.

— Я вѣдь все слышу. Слухъ у меня отмѣнно развитъ. Въ одномъ концѣ церкви исповѣдуются, а я съ другого слышу. Ну, конечно, когда мужчины исповѣдуются, такъ это не очень интересно: мужчина вѣдь извѣстенъ со всѣхъ сторонъ — онъ какъ на ладони — всякому виденъ. А женщины — дѣло другое; особенно, когда изъ города дамы пріѣзжаютъ. Вкусно!

И даже языкомъ прищелкнулъ. Никодимъ сурово молчалъ.

Послушникъ еще попереминался съ ноги на ногу и уже увлекаясь своей новой ролью лихого и бывалаго человѣка, причмокнулъ и заявилъ.

— Пикантно! Вы тутъ пожили бы — я васъ многому научу. Я знаю откуда хорошо подслушивать. Такія вещи приходится слышать, что просто диву даешься; знаете ли есть крылатое слово: вѣкъ живи — вѣкъ учись; — я, какъ попалъ въ монастырь особенно глубоко сталъ эту пословицу чувствовать.

— Послушайте, задалъ ему Никодимъ вопросъ: откуда вы такой, что у васъ вотъ эти слова: пикантно, дамы?..

— Я изъ дворянской семьи. Нашъ родъ древній и хорошій, не безъ гордости отвѣтилъ послушникъ.

— По вашей наружности судить трудно, и я думалъ какъ разъ наоборотъ, горестно и тоскливо замѣтилъ Никодимъ сквозь зубы, но собесѣдникъ его не обидѣлся.

— Знаете что, заявилъ Никодимъ черезъ минуту, чтобы выйти изъ глупаго и нуднаго положенія, въ которое онъ попалъ, пригласивъ къ себѣ этого наглеца: пойдемъ на улицу: я хочу подышать свѣжимъ воздухомъ; у меня болитъ голова.

Они вышли заднимъ крыльцомъ на мона-

стырскій дворъ, къ кузницѣ и бочарнѣ и прошли къ голубятнѣ. Никодимъ шелъ впереди, послушникъ въ разстояніи одного шага отъ Никодима, внимательно разсматривая спину своего спутника. Никодимъ это разсматриваніе отлично чувствовалъ, и на душѣ у него становилось все гадливѣе и гадливѣе, но онъ не находилъ въ себѣ силы отогнать или даже просто отшвырнуть отъ себя этого человѣка. Онъ надѣялся на одно — что сейчасъ гдѣ нибудь встрѣтитъ отца Даміана и пожалуется тому на его ученика. Поэтому онъ колесилъ по двору: то шелъ къ голубятнѣ, то сворачивалъ опять къ бочарнѣ, или къ конюшнѣ и сѣноваламъ и снова возвращался къ голубятнѣ. Послушникъ не отставалъ ни на шагъ и отецъ Даміанъ нигдѣ не показывался. Никодимъ, наконецъ, не выдержалъ и, круто повернувшись, столкнулся со своимъ спутникомъ.

Тотъ охнувъ, спросилъ по старому робко, нерѣшительно.

— Я вамъ надоѣлъ?

— Да! надоѣли, закричалъ на него Никодимъ: оставьте меня одного — я хочу ходить безъ васъ!

Послушникъ поклонился и покорно отошелъ въ сторону. Никодимъ же повернулся, взялъ прежнее направленіе и въ четвертый разъ очутился передъ голубятней. Какъ разъ одинъ изъ монастырскихъ служекъ передъ тѣмъ

взобрался на голубятню по лѣсенкѣ и съ дикимъ крикомъ, на глазахъ Никодима, махнулъ по голубямъ тряпкой, привязанной къ палкѣ; ворковавшіе до того голуби съ шумомъ снялись и, взмывая къ небу, красивой стаей залетали.

Никодимъ остановился, чтобы поглядѣть на нихъ и опять почувствовалъ, что кто-то за его спиной снова разсматриваетъ его.

„Опять этотъ проклятый“, подумалъ онъ и обернулся, чтобы отогнать назойливаго послушника. Послушникъ дѣйствительно стоялъ еще здѣсь, но въ сторонкѣ и не глядя на Никодима; приподнятое лицо его было безразлично, а полураскрытый ротъ придавалъ ему все то же недоумѣвающее выраженіе. За спиной же Никодима оказался русокудрый молодецъ, въ синей поддевкѣ, подпоясанной пестрымъ кушакомъ, въ плисовыхъ шароварахъ и пахучихъ смазныхъ сапогахъ,—словомъ человѣкъ вида совсѣмъ не монастырскаго. Въ правой рукѣ онъ держалъ письмо и, кланяясь, протягивалъ его Никодиму, а лѣвой придерживалъ у пояса фуражку-московку.

Конвертъ былъ надписанъ женской рукой и почеркъ Никодиму нетрудно было узнать. Въ запискѣ было немного словъ: „Наконецъ то я узнала, гдѣ вы находитесь. Пріѣзжайте. У меня сегодня праздникъ. Посылаю за вами автомобиль. Ирина“.

Случаю поскорѣе уѣхать изъ монастыря Никодимъ былъ радъ. Прочитавъ записку, онъ сказалъ: „здравствуй Ларіонъ. Какъ живешь?“ и не дожидаясь отвѣта, добавилъ: „Поѣдемъ. Надѣнь фуражку.“

Быстро сбѣжали они подъ горку, къ пароходной пристани и пробрались сквозь густую толпу богомольцевъ на пароходъ, готовившійся къ отходу въ городъ.

Когда, черезъ часъ съ чѣмъ-нибудь пути, они вышли въ городѣ и молодецъ махнулъ фуражкой, изъ-за гущи народа, къ нимъ на встрѣчу, рявкнувъ въ изогнутую мѣдную трубу, подкатилъ черный автомобиль.

— Мѣдный змій, услышалъ рядомъ съ собою Никодимъ знакомый голосъ и, оглянувшись увидѣлъ, что на сидѣнье къ шофферу забирается знакомый послушникъ. Шофферъ протягивалъ ему руку, чтобы помочь сѣсть.

— А вы зачѣмъ здѣсь? удивился Никодимъ.

Послушникъ поставилъ на землю занесенную уже было ногу и обернувшись къ Никодиму, вытянулъ руки по швамъ, опустивъ глаза.

Никодимъ продолжалъ глядѣть на него вопросительно.

Послушникъ помялся съ видомъ уже знакомымъ Никодиму и сказалъ:

— Да я такъ... я думалъ, что вы ничего не скажете... мнѣ право очень нужно...

Никодимъ до крайности смутился отъ этой сцены и чтобы замять ее передъ Ларіономъ и шофферомъ, сказалъ неотвязчивому послушнику.

— Конечно, если вамъ нужно... Я радъ... и о какомъ это мѣдномъ зміѣ вы говорили?

— А вотъ объ этомъ, радуясь тому, что положеніе разрѣшилось столь благопріятно для него, отвѣтилъ послушникъ и указывая на мѣдный автомобильный гудокъ, погладилъ его ласково рукой. Гудокъ былъ сдѣланъ въ видѣ змѣи съ широко раскрытой пастью.

ГЛАВА XXI.

Странная встрѣча подъ холмомъ.

Автомобиль тронулся. Выбравшись на дорогу и прибавивъ ходу, путники проскочили двѣ-три городскія улицы и скоро очутились на пыльномъ шоссе. Имѣніе Ирины находилось отъ города верстахъ въ ста съ лишнимъ, но машина была сильная и легко давала хорошій ходъ.

Молодца въ поддевкѣ Никодимъ посадилъ съ собою рядомъ. И Ларіонъ всю дорогу старался занимать Никодима, разсказывая ему о томъ, о семъ, передавая всякія сплетни, слухи и новости. Но Никодимъ плохо его слушалъ, а больше глядѣлъ на шоффера,

который весь отдавшись своей работѣ, сидѣлъ наклонившись впередъ и не сводилъ глазъ со стелющейся передъ нимъ дороги. Сидѣвшій рядомъ съ шофферомъ послушникъ также молчалъ и тоже глядѣлъ впередъ. Иногда правая рука его зачѣмъ то поднималась и каждый разъ повторяла одно движеніе, будто онъ хотѣлъ ускорить ходъ машины, прибавить ей силы.

Ларіонъ сыпалъ словами безъ умолку; поговорить съ новымъ человѣкомъ было его слабостью: обо всемъ разсказывалъ онъ, что не встрѣчалось по дорогѣ—гдѣ кто живетъ, какъ живетъ и что дѣлаетъ. У Ларіона было достаточно остроумія, кромѣ того была въ немъ и особая благовоспитанность, прикрывавшая природное ухарство—благовоспитанность, свойственная всѣмъ людямъ, служившимъ у Ирины.

Уже подъѣзжая къ имѣнію Ирины, Ларіонъ указалъ рукой вправо на разныя сгрудившіяся за лѣскомъ постройки и сказалъ:

— Здѣсь генералъ Красновъ живетъ. Богатое имѣніе. И голубятни у генерала — страсть!

Автомобиль въ ту минуту шелъ тихо — здѣсь по дорогѣ все попадались горки и безъ осторожности легко можно было скатиться въ канаву.

— Эвона сколько голубей на дорогѣ сказалъ шофферъ, указывая передъ собою,

когда автомобиль только что взобрался на одну изъ такихъ горокъ.

Никодимъ замѣтилъ, что послушникъ наклонился къ шофферу и что-то сказалъ ему.

— Что вы говорите? спросилъ Никодимъ.

— Да они, отвѣтилъ шофферъ за послушника: говорятъ, что хорошо бы этихъ голубей пугнуть машиной съ разбѣгу.

— Зачѣмъ же? взмолился Никодимъ.

Но было уже поздно. Шофферъ далъ полный ходъ и рѣзкой руладой загудѣлъ гудокъ. Автомобиль дико врѣзался въ голубиную стаю, и она, поднявшись съ дороги, испуганно метнулась въ разныя стороны. Одинъ мигъ — и автомобиль проскочилъ, но рѣзкая рулада оборвалась на серединѣ. Шофферъ застопорилъ машину, такъ что всѣ подпрыгнули на мѣстахъ, и, остановивъ ее на перекресткѣ дорогъ, у проселка, соскочилъ прочь.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Никодимъ.

— Съ гудкомъ что-то неладно, отвѣтилъ шофферъ, сунулъ въ змѣиную пасть руку и голосомъ полнымъ сожалѣнія добавилъ:

— Ахъ, вотъ оно что! И дернула же его нелегкая. Надо было.

На рукѣ у него въ послѣднихъ содроганіяхъ трепыхался бѣлый голубь, закинувъ головку и раскрывъ клювъ; распростертыя крылья его безпомощно упадали.

— Въ трубу попалъ! удивленно и съ досадою въ голосѣ пояснилъ Ларіонъ.

Шофферъ подержалъ птицу въ рукѣ и откинулъ ее въ сторону. Но человѣкъ въ поддевкѣ сказалъ: „нехорошо, не полагается такъ!“ соскочилъ прочь, бережно поднялъ голубиный трупъ, поправилъ крылышки и подулъ голубю въ раскрытый клювъ.

Никодимъ тоже почувствовалъ, что нехорошо.

— Не поѣду я съ вами, заявилъ онъ слѣзая на дорогу. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и послушникъ.

Ларіонъ и шофферъ воззрились на Никодима. „Да какъ же такъ, баринъ“, обидѣлся Ларіонъ: „мы тутъ непричинны. Скверную штуку выкинули — вѣрно. А все онъ“.

И злобно ткнулъ пальцемъ въ сторону послушника.

— Чѣмъ же я виноватъ! попытался тотъ оправдаться.

— Тѣмъ! Совѣтчикъ нашелся. Забавляй его на свою шею, выругался шофферъ. Кабы вы, баринъ, обратился онъ къ Никодиму, сразу сказали, что не слѣдъ — развѣ я погналъ бы? А этотъ — чортъ! Еще монахомъ вырядился.

— Я не поѣду съ вами, еще разъ повторилъ Никодимъ.

— Куда же вы теперь одни то? спросилъ

Ларіонъ, боясь, что порученіе, данное ему Ириной, онъ уже не выполнитъ.

— Я пѣшкомъ пойду, отвѣтилъ Никодимъ: отсюда недалеко осталось — укажите мнѣ только дорогу: направо или налѣво.

— Налѣво, баринъ, сказалъ шофферъ: вотъ проселкомъ и пойдете — никуда не сворачивайте. Дорога то хорошая — живо доберетесь.

Никодимъ махнулъ имъ шляпой и они отъѣхали. Онъ же свернулъ на проселокъ и, отойдя немного, оглянулся: автомобиль остановился опять на пригоркѣ, но Никодимъ еще разъ помахалъ шляпой, чтобы не дожидались и ѣхали; шофферъ далъ ходу; послушникъ попытался вскочить въ автомобиль — Ларіонъ съ силой оттолкнулъ монашка и монашекъ растянулся на дорогѣ. Никодимъ не оглядываясь болѣе пошелъ своимъ путемъ.

Раздумывая о прошедшихъ дняхъ, всходилъ онъ на пригорки и спускался въ лощинки. И съ одного изъ пригорковъ открылись передъ нимъ большія пространства. Вся мѣстность была холмистая и песчаная. Солнце заливало ее теплымъ свѣтомъ, — быть можетъ, послѣдній разъ въ томъ году, — но такимъ чудеснымъ свѣтомъ изъ необыкновенно голубого и глубокаго неба. Передъ глазами надъ обрывами и скатами ярко-желтыхъ промоинъ и овражковъ, синѣли и рдѣли рощицы моло-

дого сосняка и кой-гдѣ поднимались старыя могучія деревья; свѣтло-зеленая озимь коврами ложилась въ поляхъ уже поблекшей травы, на припекѣ; рѣдкія, круглыя, ослѣпительно-бѣлыя облачка проплывали по небу. Воздухъ былъ неизъяснимо чистъ, прозраченъ и спокоенъ: каждое дерево, каждый кустикъ можно было разсмотрѣть за версту — и голубѣли и трепетали открывавшіяся пространства.

Но дорога оказалась очень длинной: перебѣгая съ горки въ лощинку, изъ лощинки на горку, между засѣянныхъ полей и журчавшихъ ручейковъ, она ложилась многими извилинами и, казалось, конца-краю ей не будетъ. И только одно утѣшало путника: вся она, до горизонта, виднѣлась глазу.

И за многими ея поворотами Никодимъ увидѣлъ вдали человѣческую фигуру, одиноко и неподвижно стоявшую на дорогѣ, у сосновой рощи. Онъ не могъ разобрать — мужчина это или женщина, но проходилъ пригорокъ за пригоркомъ, лощинку за лощинкой, а фигура все оставалась въ одномъ положеніи, какъ онъ сперва увидалъ ее — немного запрокинувъ голову и забросивъ руки на затылокъ.

„Кто же тамъ? подумалъ Никодимъ: „навѣрное кто-то ждетъ меня. Да не можетъ быть!"

И у него уже не хватило терпѣнія идти этою далекой, причудливо ложащейся доро-

гой — онъ бросился почти бѣгомъ, напрямикъ, черезъ пески и вспаханныя поля, думая только объ одномъ — какъ бы не потерять изъ глазъ увидѣнную вдали фигуру. Пробѣжавъ больше половины разстоянія, онъ выбился изъ силъ въ глубокихъ пескахъ и волей-неволей долженъ былъ вернуться на прежній путь. Послѣдняя часть пути ложилась сплошь черезъ бугры, Никодимъ то и дѣло нырялъ между ними и когда оказывался на верху—опять передъ нимъ вставала фигура въ немѣняющемся положеніи—съ головою запрокинутой въ высь и руками заброшенными на затылокъ.

Разстояніе все уменьшалось. Послѣдній разъ Никодимъ сбѣжалъ въ заросшій лознякомъ овражекъ, и когда поднялся наверхъ — очутился съ фигурой уже лицомъ къ лицу и вскрикнулъ отъ изумленія.

Передъ нимъ оказался вовсе не живой человѣкъ, а фигура нагой женщины, вырѣзанная изъ дерева, и нельзя было сомнѣваться въ томъ, что образцомъ для нея послужила госпожа NN.

Вырѣзана-же она была изъ желтоватаго хорошо полирующагося дерева: слои древесины то расходились по ней частыми ровными полосками, то разнообразно и причудливо, уширялись на сгибахъ; нельзя было и подумать, что это не скульптурное произведеніе — глазъ

не замѣчалъ шарнировъ или скрѣпленій — все казалось сдѣланнымъ изъ одного куска и только сквозь искусно-продѣланныя отверстія выдавались и дышали живыя женскія груди, но дерево было такъ хорошо пригнано къ нимъ, что не каждый разъ, при выходѣ показывались щели между деревомъ и живымъ тѣломъ.

Въ молчаніи, чувствуя, что колѣни у него подгибаются, слабѣя, Никодимъ простеръ руки къ фигурѣ — какъ бы желая осязать ее и вмѣстѣ боясь притронуться къ ней. Но тутъ онъ замѣтилъ въ фигурѣ движеніе и жизнь.

Тогда Никодимъ вскрикнулъ и опустился на одно колѣно — фигура же переступила на мѣстѣ, но не измѣнила положенія головы.

И въ тотъ же мигъ Никодимъ услышалъ за своей спиной отвратительный визгъ. Темное и нескладное вылетѣло (именно вылетѣло), изъ-за его спины и бросилось къ ногамъ фигуры, обнимая ихъ. Это былъ никто иной какъ послушникъ.

— Madame, madame! — визжалъ онъ, захлебываясь въ звѣриномъ восторгѣ: если бы вы меня поняли! Если бы позволили мнѣ высказаться, излить передъ вами мою душу!... Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Вы способны, но вы не хотите!.. А я хочу вамъ сказать...

— Оставьте, сказалъ Никодимъ брезгливо,

поднимаясь съ колѣна. Я еще не зналъ, что вы такая дрянь и притомъ рѣшили неотступно слѣдовать за мной.

Но послушникъ не обратилъ на него вниманія и по прежнему лобызалъ деревянныя ноги.

Голова фигуры въ ту минуту склонилось и руки фигуры высвободились. Досадливо она отстранила послушника, пошевелила деревянными губами и, повернувшись, пошла къ лѣсу. Низко свисающій сосновый сукъ загородилъ ей дорогу — она отвела его въ сторону и скрылась. Послушникъ кинулся за ней слѣдомъ.

Никодимъ же съ мучителенымъ крикомъ бросился на землю и принялся колотить по ней въ озлобленіи кулаками. Долго ли длилось его изступленіе, онъ впослѣдствіи не могъ представить себѣ, но когда онъ измученный затихъ и легъ прямо въ дорожную пыль, полузакрывъ глаза — поблизости отъ себя онъ услышалъ чей-то шорохъ.

Поднявъ голову, Никодимъ увидѣлъ все того же послушника, сидѣвшаго на кочкѣ подъ кустомъ и старательно очищавшаго отъ паутины, сосновыхъ иголъ и сухихъ листьевъ свою потертую ряску.

Никодимъ, лежа, еще долго глядѣлъ ввысь, потомъ поднялся, подошелъ къ послушнику вплотную и сдернулъ съ него клобукъ.

Послушникъ недоумѣвающе поднялъ голову.

— Я не зналъ, что вы такая дрянь — еще разъ сказалъ Никодимъ и озлобленно швырнулъ клобукъ на землю.

Послушникъ всталъ, подобралъ клобукъ и отряхнулъ съ него пыль — все молча.

Никодимъ пошелъ дальше — послушникъ за нимъ. Никодимъ обернулся и сказалъ:

— Исчезните совсѣмъ!

Послушникъ немного отсталъ, но потомъ опять нагналъ Никодима. Никодимъ это почувствовалъ и сказалъ снова, не оборачиваясь:

— Еще разъ говорю вамъ: пропадите!

Послушникъ не слушался.

Тогда Никодимъ изловчился и лягнулъ его назадъ, именно какъ лягаются лошади — прямо въ животъ. Послушникъ вскрикнулъ и упалъ, но сію же минуту опять вскочилъ на ноги и бросился вслѣдъ за убѣгающимъ Никодимомъ.

Никодиму стало стыдно своего бѣгства, онъ остановился, обернулся и спросилъ неотвязчиваго спутника:

— Что вамъ нужно?

— Ничего. Намъ предстоятъ еще нѣкоторыя интересныя встрѣчи. Я эти мѣста знаю. Вы, думаете, что здѣсь обыкновенныя мѣста — и ошибаетесь. Я васъ очень люблю—иначе я

не пошелъ-бы съ вами. Безъ меня вамъ здѣсь не пройти.

— Я одно думаю, отвѣтилъ Никодимъ: что вы большой наглецъ.

Послушникъ ничего не сказалъ и только пожалъ плечами.

ГЛАВА XXII.

Домъ желтыхъ.

Когда, идучи уже рядомъ, Никодимъ и послушникъ отошли отъ мѣста встрѣчи со странною фигурою, и сердца Никодима успокоилось, Никодимъ обратился къ своему спутнику съ вопросомъ:

— Что вы обо всемъ этомъ думаете?

— О случившемся то? Видите ли я, разумѣется, не въ правѣ имѣть какое-либо свое мнѣніе или сужденіе, не говоря уже...

— Я васъ не понимаю. Кчему все это вы говорите—о мнѣніяхъ и сужденіяхъ?

— Какъ кчему? Вы человѣкъ вспыльчивый и долженъ же я знать напередъ—какъ думаете вы въ данномъ случаѣ—чтобы не получить опять въ спину или животъ ногой. Приходится въ обществѣ подобныхъ людей оберегать себя.

— Ахъ такъ! разсмѣялся Никодимъ: вы ждете, чтобы я извинился передъ вами за мой недавній поступокъ?—я этого не сдѣлаю.

Лучше скажите мнѣ—что вы думаете—я обѣщаю не бить васъ больше.

Послушникъ помолчалъ, какъ бы раздумывая; сорвалъ двѣ-три желтыхъ травинки и ощипалъ ихъ. По лицу у него пробѣгало что-то неопредѣленное: будто онъ и колебался и смѣялся въ душѣ вмѣстѣ.

— А показать вамъ синякъ? спросилъ онъ вдругъ Никодима.

— Зачѣмъ? Вашъ синякъ на животѣ? удивился Никодимъ—нѣтъ: мнѣ онъ не интересенъ.

— Вамъ ужасно неловко передо мной, замѣтилъ послушникъ: только вы не хотите въ томъ признаться.

Никодимъ продолжалъ идти молча. Послушникъ понялъ, что нить разговора порвалась и постарался исправить положеніе.

— Какъ вы думаете, спросилъ онъ: дѣйствительно это была только деревянная фигура?

— Нѣтъ! отвѣтилъ Никодимъ, не оборачиваясь къ собесѣднику, смотрѣвшему на него: это была госпожа NN.

— Я догналъ ее въ лѣсу, возразилъ послушникъ: и ущипнулъ—настоящее дерево.

— Вы что-же изъ любопытства ущипнули? И развѣ я просилъ васъ догонять ее?

Послушникъ остановился, удивленный. Остановился и Никодимъ, но попрежнему, не оборачиваясь къ послушнику.

— Почему же, спросилъ послушникъ, выдѣляя каждое слово: вы полагаете, что я обязанъ спрашивать васъ о всѣхъ моихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ? Вы должно быть не въ полномъ умѣ, милостивый государь.

Никодимъ усмѣхнулся, не мѣняя положенія.

— Госпожу NN я также хорошо знаю, какъ и вы. Даже лучше. Притомъ она оказываетъ мнѣ болѣе предпочтенія, чѣмъ вамъ.

Никодимъ вздрогнулъ и повернулся всѣмъ тѣломъ.

— Какъ? сказалъ онъ, задыхаясь: вы смѣете здѣсь, въ моемъ присутствіи, упоминать вашимъ дряннымъ языкомъ имя госпожи NN. И откуда вы ее можете знать? Я васъ побью еще разъ.

— Вы же обѣщали меня не бить, возразилъ послушникъ, опасливо отстраняясь и загораживая лицо рукой.

— Успокойтесь. Бить васъ я не буду. Идемъ дальше—мнѣ нужно торопиться.

И, сказавъ это, Никодимъ рѣшительно зашагалъ. Послушникъ снова засѣменилъ съ нимъ рядомъ.

Черезъ сто шаговъ онъ опять заговорилъ.

Я обѣщалъ вамъ интересную встрѣчу.

— Мнѣ некогда—отрѣзалъ Никодимъ: еще засвѣтло я долженъ добраться до имѣнія.

— Мы не задержимся. Это совсѣмъ рядомъ,

Тутъ при дорогѣ—стоитъ только отойти пятьдесятъ саженъ и вы увидите.

Никодимъ вынулъ часы, поглядѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Ну если дѣйствительно пятьдесятъ саженъ,—я могу доставить вамъ удовольствіе провести меня до мѣста. Ведите.

— Вы не бойтесь. Я вамъ ничего дурного не намѣренъ сдѣлать и не собираюсь вовсе отплачивать за тотъ ударъ ногой и за непочтительное обхожденіе со мною.

— Я не боюсь. Откуда вы взяли, что я могъ бы васъ бояться?

— Изъ собственнаго опыта. Ахъ, я всего боюсь.

— Что же за диковина тамъ, которую вы собираетесь мнѣ показать.

— А вотъ увидите. Вы не будете жалѣть.

— Ведите! — окончательно рѣшился Никодимъ.

— Сюда! указалъ послушникъ на тропинку, уходившую влѣво, въ старый лѣсъ.

Они перепрыгнули черезъ канаву и вошли въ чащу старыхъ и молодыхъ елей: тамъ едва можно было пробраться. Но дѣйствительно, пройдя съ полсотни саженъ, они очутились на полянѣ: дальше пути не было— тропинка обрывалась на берегу пруда, заливавшаго почти всю поляну.

Прудъ по краямъ былъ заросъ высокимъ и

частымъ камышомъ а, посрединѣ—его возвышался островокъ и на немъ стояла хижина въ одно окно, крытая еловыми лапами, перевязанными веревками и въ нѣсколькихъ мѣстахъ придавленными осколками кирпича. Изъ трубы выходилъ сизый дымокъ. Все это вмѣстѣ съ окружающимъ старымъ лѣсомъ, разукрашеннымъ разнообразными красками осени, отражалось въ синей поверхности пруда, между плавающими по его глади желтыми листьями, снесенными вѣтромъ. Но людей на островкѣ, мостика къ нему или челна на прудѣ не было видно.

— Намъ нужно попасть туда, пояснилъ послушникъ.

— Какъ же мы туда попадемъ: вбродъ или вплавь? спросилъ Никодимъ.

— Я знаю какъ! досадливо отвѣтилъ послушникъ и пошелъ въ обходъ пруда; Никодимъ послѣдовалъ за нимъ. Перейдя на другую сторону, послушникъ вошелъ въ камыши: тамъ, осторожно ихъ раздвигая, онъ очутился у самой воды, взглянулъ вправо, влѣво и, высмотрѣвъ чурбанчикъ, прыгнулъ на него; съ чурбанчика перескочилъ на кочку и затѣмъ уже на какую то мостовину, уходившую подъ ногой въ жидкую грязь и въ воду. Никодимъ не отставалъ отъ своего спутника ни на шагъ.

Шагъ за шагомъ они прошли камы-

ши до чистой воды и здѣсь увидѣли вбитыя сваи: вѣроятно, тамъ все же былъ когда то мостикъ, но остались только сваи и теперь осенняя вода покрывала ихъ съ верхомъ.

Переступая по нимъ съ одной на другую и расплескивая воду, путники переправились черезъ узкій протокъ и снова оказались въ камышахъ, росшихъ уже по берегу островка; черезъ десятокъ прыжковъ они оказались и на самомъ островѣ.

— Недурное упражненіе, замѣтилъ послушникъ: прямо испытаніе на ловкость. Вы промочили ноги?

— Ничего! буркнулъ Никодимъ. Послушникъ направился къ хижинѣ. Тутъ замѣтили они на островѣ первое живое существо: огромную совершенно черную кошку съ большими желтыми глазами, лѣниво грѣвшуюся на припекѣ. Но она не обратила на пришедшихъ вниманія.

Постучавъ въ дверь дома и не получивъ отвѣта, послушникъ самъ отворилъ дверь въ хижину. Черезъ его плечо Никодимъ увидѣлъ на полу хижины человѣка, сидѣвшаго, поджавъ подъ себя ноги калачикомъ. За человѣкомъ возвышалась, перегораживая хижину пополамъ, огромная, высокая ширма, почти до потолка. Въ хижинѣ было довольно свѣтло—все можно было разсмотрѣть.

На семи створкахъ ширмы по свѣтло-

коричневому шелку было изображено одно и тоже въ точномъ повторенiи: пушистая кошка, бѣлая въ оранжевокоричневыхъ пятнахъ сидѣла съ четырьмя котятами подъ кустомъ темнокрасныхъ штокъ-розъ, и любовно смотрѣла на игру двоихъ котятъ—одного совсѣмъ чернаго, другого бѣлаго, съ коричневыми и черными пятнами; третiй, въ сторонѣ, весь оранжево-коричневый чесалъ лапкой за ухомъ, а четвертый, бѣлый съ черными пятнами, смирно сидѣлъ рядомъ съ матерью. За ширмой кто-то шевелился и шуршалъ, должно быть, соломой.

Рядомъ съ человѣкомъ на полу стояла пара фарфоровыхъ сосудовъ и корзинка плетеная изъ лучины, прикрытая кускомъ китайской матерiи, очень красивой, но грязной и затасканной: темносинiе цвѣты ложились на ней по голубому полю. Сосуды же были весьма замѣчательны: первый въ видѣ вазы, съ горломъ расписаннымъ по блѣдно-синему полю оранжевыми цвѣтами, съ выпуклымъ изображенiемъ, внизу у самаго основанiя, многочисленной группы людей: тамъ, впереди всѣхъ, по темнозеленой травѣ выступалъ чернобородый китаецъ, обнаженный до пояса; воздѣвая правую руку, онъ несъ въ ней голубовато-зеленый плодъ; на китайцѣ была надѣта свѣтло-зеленая широкая одежда, изъ подъ нея выставлялась красная юбка и бѣлые башмаки; дальше выступали въ разноцвѣтныхъ одеж-

дахъ другіе, но всѣхъ ихъ Никодимъ не могъ разсмотрѣть; надъ группой сіяло зеленоватое небо, желтое къ краю; по нему плыло драконообразное синее облако съ ободкомъ переходящимъ въ разные цвѣта и летѣла длинношеяя красноклювая птица. Второй сосудъ былъ свѣтлоголубой на черномъ основаніи и съ черной крышкой надъ узкимъ горломъ; бѣлые цвѣты покрывали его поверхность а черный драконъ силился выползти изъ его стѣнки;

— Интересно? спросилъ послушникъ Никодима.

Только при этомъ словѣ, сидѣвшій на полу человѣкъ поднялъ навстрѣчу гостямъ свою голову. На Никодима глянула хитро улыбающееся китайское лицо Одѣтъ хозяинъ хижины былъ въ синюю грязную курму и очень чистую бѣлую юбку, черная жирная коса обвивалась вкругъ его шеи, на ногахъ у него были китайскіе башмаки на толстыхъ подошвахъ; въ рукахъ онъ держалъ плетенье изъ соломы, надъ которымъ передъ тѣмъ работалъ.

Китаецъ на лицѣ отобразилъ большую любезность. Отложивъ плетенье въ сторону и покопавшись въ корзинѣ, окъ вытянулъ вертушку изъ пестрой бумаги, протянулъ ее Никодиму и заговорилъ, очевидно, предлагая вертушку купить. Но заговорилъ онъ на та-

комъ ломаномъ русскомъ языкѣ, что его нельзя было понять. Никодимъ досадливо отмахнулся.

Одну минуту Никодимъ изъ вѣжливости готовъ былъ эту вертушку купить, но почему то внутренно не могъ рѣшиться на такой поступокъ.

Китаецъ же видя, что его не понимаютъ, вдругъ заговорилъ по французски и довольно сносно. Съ первымъ французскимъ словомъ противная любезность сошла съ его лица— Никодимъ же изумленно раскрылъ на него глаза.

— Гдѣ вы научились по французски? спросилъ его Никодимъ.

— Я жилъ долгое время въ Парижѣ,— отвѣтилъ китаецъ.

— Откуда вы? изъ Китая?

— Нѣтъ, я съ острововъ.

— Изъ Японіи?

— Нѣтъ, я съ острововъ.

— Но съ какихъ же? Съ Курильскихъ? съ Формозы? изъ Индо-Китая? Вѣдь всѣ острова имѣютъ названія.

— Нѣтъ, я съ острововъ, упорствовалъ китаецъ и добавилъ: вы не смѣйтесь, пожалуйста, надъ моимъ товаромъ.

— Я не смѣюсь.

— Нѣтъ, вы не хотѣли купить. Китайскій товаръ—очень хорошій товаръ. Я бѣдный

человѣкъ и живу торговлей. Нади мной не надо смѣяться.

— Я не смѣялся надъ вами, постарался убѣдить его Никодимъ.

— Я предложилъ вамъ купить эту вещицу, а вы не хотите. Китаецъ снова показалъ пеструю вертушку.

— На что же мнѣ эта дѣтская вертушка, возразилъ Никодимъ: вы лучше продайте мнѣ вотъ эти сосуды.

— Сосуды я продать не могу:—это мои сосуды.

— Тогда ширму.

— И ширму не могу: это также моя ширма...

— Вотъ видите: мнѣ у васъ купить нечего.

— Купите у меня жену.

— Вашу жену? переспросилъ Никодимъ, не вѣря своимъ ушамъ и пятясь къ выходу: вашу жену? Нѣтъ... мнѣ право не надо... извините.

И выскочилъ наружу, раскланявшись. Послушникъ вышелъ за нимъ и притворилъ дверь въ хижину.

— Купите! крикнулъ имъ китаецъ еще въ догонку: моя жена—ваша жена. Вы хотите думать. Вы не будете думать. Вамъ не надо!

Никодимъ живо перебрался съ островка на берегъ—тѣмъ же путемъ. Теперь уже послушникъ шелъ сзади его.

Дойдя до тропинки Никодимъ еще разъ

взглянулъ на островъ и на хижину. Китаецъ изъ хижины не вышелъ, а черная кошка, потягиваясь, пробиралась домой.

ГЛАВА XXIII.

Китайское растеніе.

— Зачѣмъ вы повели меня къ этому китайцу? спросилъ Никодимъ послушника уже на дорогѣ.

— Онъ вопервыхъ не китаецъ, а вовторыхъ, какъ вамъ не надоѣло самому постоянно обо всѣхъ вещахъ спрашивать: почему и зачѣмъ?

Никодимъ ничего не отвѣтилъ. Ему показалось забавнымъ, что послушникъ начинаетъ его учить. Послушникъ же опять почувствовалъ, что нить разговора оборвалась и, какъ и тогда, попробовалъ исправить свою ошибку.

— А развѣ не было интересно? сказалъ онъ: я васъ и еще свелъ бы въ одно мѣсто, да вамъ вѣдь некогда — боюсь задержать.

— Да, дѣйствительно некогда, согласился Никодимъ.

Разговоръ рѣшительно не завязывался.

— И еще, началъ опять послушникъ: напрасно по моему, вы отказались отъ покупки его жены. Мнѣ, конечно, это не по средствамъ, а на вашемъ мѣстѣ я непремѣнно купилъ бы.

— Благодарю покорно, отрѣзалъ Никодимъ: не хотите ли — я снабжу васъ деньгами?

— Вы знаете, нисколько не смущаясь, продолжалъ послушникъ: въ этомъ есть что то пикантное, а я очень слабъ къ пикантному. Ни одного удобнаго случая не могу пропустить. И, по моему, онъ глубоко правъ: моя жена—ваша жена. Совершенно безразлично. Я всегда чувствовалъ тяготѣніе къ ихъ восточной мудрости. Восточная мудрость — моя стихія.

Никодимъ по прежнему молчалъ.

— Кромѣ того, началъ послушникъ въ третій разъ: вы кажется не въ состояніи видѣть важность многаго изъ того, съ чѣмъ вамъ приходится сталкиваться.

Самолюбіе Никодима было задѣто.

— Да, сказалъ онъ: у меня много недостатковъ и тотъ самый, который только что названъ вами — одинъ изъ досаднѣйшихъ. А скажите мнѣ — давно этотъ китаецъ живетъ здѣсь на островѣ?

— Онъ не китаецъ. Онъ же утверждаетъ совсѣмъ другое: вы забыли, что онъ повторялъ о своемъ происхожденіи?

— А развѣ вы знакомы съ французскимъ языкомъ? — я не предполагалъ.

— О да! Французскій языкъ я очень люблю. Французскій языкъ — это моя стихія.

— Много же у васъ стихій. Но скажите

мнѣ, наконецъ, если знаете—давно здѣсь живетъ этотъ человѣкъ?

— Давно. Лѣтъ пятнадцать. Я еще въ дѣтствѣ бывалъ на этомъ островѣ у него. И тогда еще далъ этому мѣсту названіе „Домъ желтыхъ“—не правда ли, красиво?

— Красиво. Романтическое названіе, криво усмѣхнулся Никодимъ.

— О, да, романтическое. Вы вѣрно замѣтили. Я всегда любилъ романтическое. Романтическое—это моя родная стихія.

— Послушайте, сколько же стихій въ родствѣ съ вами?

— Всѣ, всѣ. Очень много. И говорятъ, что подъ домомъ этого человѣка есть еще подземелье. Я, конечно самъ не спускался туда и входа не видѣлъ, но мнѣ передавали достовѣрные люди...

Такъ бесѣдуя, Никодимъ и послушникъ незамѣтно для себя подошли къ имѣнію Ирины. Когда они взобрались на послѣднюю горку, передъ ними, среди распаханныхъ полей, изъ-за густо посаженныхъ липъ и дубовъ, совсѣмъ близко отъ дороги, показалась красная крыша большого помѣщичьяго дома; садовая ограда выбѣжала къ самой дорогѣ, и на валу ограды за живою изгородью они увидѣли, Ирину, махавшую путникамъ платкомъ; Ларіонъ конечно раньше Никодима добрался до имѣнія и успѣлъ сказать, какою дорогою пошелъ Никодимъ.

Нѣсколько словъ объ Иринѣ. Изъ предыдущаго складывалось что будто бы Никодимъ былъ влюбленъ въ Ирину и что она, со своей стороны, также питала къ нему нѣкоторыя нѣжныя чувства — но возможность подобнаго предположенія необходимо расзѣять.

Ирина была полутора-двумя годами моложе Никодима; ихъ всѣ считали большими друзьями съ дѣтства, и Никодимъ часто повѣрялъ Иринѣ такія свои мысли и чувства, которыя онъ другимъ бы не повѣрилъ. Видѣлись они другъ съ другомъ довольно рѣдко. Правда, Никодимъ иногда, что вполнѣ понятно въ людяхъ его возраста и притомъ еще не любившихъ, считалъ себя способнымъ влюбиться именно въ Ирину и подчасъ думалъ, что онъ въ сущности уже влюбленъ въ нее—на самомъ дѣлѣ все это было лишь игрою празднаго ума.

Ирина выросла высокой и красивою дѣвушкой она заплетала въ двѣ косы свои темнорусые волосы; одѣвалась просто, держалась прямо и строго. За годъ до описываемыхъ событій она потеряла въ одинъ мѣсяцъ отца и мать и будучи отъ природы рѣшительной и вмѣстѣ старшею въ семьѣ, смѣло взялась за веденіе хозяйства въ имѣніи и повела его хорошо; Ирину окрестные помѣщики хвалили; иногда, не считаясь съ ея молодостью, заѣзжали къ ней даже совѣтоваться.

— Я хотѣла видѣть васъ непремѣнно се-

годня, сказала она Никодиму: у меня праздникъ,—и покосилась при этомъ на никодимова спутника, взглядомъ спрашивая, кто онъ такой?

— Извините, отвѣтилъ Никодимъ: я долженъ вамъ представить моего случайнаго спутника и попросить васъ пріютить его на ночь,—и вдругъ онъ вспомнилъ, что не знаетъ, какъ послушника зовутъ, что послушникъ до той минуты, кажется, вовсе и не собирался гдѣ либо останавливаться съ Никодимомъ и не говорилъ, куда идетъ.

Но было уже поздно поправляться. Послушникъ, подбоченясь слегка лѣвой рукой а въ правой держа свой клобучекъ, принялъ видъ независимый, поклонился и представился:

— Ѳеодулъ Ивановичъ! (Передъ вторымъ словомъ онъ остановился на короткое время; слово „Ѳеодулъ" произнесъ нѣсколько растягивая, а „Ивановичъ" очень подчеркивая, причемъ, вся его фигура и тонъ, казалось, говорили о желаніи выразить одну опредѣленную мысль, что вотъ молъ другой на его мѣстѣ можетъ быть сказалъ бы, и даже навѣрное, просто „Ивановъ", но что онъ съ такою устарѣлою манерой произноситъ отчество не считается и легко позволяетъ себѣ говорить „Ивановичъ"). Помолчавъ, онъ добавилъ: „Марѳушинъ" и послѣ второй паузы: „онъ же Муфточкинъ".

Сначала Никодимъ замѣтилъ только одно:

что буква „ѳ“ входила и въ имя и въ фамилію послушника, но, вспомнивъ утренній съ нимъ разговоръ, вдругъ громко разсмѣялся.

— Что съ вами? спросила его Ирина строгимъ и недовольнымъ голосомъ. Конечно это казалось ей невоспитанностью.

— Охъ! Я не могу! отвѣчалъ Никодимъ, давясь смѣхомъ: охъ... онъ мнѣ... сегодня... этотъ самый... утромъ... говорилъ, что онъ хорошей и древней дворянской семьи... охъ... я не могу... вотъ такъ семья: Марѳушины—Муфточкины!

Послушникъ поглядѣлъ на Никодима скоса и обиженнымъ голосомъ замѣтилъ:

— Не утруждайте себя господинъ Ипатьевъ смѣхомъ: моя фамилія нисколько не хуже вашей.

Смѣхъ Никодима сухо и неловко оборвался. Онъ замолчалъ.

— Пожалуйста, взбирайтесь сюда, указала имъ Ирина на садовый валъ: и пойдемте къ гостямъ.

Когда они очутились въ саду, Ирина пошла впереди рядомъ съ Никодимомъ; послушникъ шелъ сзади.

— Что за дрянь вы привели съ собою? спросила Ирина Никодима полушопотомъ.

— Ахъ, не говорите! отмахнулся Никодимъ: привязался на дорогѣ. Со мною сегодня все несчастья, добавилъ онъ печальнымъ голосомъ

— Что такое? участливо спросила Ирина.

— Ларіонъ вѣроятно вамъ уже расказалъ, почему я не поѣхалъ дальше съ ними.

— Да! Ларіонъ разсказывалъ, отвѣтила Ирина. Она видимо не хотѣла придавать случаю сколько либо значенія и Никодимъ уловилъ это. „Какой у васъ праздникъ?“ спросилъ онъ, мѣняя разговоръ.

— Сегодня я досаживаю новый садъ; осталось посадить всего три куста, но я хочу посадить ихъ непремѣнно съ вами; у меня нынче много гостей и всѣ уже потрудились — теперь ваша очередь.

Они вышли на площадку обсаженную молодыми кустами: это былъ новый садъ: онъ выходилъ не на дорогу, а въ поле и былъ тоже окопанъ валомъ съ канавой.

На площадкѣ собрались гости; ихъ было много и между ними нѣсколько знакомыхъ Никодиму, но увидѣлъ онъ также и неизвѣстныхъ ему; всѣ съ любопытствомъ посматривали на его спутника. Здороваясь съ гостями, Никодимъ подошелъ къ одному человѣку, стоявшему совсѣмъ въ сторонѣ, и вдругъ непріятное чувство охватило его при видѣ новаго знакомаго: въ немъ онъ не могъ не увидѣть несомнѣннаго сходства съ Лобачевымъ.

— Вы не родственникъ ли Ѳеоктиста Селиверстовича Лобачева? спросилъ Никодимъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ господинъ брезгливо: но господина Лобачева я знаю.

Ремесло господина было актерское.

Это Никодиму стало вдругъ ясно.

— Вотъ послѣдніе три куста, указала Ирина. Никодиму на садовниковъ, стоявшихъ у вала и державшихъ кусты наготовѣ.

Посадить кусты было дѣло нѣсколькихъ минутъ. Окончивъ работу и радостно вздохнувъ, Ирина сказала.

— А здѣсь моя пещера. Только входъ въ нее не изъ сада. а съ поля. И сказавъ, взобралась на валъ и рѣзво спрыгнула въ канаву. Никодимъ спрыгнулъ за нею.

— Знаете, замѣтилъ онъ дѣловито, заглядывая въ пещеру: мнѣ кажется, что верхъ вашей пещеры скоро обвалится—особенно если будутъ много ходить по валу. Отчего вы не сдѣлали въ пещерѣ сводъ изъ кирпичей.

— Глупый! отвѣтила весело Ирина: какая же это будетъ пещера, если потолокъ въ ней сдѣлать кирпичный: вѣдь будетъ похоже тогда на погребъ. Лучше посадить сверху какихъ нибудь кустовъ, и черезъ кусты уже никто не будетъ ходить.

Никодимъ смутился отъ своей несообразительности. Въ ту же минуту за его спиной кто то заговорилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ: по голосу Никодимъ сразу узналъ китайца, съ которымъ только что видѣлся.

Обернувшись Никодимъ сказалъ: „ахъ это вы!“ Китаецъ, признавъ Никодима, пересталъ

говорить. Въ рукахъ онъ держалъ пеструю бумажную вертушку, снова предлагая ее купить.

— Спрячьте вашу вертушку, сказалъ ему Никодимъ по-французски: лучше дайте намъ совѣтъ — вы, я вижу, толковый человѣкъ—что намъ посадить надъ этой пещерой, а то верхъ ея обвалится?

Вопросъ былъ предложенъ въ шутку, но китаецъ принялъ его въ серьезъ и сказалъ:

— Китайское растеніе.

И при этомъ покачалъ головою, спряталъ пеструю вертушку въ свою корзинку, затѣмъ покопался въ корзинѣ и вытащилъ оттуда расписанную яркими красками маленькую китайскую коробочку.

— Такое растеніе вы можете найти только у меня, или вамъ придется ѣхать за нимъ въ Китай, сказалъ онъ, не безъ важности раскрылъ коробочху и вытряхнулъ содержимое ея себѣ на ладонь.

Ирина и Никодимъ съ любопытствомъ нагнулись, чтобы разсмотрѣть растеніе: оно было очень маленькое—въ половину обыкновенной булавки, съ бѣлымъ прозрачнымъ корешкомъ и два сизыхъ листочка на немъ уже распустились чашечкой, а два другихъ, еще не распустившихся, были свернуты въ забавный шарикъ.

— Это растеніе у насъ не будетъ расти: оно совсѣмъ игрушечное, сказалъ Никодимъ съ сожалѣніемъ.

— Будетъ, убѣжденно отвѣтилъ китаецъ. я честный купецъ, я никогда не обманывалъ; оно скоро разрастется и будетъ большое-большое.

Онъ показалъ руками, какое большое будетъ растеніе.

Но Ирина уже завладѣла растеніемъ и сказала Никодиму: „заплатите ему“ Никодимъ бросилъ китайцу монету, и тотъ, поклонившись, пошелъ черезъ поле къ дорогѣ.

Земля надъ пещерой была сухая и разсыпчатая. Взобравшись на валъ, Ирина разгребла руками маленькую ямку въ землѣ и сунула растеньице въ пыль. Затѣмъ она позвала садовника и приказала ему принести немного воды и стаканъ, чтобы прикрыть растеніе, но когда обернулась—растенія уже не увидѣла. Куда оно могло пропасть—трудно сказать, но оно было такимъ маленькимъ, что даже вѣтерокъ могъ легко унести его.

— Я потеряла растеніе, сказала Ирина Никодиму дрожащимъ голосомъ: ей до слезъ было жалко растенія.

— Не плачьте, утѣшилъ ее Никодимъ: я, быть можетъ, еще найду его. и сталъ искать повсюду: на валу, въ канавѣ, около вала, на площадкѣ. Но становилось уже довольно темно и трудно было что-либо отыскать.

— Догоните китайца, приказала Ирина: у него навѣрное есть еще такія растенія.

Никодимъ выбѣжалъ за валъ, поглядѣлъ

въ поле, вышелъ на дорогу, дошелъ до пригорка и посмотрѣлъ во всѣ стороны: китайца нигдѣ не было видно.

— Не знаю, куда онъ могъ такъ скоро уйти, сказалъ Никодимъ Иринѣ, вернувшись.

ГЛАВА XXIV.

Неистовый танцоръ.—Лобачевскіе фабрикаты.

Послѣ вечерняго чая, сидя на крыльцѣ и охвативъ колѣни руками, Никодимъ разсказывалъ Иринѣ о прошедшемъ днѣ.

Гости поразъѣхались; только что за домомъ простучала на мосту коляска послѣднихъ, запоздавшихъ. Ночь темнѣла и лишь огни изъ оконъ дома бросали малый свѣтъ на окружавшія домъ деревья и на дорожки сада. Луны не было. Въ воздухѣ еще тепломъ, несмотря на 8-е сентября—день Рождества Богородицы—не раздавалось уже ничьихъ голосовъ, замолкшихъ съ уходомъ лѣта.

Никодимъ говорилъ о китайцѣ, о неотвязчивомъ и загадочномъ китайцѣ, когда вдругъ, на половинѣ разсказа, изъ мрака, знакомый голосъ произнесъ:

— Я люблю Китай: въ немъ есть что-то родное намъ и я всегда это родственное чувствовалъ.

— Опять вы здѣсь! съ досадой воскликнулъ Никодимъ: какъ вамъ не стыдно подслушивать?

Послушникъ не отвѣтилъ и не показался изъ мрака. Но по звуку шаговъ можно было догадаться, что онъ поспѣшно и боязливо отошелъ прочь.

— Вы сегодня, кажется, очень устали? заботливо спросила Ирина Никодима: вамъ нужно раньше лечь спать. Я скажу Ларіону.

Когда черезъ полчаса Никодимъ, распрощавшись со всѣми, собирался уже раздѣться и лечь, въ дверь къ нему постучали.

Онъ отвѣтилъ. Дверь отворилась и на порогѣ показалась Ирина. Она не вошла въ комнату, но только спросила Никодима раздраженнымъ полушопотомъ:

— Скажите, пожалуйста, кого вы привели съ собой? Какого послушника — развѣ это послушникъ?

— Почему-же не послушникъ?

— Пойдите и посмотрите еще разъ, если вы его забыли. Прошу васъ.

— Я тутъ не причемъ, равнодушно отвѣтилъ Никодимъ.

— Но вѣдь вы же его привели? отвѣтила Ирина возмущенно.

— Я не могъ его отогнать.

— Никодимъ! Какъ вамъ не стыдно?

Она говорила такъ, будто ей было не двадцать три, а шестьдесятъ три года.

— Ирина, отвѣтилъ Никодимъ, попадая въ ея тонъ: мнѣ нисколько не стыдно. Все

на свѣтѣ дѣлается само по себѣ и къ лучшему.

— Зачѣмъ же вы передразниваете меня, отвѣтила она обиженно: что же по вашему это хорошо и должно быть для меня безразлично?

За полурастворенымъ окномъ на тропинкѣ въ это время промелькнуло что-то темное въ бѣломъ передникѣ: должно быть, горничная. Сзади за нею кто-то пробѣжалъ и черезъ минуту за кустами раздался визгъ и смѣхъ двоихъ людей. Пробѣжавшій сзади былъ несомнѣнно послушникъ.

Ирина съ досадой захлопнувъ дверь, сказавъ Никодиму: „спокойной ночи“ и ушла, явно разсерженная и возмущенная.

„Дѣйствительно непріятно“, подумалъ Никодимъ, оставшись одинъ: какъ это я не могъ отдѣлаться отъ него?—привести такое чучело къ своимъ друзьямъ и знакомымъ—прямо неприлично.

Онъ мучась этимъ еще долго не могъ заснуть.

А Иринѣ не спалось. Постель казалась ей жаркой и неуютной и все чудилось, что по комнатамъ кто-то ходитъ. Зажегши свѣчу и накинувъ на себя платье, Ирина съ огнемъ вышла изъ спальни, чтобы осмотрѣть домъ. Проходя мимо зала, она услышала тамъ шорохъ и заглянула въ залъ.

При слабомъ свѣтѣ свѣчи, потерявшемся въ огромной, высокой съ антресолями комнатѣ,

Ирина увидѣла передъ собой фантастическое существо. Полуголый человѣкъ, одѣтый въ красные шаровары, которые только и выдѣлялись своимъ цвѣтомъ въ полумракѣ, въ курточку безрукавку и въ темной чалмѣ со свѣшивающимся концомъ, неистово, но безшумно выплясывалъ по залу совсѣмъ особенный танецъ.

Въ его танцѣ не было легкости или того, что привычно называютъ граціей, но тѣмъ не менѣе танецъ зажигалъ, подчинялъ себѣ и Ирина сама не замѣтила, какъ она, въ ладъ танцу, начала слегка покачиваться.

Танцоръ откидывалъ назадъ туловище и выставлялъ впередъ, то одну, то другую ногу, сгибая ихъ въ колѣнѣ, а голову запрокидывалъ и руки свѣшивалъ безсильно позади туловища съ каждымъ шагомъ корпусъ его подкидывался и вздрагивалъ; такъ онъ шелъ быстро и доходилъ до стѣны зала; затѣмъ пятился назадъ уже медленнѣе, перегибая туловише впередъ и руки опять свѣсивъ, пятки же высоко подбрасывая въ воздухъ; иногда онъ хлопалъ въ ладоши, но беззвучно; чалма на его головѣ тряслась и свѣшивающійся конецъ ея развѣвался въ воздухѣ.

Ирину танцоръ сперва не замѣтилъ, но когда она, смертельно перепуганная, бросилась къ себѣ въ комнату и вмѣсто того, чтобы скрыться прежнимъ путемъ, по корри-

дору, побѣжала черезъ залу—онъ увидѣлъ ее и, не прерывая танца, стремительно пошелъ прямо на нее и загналъ ее въ уголъ. Ирина, пятясь въ страхѣ, оказалась припертой къ стѣнѣ.

Танцоръ теперь уже поднялъ руки; стоя передъ Ириной и перепрыгивая съ одной ноги на другую, онъ поочередно тыкалъ въ воздухѣ указательными пальцами и въ тактъ этому пѣлъ.

Китъ-Китъ-Китъ-Китай,
Превосходный край!
Что ни шагъ—масса благъ,
Всюду чудеса!

Словомъ, какъ въ извѣстной опереткѣ. Но отъ того это было и жутко и смѣшно вмѣстѣ—и вдругъ онъ стремительно схватилъ Ирину за руки. Она вскрикнула и уронила свѣчу—свѣча потухла и въ тотъ же мигъ Ирина почувствовала губы танцора на своей шеѣ и у нея мелькнула мысль, что танцоръ укуситъ ее, но она ощутила только мерзкій и липкій поцѣлуй, обжегшій ее съ головы до ногъ всю. Танцоръ вдругъ также стремительно отскочилъ и выбѣжалъ изъ зала.

Ирина дрожа отъ страха, на полу отыскала спички и зажгла свѣчу. Еле ступая, будто ушибленными ногами, пошла она изъ залы и на порогѣ запнулась за грязные сапоги съ изломанными носками; сверху

ихъ прикрывала черная ряса, но Ирина побоялась тронуть это. Съ трудомъ добралась она до своей спальни и до утра не могла заснуть, но никого не позвала и никому ничего не сказала. Она считала, что разсказать объ этомъ можно будетъ только Никодиму и потому ждала утра.

Никодимъ, быть можетъ, въ ту же минуту, когда Ирина выбѣжала изъ зала, проснулся и первое чувство, которое охватило его — было чувство неловкости и раскаянія за все сдѣланное. Ему казалось, что Ирина завтра предложитъ ему оставить ея домъ навсегда, заказавъ въ него входъ.

Никодимъ сѣлъ въ постели и отеръ со лба холодный потъ.

Онъ вмѣстѣ боялся, что послушникъ теперь ни за что его не оставитъ и будетъ вездѣ преслѣдовать.

Одновременно онъ вспомнилъ Уокера. Подумалъ, что Уокеръ теперь долженъ уже быть въ Петербургѣ и что слѣдуетъ, не откладывая, ѣхать туда, чтобы уличить или Лобачева или самого Уокера во лжи и отобрать у нихъ записку господина W.

Онъ вспомнилъ еще отца Даміана и подумалъ, сколь онъ глупо приступалъ къ старцу; затѣмъ всталъ, одѣлся, собралъ свои немногочисленныя вещи, сѣлъ къ столу и съ торжествомъ представилъ себѣ, какъ обо-

злится послушникъ, когда не найдетъ его завтра здѣсь. Стоитъ уйти только сію же минуту.

Никодимъ написалъ Иринѣ записку: „Извините, что я уѣзжаю совсѣмъ по особенному; я вспомнилъ, что мнѣ необходимо какъ можно скорѣе повидать одного изъ моихъ знакомыхъ. Каждый часъ дорогъ—приходится уйти среди ночи. Я скоро буду обратно, черезъ нѣсколько дней заѣду къ вамъ. Никодимъ“.

Послѣ этого, пересмотрѣвъ еще разъ свои вещи, онъ открылъ окно и выскочилъ на дорожку сада. Гдѣ-то залаяла собака, но Никодимъ съ необыкновенной легкостью пробѣжалъ пространство до живой изгороди и выбрался въ поле. Собака взбѣжала на валъ и принялась лаять ему вслѣдъ.

Никодимъ быстро уходилъ, не обращая на нее вниманія. Онъ направлялся проселкомъ къ ближайшей желѣзнодорожной станціи. Дорога была сухая, хорошая; идти было легко.

Утромъ онъ вышелъ къ станціи. Она приходилась около большого торговаго села, расположеннаго при судоходной рѣкѣ, заставленной баржами съ хлѣбомъ и другими товарами. Въ селѣ были двѣ церкви,—каменная и деревянная, или новая и старая, какъ ихъ называли,—много лавокъ и два или три трактира. До поѣзда было довольно долго. Никодимъ посидѣлъ на станціи, но утренняя

свѣжесть давала себя чувствовать и онъ пошелъ въ открывшійся трактиръ.

Людей, сидѣвшихъ въ трактирѣ за столиками и пившихъ чай, кто съ ситнымъ, кто съ баранками, было немного числомъ, но они были разнообразны: въ темномъ углу перешептывались двѣ загорѣлыя, черноволосыя бабы, снявшія платки и остававшіяся только въ повойникахъ: одна въ зеленомъ, другая въ красномъ; посерединѣ большой комнаты сидѣло пять или шесть извозчиковъ въ однѣхъ жилеткахъ, вполголоса разговаривавшихъ и усиленно дувшихъ на блюдечки; были между ними и молодые и старые; за отдѣльными столиками по одиночкѣ сидѣли: какой-то странникъ съ котомкой и собственнымъ жестянымъ чайникомъ; онъ все время перемигивался со странницею, притаившейся въ противоположномъ углу; неподалеку отъ странника почесывалъ безволосый подбородокъ молодой пономарь, съ двумя жидкими косицами; у окна читалъ газету базарный торговецъ-мясникъ, а черезъ столъ за нимъ поеживался совсѣмъ захудалый мужиченка, козлобородый, въ продранномъ и заплатанномъ сермяжномъ армякѣ.

Самъ трактирщикъ за стойкой перетиралъ стаканы, ради чистоты, но окна трактира были грязны, съ потоками пыли на нихъ отъ дождя и съ радужными

пятнами, а углы комнатъ пауки сплошь заткали паутиной.

Двое половыхъ сидѣли рядкомъ у стѣны и подремывали. Когда Никодимъ вошелъ въ трактиръ — всѣ сидѣвшіе въ комнатѣ обернулись къ нему и пристально посмотрѣли на него, но онъ проскользнулъ въ меньшуюм конату и усѣлся тамъ въ уголокъ.

Потребовавъ чаю, Никодимъ замѣтилъ на окнѣ нѣсколько номеровъ затрепаннаго журнала. Журналъ этотъ всѣ знаютъ и гдѣ его не встрѣтишь—это былъ „Огонекъ".

Никодимъ скоро пересмотрѣлъ всѣ рисунки и перечиталъ всѣ разсказы и стихотворенія. Чай былъ тоже допитъ. Никодимъ взлянулъ на часы: до поѣзда оставалось не такъ долго, но все же идти изъ тепла на холодную, открытую вѣтру платформу не хотѣлось и можно было еще подождать. Никодимъ, чтобы убить время, сталъ читать объявленія въ журналѣ. Почти первое, что ему попалось на глаза было:

ВЕСЬМА ИНТЕРЕСНО ДЛЯ МУЖЧИНЪ.

Каталогъ разнообразныхъ и дѣйствительно интересныхъ и полезныхъ предметовъ собственной фабрики высылается всѣмъ желающимъ въ закрытомъ конвертѣ за 2 семикопѣечныя марки. Спѣшите сообщить ваши адреса: Ѳ. С. Лобачеву.

С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № —, кв. №—.

По бокамъ объявленія были изображены длинноногіе молодые люди въ шляпахъ, высокихъ—воротничкахъ и бѣлыхъ манжетахъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! выругался Никодимъ, отъ всего сердца, и такъ громко, что всѣ сидѣвшіе въ трактирѣ невольно къ нему обернулись.

Бросивъ деньги на столъ, Никодимъ поспѣшно вышелъ: онъ не терпѣлъ, когда любопытство людей обращалось на него.

„Положительно нужно побить Лобачева; я не въ состояніи болѣе переносить все это“ подумалъ Никодимъ уже на улицѣ.

ГЛАВА XXV.

Второе объясненіе съ Лобачевымъ.

У станціи Никодимъ уже явно весь перемѣнился: лицо его, до того хмурое, прояснилось; спина сгорбившаяся за послѣднюю недѣлю, опять выпрямилась, на душѣ стало просто и привѣтливо: намѣреніе побить Лобачева, отпало само собою и теперь хотѣлось только поговорить съ нимъ настойчиво и строго. Никодимъ послѣднее время не сомнѣвался относительно мѣстонахожденія записки господина W—онъ былъ убѣжденъ, что записка въ рукахъ Лобачева, а не у Уокера.

Дверь въ квартиру Лобачева въ городѣ

утромъ, 10 сентября, ему отворилъ тотъ же самый слуга, что и въ прошлый разъ. Ничего ему не говоря, Никодимъ прошелъ прямо въ кабинетъ къ Лобачеву.

Лобачевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, бокомъ къ двери, изъ которой Никодимъ показался и, хотя онъ слышалъ, что въ комнату вошли—не повернулъ лица и первое время Никодимъ только и замѣтилъ его профиль.

Никодимъ въ ту же минуту отлично вспомнилъ, гдѣ онъ этотъ профиль однажды уже видѣлъ—утромъ, когда, послѣ выслѣживанія чудовищъ, онъ возращался съ Трубадуромъ домой и его нагналъ ѣхавшій надъ обрывомъ экипажъ—въ экипажѣ сидѣлъ господинъ несомнѣнно съ этимъ профилемъ.

— А-а! сказалъ Никодимъ себѣ почти вслухъ, но Лобачевъ этого не замѣтилъ, хотя уже обернулся къ Никодиму.

— Здравствуйте, привѣтствовалъ его Лобачевъ, сметая рукой со стола разный соръ прямо на полъ: я зналъ, что вы сегодня ко мнѣ придете. Садитесь.

„Лжетъ, что зналъ", подумалъ Никодимъ, но приглашенію сѣсть повиновался и, подавшись къ стѣнкѣ, присѣлъ на стулъ, выставивъ впередъ руки и положивъ кисти ихъ на колѣни, шляпу же свою придерживая двумя пальцами.

— Здравствуйте, Өеоктистъ Селиверстовичъ, сказалъ Никодимъ немного подождавъ (онъ тогда нарочно сдѣлалъ такъ): скажите мнѣ, пожалуйста, не намѣренъ ли сегодня у васъ быть господинъ Уокеръ?

— Нѣтъ, не намѣренъ, отвѣтилъ Лобачевъ совсѣмъ просто: а, впрочемъ, не знаю,—онъ является и непрошеннымъ и безъ предупрежденія.

— Өеоктистъ Селиверстовичъ! сказалъ Никодимъ, придавая своему лицу опредѣленное выраженіе непреклонности: я не сталъ бы васъ безпокоить; повѣрьте, у меня нѣтъ никакой охоты посѣщать васъ не только такъ часто, какъ я посѣщаю послѣднее время но и вообще; однако кой-какіе вопросы заставляютъ меня васъ безпокоить.

Лобачевъ отрывисто спросилъ: „какіе же это вопросы? Говорите“.

— Да вотъ, напримѣръ, о записочкѣ. Записочка то у васъ, а не у господина Уокера, заявилъ Никодимъ очень утвердительно, думая этой утвердительностью поразить Лобачева и тѣмъ самымъ поймать его, и добавилъ: въ прошлый разъ вы мнѣ просто-на-просто солгали.

— Это вамъ Уокеръ сказалъ, на вокзалѣ— я знаю, отвѣтилъ Лобачевъ, нисколько не поражаясь.

— Откуда вы знаете?—удивился Никодимъ даже привсталъ на стулѣ.

— Откуда? Самъ Уокеръ мнѣ сказалъ. Вы е, молодой человѣкъ, не знаете, какъ люди ивутъ, а они живутъ по разному. Можетъ ыть Уокеръ ко мнѣ сегодня приходилъ, а о хорошенько приструнилъ, да и давай спраивать: гдѣ ты такой-сякой былъ, что подѣывалъ? Ну онъ, приструненный,—то все мнѣ истосердечно и разсказалъ.

Никодимъ совсѣмъ растерялся: онъ никакъ е могъ уяснить себѣ происшедшаго.

— Онъ больше того мнѣ сказалъ, проолжалъ Лобачевъ: онъ мнѣ до тонкости все ередалъ, и какъ самъ меня на вокзалѣ обоалъ, и еще какъ съ собою сравнивалъ.

Никодимъ почувствовалъ, что ведется тонкая игра, что главный козырь его уже итъ и что, пожалуй, ему у такого игрока, акъ Лобачевъ не отыграться.

— Ловко! произнесъ онъ вслухъ, дѣйствиельно желая похвалить Лобачева.

— Ничего не ловко—весьма обыкновенно, твѣтилъ Лобачевъ, вставая изъ-за стола и ереходя на другой конецъ комнаты, къ диванчику. Онъ догадался, что Никодимъ крылъ подъ своимъ восклицаніемъ.

— Записку тогда спряталъ Уокеръ и я вамъ е солгалъ, продолжалъ Лобачевъ: гдѣ она еперь—другое дѣло, а я вамъ въ тотъ разъ

указалъ правильно и если вы не сумѣли отобрать ее отъ Уокера—сами виноваты.

— Все, что я слышу отъ васъ и отъ Уокера—только глумленіе надо мною, сказалъ Никодимъ.

— Какъ хотите считайте, отвѣтилъ Лобачевъ.

Никодимъ очень чувствовалъ всю безнадежность своего положенія, но не хотѣлъ сдаваться. Упорство въ немъ загорѣлось и въ ту минуту онъ дѣйствительно могъ убить Лобачева, какъ обѣщалъ когда то.

— Господинъ Лобачевъ, вы знали мою мать?—спросилъ Никодимъ съ твердостью и сильнѣйшей настойчивостью.

Лобачевъ подумалъ съ полминуты и отвѣтилъ, но такъ, что Никодимъ сразу почувствовалъ лживость отвѣта.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, не зналъ, но много слышалъ о ней хорошаго.

Что Никодимъ понялъ ложь—почувствовалъ и самъ Лобачевъ.

— Вы лжете опять, сказалъ Никодимъ хладнокровно, но еще съ большей силой, лжецомъ по глупости или глупцомъ просто я васъ считать не могу—скажите мнѣ, зачѣмъ вы лжете?

— Какъ хотите считайте, повторилъ Лобачевъ, но теперь уже онъ счелъ себя проиг-

рывающимъ и вдругъ какъ будто загорѣлся отъ боязни быть побѣжденнымъ въ этой игрѣ.

Онъ вскочилъ и прошелся по комнатѣ. Наступило неловкое молчаніе.

— Никодимъ Михайловичъ! Никодимъ Михайловичъ! повторилъ Лобачевъ дважды, слегка задрожавшимъ голосомъ и усѣлся опять на диванъ.

Никодимъ поглядѣлъ на него, ожидая продолженія. Но Лобачевъ молчалъ и только вдругъ заулыбался-заулыбался чрезвычайно доброй улыбкой, совсѣмъ по стариковски: морщинки отъ его глазъ разбѣжались въ обѣ стороны. Никодимъ эту улыбку замѣтилъ, но не повѣрилъ своимъ глазамъ: „Играетъ, все то-же“—подумалъ онъ.

— Никодимъ Михайловичъ, будьте моимъ, другомъ, сказалъ, наконецъ, Лобачевъ.

Никодимъ опять отъ неожиданности привсталъ со стула.

— Не удивляйтесь, успокоилъ его Лобачевъ: вы-то меня не знаете, а я васъ знаю. Кромѣ того я васъ люблю.

Никодимъ попятился: онъ почувствовалъ, что лучше уйти, но вспомнилъ о запискѣ и необходимость остаться превозмогла первое чувство.

— Кромѣ того я передъ вами глубоко виноватъ, заговорилъ опять Лобачевъ: записка у меня (теперь: раньше она была у

другого лица); вы не волнуйтесь; вы скоро ее получите, а пока погодите; вамъ вѣдь извѣстно только то, что въ запискѣ стоитъ, а то что таится въ ея словахъ и за ними—для васъ остается закрытымъ. И я долженъ вамъ коечто пояснить.

Голосъ Лобачева въ началѣ рѣчи опять дрогнулъ и затѣмъ зазвучалъ вдругъ особенно глубоко и задушевно. Кромѣ того вмѣстѣ со словами изъ груди говорившаго что-то запѣло (этого Никодимъ не могъ не замѣтить)—сначала какъ флейта, а затѣмъ подобно мѣдной трубѣ.

— Что, что съ вами?—спросилъ Никодимъ удивленно.

Ѳеоктистъ Селиверстовичъ застыдился вдругъ, будто его поймали на чемъ то нехорошемъ и смущенно принялся мять концы носового платка.

— Не обращайте вниманія произнесъ Лобачевъ, наконецъ, черезъ силу: иногда у меня все мѣняется. Къ сожалѣнію, я не могу вамъ разсказать полностью, что хочу и что слѣдовало-бы! Мнѣ очень трудно, вы не повѣрите; вамъ покажется, что Лобачевъ—дерзкій и наглый человѣкъ, не привыкшій гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было стѣсняться — и вдругъ смущенъ, мнется, будто красная дѣвушка—что въ этомъ несообразность. Но я вотъ мучусь, я смущенъ, я виноватымъ себя чув-

ствую не только передъ вами, но и передъ всею вашей семьей.

Лобачевъ опять сѣлъ къ столу, охвативъ голову руками. Теперь уже Никодимъ сталъ ходить по комнатѣ. Онъ не могъ понять, что съ Лобачевымъ: къ Лобачеву все то, что онъ сейчасъ продѣлалъ и сказалъ—рѣшительно не шло.

Никодимъ очутился у двери, остановился и, опять взглянулъ на Лобачева. Лобачевъ сидѣлъ уже въ иной позѣ, слегка склонившись надъ письменнымъ столомъ; лѣвою рукой онъ подпиралъ подбородокъ, а правую вытянулъ по столу и время отъ времени постукивалъ по доскѣ стола ногтями пальцевъ попеременно: то указательнаго, то средняго; грудь его вздымалась высоко и прерывисто, лицо же выражало глубочайшее, нечеловѣческое страданіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ стало и неузнаваемымъ: тонкія ноздри горбатаго носа раздувались и вздрагивали; скулы, лобъ и подбородокъ въ окруженіи черныхъ, вьющихся волосъ запечатлѣвались огромною силой, крѣпостью и вмѣстѣ тѣлесной свѣжестью, казалось неспособной когда-либо увянуть; глазъ не было видно передъ Никодимомъ чертился только профиль Лобачева, но эти, и невидимые глаза, струили такой свѣтъ, что его нельзя было не замѣтить: подобнымъ огнемъ горятъ рѣдкост-

ные черные алмазы; складка ярко-алыхъ и тонкихъ губъ Ѳеоктиста Селиверстовича ложилась мужественнѣйшимъ очертаніемъ.

Никодимъ глядѣлъ-глядѣлъ и терялся все болѣе и болѣе; потомъ сѣлъ совсѣмъ смирно у двери, боясь пошевельнуться, чтобы не обезпокоить Лобачева. У него уже не было никакихъ вопросовъ къ Ѳеоктисту Селиверстовичу—только на мгновенье мелькнуло въ головѣ сравненіе Уокера съ Лобачевымъ, о которомъ Лобачевъ недавно упоминалъ и Никодимъ даже чуть не вскрикнулъ „да какъ Уокеръ смѣлъ говорить подобное“ но удержался и зажалъ себѣ ротъ рукой.

Лобачевъ медленно повернулъ голову въ сторону Никодима и такъ просидѣлъ довольно долго; если бы не этотъ изумительный свѣтъ, исходившій изъ его глазъ—можно было бы подумать, что онъ любуется впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Никодима. Просидѣвъ минутъ пять, Лобачевъ также медленно поднялся и, положивъ руки на спинку кресла, сталъ неподвижно.

Никодимъ тогда ничего не видѣлъ, кромѣ Лобачева; у него вертѣлось на языкѣ слово: „горящее, горящее“—онъ такъ хотѣлъ объяснить великолѣпіе Лобачева: оно дѣйствительно поглощало все вокругъ себя, всю обстановку, преображало ее подчиняло себѣ; уже не было неприглядной комнаты, мусора,

разбросаннаго на полу и на столахъ—все стало нужнымъ, неизбѣжнымъ и все только служило этому лицу—Лобачеву и вездѣ во всемъ былъ онъ—Лобачевъ.

— Что мнѣ дѣлать! простоналъ Никодимъ, хватаясь руками за голову.

Лобачевъ любезно протянулъ ему руку и пересадилъ Никодима со стула въ кресло.

— Не безпокойтесь, сказалъ онъ Никодиму: и простите меня. Я—плохой человѣкъ, но изъ всѣхъ силъ стараюсь стать лучше. Вотъ теперь... ахъ нѣтъ! не сочтите за гордость: я не рисовался передъ вами, но я не всегда умѣю придерживать ту маску, которую на себя надѣваю. Я распустилъ себя, я позволилъ себѣ быть добрымъ.

— Что вы, что вы! прошепталъ Никодимъ смущенно: я никогда не могъ и подумать, что въ васъ столько добра и красоты. Я еще не видѣлъ такихъ людей, какъ вы, Ѳеоктистъ Селиверстовичъ.

Тутъ уже смутился Лобачевъ. На глазахъ у него заблистали слезы—ему, очевидно, было понятно, какимъ онъ предсталъ передъ Никодимомъ и словно ему не хотѣлось, чтобы именно это Никодиму запомнилось.

— О госпожѣ NN долженъ вамъ сказать, началъ онъ, запинаясь: она васъ любитъ, она жива и здорова. И матушку вашу я хорошо знаю. И знаю, гдѣ она.

— Знаете? радостно вырвалось у Никодима.

— Да, знаю. Но погодите: я еще не могу вамъ сказать сейчасъ.

Никодимъ прiунылъ. „Почему?“ спросилъ онъ.

— Не спрашивайте. ради Бога; я самъ хотѣлъ бы сказать какъ можно скорѣе. Вотъ за госпожу NN я очень безпокоился. Но теперь спокоенъ: она вышла замужъ.

— Вышла замужъ?! съ горечью въ голосѣ воскликнулъ Никодимъ.

— Да, вышла. Хотя уже въ третiй разъ, но по настоящему. Я за нее спокоенъ. То есть долженъ пояснить: я за нее не такъ безпокоился, какъ обыкновенно за женщинъ боятся, а дѣло въ томъ, что она вѣдьма.

— Вѣдьма? я тоже сразу такъ опредѣлилъ ее. А на кого она вышла?

— Вы-же знаете. Еще подумаете, что я смѣюсь надъ вами. Что за комедiя!

— Нѣтъ я не знаю, отвѣтилъ Никодимъ.

Лобачевъ походилъ по комнатѣ, остановился передъ Никодимомъ и спросилъ:

— Ну теперь хотите быть моимъ другомъ?

Никодимъ ужасно заколебался и къ тому же вѣсть о выходѣ госпожи NN замужъ больно ранила его сердце, но ему уже ничего не оставалось, какъ отвѣтить согласiемъ и онъ тихо сказалъ:

— Хочу..

Лобачевъ улыбнулся и потеръ руки. Жестъ вышелъ у него неожиданно непріятнымъ и Никодимъ это подмѣтилъ.

ГЛАВА XXVI.

Переписка Праклія съ неизвѣстнымъ.

— У меня есть сынъ, сказалъ Лобачевъ, присаживаясь опять къ столу: его зовутъ тѣмъ же именемъ, что и васъ: Никодимъ. Вы мнѣ очень напоминаете его. Но я давно не видѣлъ своего сына и не знаю, когда увижу.

По лицу Лобачева прошло облачко грусти.

— А почему госпожа NN вѣдьма? вмѣсто отвѣта спросилъ его Никодимъ: развѣ вы замѣтили за ней что нибудь такое... колдовское?

Лобачевъ поглядѣлъ на Никодима, улыбнулся опять стариковской улыбкой, отчего глаза его снова стали добрыми и отъ глазъ снова побѣжали морщинки.

— Вотъ, сказалъ онъ: наивный человѣкъ, невѣдающій какимъ колдовскимъ знаніемъ владѣетъ любая женщина, а женщины подобныя госпожѣ NN въ особенности.

— Ахъ, вы это подразумѣвали!—протянулъ Никодимъ съ явнымъ разочарованіемъ: но почему же у нея былъ сѣрый цилиндръ?

— Какой сѣрый цилиндръ? съ затаеннымъ волненіемъ переспросилъ Лобачевъ.

— Мохнатый, сѣрый цилиндръ. Онъ стоялъ у нея на столикѣ въ передней.

— Ну, милый, вы перепутали. Квартира принадлежала не госпожѣ NN, а мнѣ и цилиндръ на столикѣ былъ мой. Госпожа NN находилась у меня временно, по просьбѣ одного господина.

— Ея жениха?

— Нѣтъ не жениха. Женихъ появился значительно позже.

Никодимъ вдругъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ пальто лежитъ номеръ „Огонька“, купленный вчера на вокзалѣ, съ извѣстнымъ объявленіемъ и покраснѣлъ: ему было неловко спросить Лобачева про это объявленіе— уже очень невѣроятнымъ казалось теперь, послѣ всего, что было за послѣдніе четверть часа, чтобы Лобачевъ могъ печатать подобныя объявленія или на самомъ дѣлѣ заниматься подобнымъ производствомъ. Лобачевъ замѣтилъ смущеніе Никодима.

— Что съ вами? спросилъ Ѳеоктистъ Селиверстовичъ заботливо.

Никодимъ вытащилъ журналъ. „Вотъ тутъ“ сказалъ онъ, запинаясь: „объявленіе—такъ я не знаю... какъ понимать... уже очень оно меня поразило тогда... въ трактирѣ“.

— Въ какомъ трактирѣ? Ахъ, это! взглянувъ мелькомъ, догадался Лобачевъ: я самъ уже видѣлъ. Странное совпаденіе. Я здѣсь непричемъ

— Непричемъ? переспросилъ Никодимъ (но отъ сердца у него отлегло и онъ облегченно вздохнулъ).

Однако, помолчавъ, онъ вдругъ вспомнилъ еще, что когда-то говорилъ ему на ухо Өедосѣй изъ Бобылевки, отвозя его домой со станціи. Сомнѣніе закралось въ душу Никодима. Онъ искоса взглянулъ на Лобачева.

— Послушайте, Өеоктистъ Селиверстовичъ, спросилъ онъ осторожно, а у васъ нѣтъ фабрики въ N—комъ уѣздѣ?

— Фабрики, вы говорите? Фабрики у меня нѣтъ, отвѣтилъ Лобачевъ, явно не подозрѣвая, зачѣмъ этотъ вопросъ былъ заданъ.

— Какъ нѣтъ фабрики? А чья же тамъ фабрика? удивленно воскликнулъ Никодимъ.

— Не знаю чья, опять спокойно отвѣтилъ Лобачевъ: я въ N—скомъ уѣздѣ никогда не былъ.

— Послушайте! убѣдительно возразилъ Никодимъ, какъ бы взывая къ совѣсти и памяти своего собесѣдника: мнѣ же говорили про ту фабрику, что она принадлежитъ Өеоктисту Селиверстовичу Лобачеву?

Лобачевъ покачалъ головой.

— У меня нѣтъ фабрики и не было, повторилъ онъ.

Никодимъ ущипнулъ себя—неужели это во снѣ?

— Такъ можетъ быть вы не тотъ госпо-

динъ Лобачевъ, котораго мнѣ нужно? спросилъ онъ въ удивленіи очень медленно и останавливаясь послѣ каждаго слова.

— Почему не тотъ? удивился уже Лобачевъ.

— Мнѣ нуженъ владѣлецъ фабрики въ нашемъ уѣздѣ.

— Да, въ такомъ случаѣ, я не тотъ. Впрочемъ меня смѣшивали уже нѣсколько разъ съ какимъ то Лобачевымъ. Вотъ хотя бы съ этимъ объявленіемъ: оно появляется не первый разъ и для меня очень неудобно: многимъ я извѣстенъ вѣдь совсѣмъ съ другой стороны. Но если вы поѣдете по указанному адресу на Пушкинскую—выйдетъ къ вамъ навстрѣчу въ пріемную неопредѣленный типъ и скажетъ, что это только фирма прежняго владѣльца: Ѳедотъ Савельевичъ Лобачевъ, а владѣльцемъ фирмы является нѣкій Вексельманъ изъ Бѣлостока.

— Вексельманъ? засмѣялся Никодимъ: недурная фамилія.

— Да, Вексельманъ. А зачѣмъ вамъ нуженъ другой Лобачевъ.

Никодимъ молчалъ, не зная, что отвѣтить: ему собственно оба Лобачевы особенно не были нужны и пожалуй больше все-таки стоявшій передъ нимъ, чтобы получить отъ него записку господина W и узнать черезъ него, гдѣ находится Евгенія Александровна.

— Нѣтъ—вы мнѣ нужны, подумавъ отвѣтилъ Никодимъ твердо. Въ немъ опять заговорило, сильное чувство симпатіи къ Лобачеву.

Лобачевъ открылъ ящикъ стола, порылся тамъ и досталъ сложенную вчетверо бумажку.

— Вотъ ваша записка! сказалъ онъ, протягивая бумажку Никодиму: возьмите.

Никодимъ взялъ, развернулъ, посмотрѣлъ: дѣйствительно это была записка господина Н.

— Я долженъ раскрыть вамъ еще и смыслъ записки, какъ обѣщалъ, произнесъ Лобачевъ, продолжая рыться въ столѣ: то есть пояснить чѣмъ было вызвано ея написаніе и къ чему она привела. И потому возьмите еще вотъ этотъ пакетъ.

Онъ подалъ Никодиму конвертъ съ нѣсколькими вложенными туда письмами.

— Присядьте къ столу, продолжалъ Лобачевъ, указывая на маленькій столикъ: прочитайте письма и возвратите мнѣ. Кто эти господа, что писали ихъ—я не могу вамъ сказать. Быть можетъ вы сами догадаетесь объ одномъ изъ нихъ. Видите ли письма Ираклія (такъ одинъ подписывался) я могу получить только въ копіяхъ, переписанными, а письма другого—неизвѣстнаго, попали ко мнѣ въ подлинникѣ.

Никодимъ вынулъ письма, посмотрѣлъ на пачку сверху: подлинники были написаны отъ руки,—копіи переписаны на пишущей машинѣ.

Вотъ что прочелъ Никодимъ:

Тверь, 28 февраля 191* года.

„Дорогой другъ. Вчера по твоему указанію, проѣзжая черезъ Вышній Волочекъ, я завернулъ къ Мейстерзингеру, но сперва не засталъ его дома и только вечеромъ могъ свидѣться съ нимъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что это Валентинъ его задержалъ на охотѣ, въ лѣсу. Онъ едва поспѣлъ къ 27-му числу въ городъ, хотя очень торопился, такъ какъ заранѣе зналъ, что я у него буду.

Я долженъ съ глубокимъ сожалѣніемъ сообщить тебѣ, что господинъ Мейстерзингеръ непреклоненъ: деньги его, кажется, не прельщаютъ, даже крупныя. При томъ образѣ жизни, который онъ ведетъ сейчасъ, будучи на полномъ иждивеніи Валентина, денегъ ему совершенно не нужно, а на лучшее будущее онъ мало надѣется и говоритъ, что глубоко обиженъ тобою, такъ какъ давно заслужилъ сумму, которую мы ему теперь предлагаемъ, другими, уже забытыми тобою дѣлами и услугами.

Если ты дѣйствительно передъ нимъ виноватъ—нельзя ли какъ-нибудь исправить столь неопредѣленное положеніе. Пиши мнѣ въ Тверь, до востребованія. Въ Волочкѣ я не хотѣлъ оставаться по извѣстнымъ тебѣ причинамъ.

Твой сынъ здоровъ, но я не могъ передать ему привѣтъ отъ тебя“.

Подъ письмомъ вмѣсто подписи былъ поставленъ знакъ. Вообраменіе могло бы въ этомъ знакѣ увидѣть букву „Д“, но одинаково и „R“ и „A“. Несомнѣнно, было только одно: какъ это письмо, такъ и записка, подписанная господиномъ W, исходили, если судить по почерку, отъ одного лица.

Отвѣтъ на первое письмо. Переписанъ на пишущей машинѣ.

С. Петербургъ, Марта 2-го дня 191* года.

„Думаю, что увеличеніе назначенной мною суммы нужно болѣе для тебя, чѣмъ для Мейстерзингера. За нимъ я никогда не замѣчалъ жадности. Но не желая предпринимать поѣздку лично—увеличиваю сумму на 30%. Расчитай самъ, сколько это будетъ. Только помни, что у меня проценты особенные.

Ираклій“.

Отвѣтъ на предыдущее (отъ руки).

В. Волочекъ, 8 марта 191* года.

„Ираклій, вы меня обижаете. Все-таки не понимаю, какъ вы осмѣливаетесь оскорблять меня: буду ли я—потомокъ славнѣйшихъ крестоносцевъ—заискивать передъ вами, хотя вы и очень сильный человѣкъ? 30%, какъ я разсчиталъ, слишкомъ мало и съ ними я къ Мейстерзингеру рѣшительно не пойду. Право не стоитъ даромъ терять время“.

Слѣдующее письмо, переписанное на машинѣ, безъ числа.

„Твое происхожденіе мнѣ давно извѣстно. Одно меня утѣшаетъ, что только тамъ, гдѣ-нибудь въ Твери или Рязани ты способенъ проявлять свой чванливый характеръ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ сразу становишься шелковымъ. Итакъ кончимъ вопросъ о процентахъ—для меня денегъ не существуетъ—ну 70%. Довольно? Напиши лучше скорѣе, какъ обстоятъ дѣла. Твой Ираклій.

Отвѣтъ.

9 марта 191* года, Тверь.

„Очень благодаренъ тебѣ мой другъ, за привѣтъ и ласку. При 70% прибавки дѣло наше выгоритъ безусловно. Разскажу по порядку, что было.

Получивъ твое письмо отъ 2-го марта, я опять посѣтилъ Мейстерзингера и еще разъ подивился тому, какъ онъ могъ при столь скромныхъ средствахъ, что ты всегда отпускалъ ему—такъ прекрасно и богато обставить свою квартиру. Она не велика, правда, но чего тамъ нѣтъ. Однако къ дѣлу.

Мейстерзингера я не засталъ. Прислуга мнѣ сказала, что онъ снова отправился на охоту и объяснила, какъ его можно найти. Я поѣхалъ слѣдомъ.

Въ лѣсу, надъ озеромъ, я примѣтилъ Мейстерзингера и Валентина, шествующихъ вмѣстѣ, но не хотѣлъ выдать своего присутствія Валентину, а вѣрный песъ на меня не

залаялъ. Я долго шелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, но не упуская ихъ съ глазъ.

Походивши часъ-полтора, Валентинъ сѣлъ на камень; Мейстерзингеръ усѣлся рядомъ; скоро Валентинъ задремалъ—тогда я подалъ Мейстерзингеру условный знакъ. Мейстерзингеръ подошелъ ко мнѣ почему то нехотя. „Ничего не выходитъ“, сказалъ, онъ, но я понялъ, что нужно ему обѣщать больше. Обѣщаніе сразу возымѣло свое дѣйствіе.

Онъ мнѣ сейчасъ же принялся разсказывать, что говорилъ съ Евгеніей Александровной уже не одинъ разъ, но что она колеблется. Я сталъ объяснять ему, какъ лучше было бы вести дѣло, но насъ прервали: Валентинъ проснулся и позвалъ Мейстерзингера. Я спрятался въ кусты, однако все же успѣвъ сказать Мейстерзингеру, гдѣ намъ лучше увидѣться. Жди моего слѣдующаго письма“.

Слѣдующее письмо—продолженіе предыдущаго.

10 марта 191* года, Волочекъ.

„Видѣлъ сегодня почти одновременно Евгенію Александровну и госпожу NN. NN сказала мнѣ, что вы хотя и великій человѣкъ, но старый грибъ. а меня нѣжно поцѣловала на прощанье. Она утверждаетъ, что не хочетъ тебя болѣе видѣть.

Но зато какова Евгенія Александровна!—сколько въ ней благородства и достоинства,

даже величія,—только она, именно она и могла любить столь самозабвенно. Я еще не видѣлъ подобныхъ женщинъ.

Мейстерзингеръ прибѣжалъ ко мнѣ, весело прыгая. „Готовьте деньги“, сказалъ онъ: „все принимаетъ благопріятный оборотъ, все намъ на руку: она получила письмо отъ мужа и очень раздосадована его грубостью и непонятливостью. Она первый разъ послѣ десяти лѣтъ обратилась къ нему за совѣтомъ, а онъ отвѣтилъ ей насмѣшками“.

Продолженіе предыдущаго.

Тверь, 29 марта 191* года.

„Дорогой мой, не сердись, что не писалъ тебѣ такъ долго. Евгенія Александровна пріѣзжала на три дня изъ города и Мейстерзингеръ взялся провести меня къ ней, но Ерофеичъ помѣшалъ намъ, сунувшись совсѣмъ не во время.

Однако я, поймалъ ее на вокзалѣ, когда она уѣзжала обратно въ городъ и говорилъ съ нею. Она просила передать тебѣ, что помнитъ и любитъ тебя, но на мой вопросъ, согласна ли повидаться съ тобой—отрицательно покачала головой.

Спрашивается, что же дѣлалъ Мейстерзингеръ? Онъ водитъ насъ за носъ.

Однако, мой милый, ты видишь, сколько я трудился. Неужели, если Евгенія Александровна не поѣдетъ—ты не войдешь въ мое

положеніе и не постараешься повліять на госпожу NN?"

Отвѣтъ:

С. Петербургъ, 31 марта 191* г.

„Конечно, не постараюсь. Если ты до конца не достараешься, то есть пока Евгенія Александровна не будетъ здѣсь, я всячески буду отстранять госпожу NN. Пойми, что во мнѣ говоритъ не только любовь, но это является вмѣстѣ и вопросомъ моего самолюбія. Мейстерзингеру передай отъ меня, что онъ куда какъ плоховатъ и если доведется мнѣ его когда-либо погладить, то ужъ поглажу его непремѣнно противъ шерсти. Ираклій".

Написано отъ руки.

26 мая 191* года.

„Ура! Евгенія Александровна будетъ: она мнѣ сама сказала сегодня, у качели. Мейстерзингеру заплатилъ. Ура".

Больше ничего не было. Никодимъ, прочитывая одно письмо за другимъ, блѣднѣлъ все больше и больше, потомъ всталъ, съ лицомъ ужасно измѣнившимся, подошелъ къ письменному столу, взялъ съ него электрическую лампу, съ зеленымъ абажуромъ, повертѣлъ ее въ рукахъ и ударилъ ею о край стола,—абажуръ разлетѣлся на мелкіе куски, лампа же искривилась.

Лобачевъ глядѣлъ прямо въ глаза Никодиму. Никодимъ протянулъ руку къ тяжелому прес-

папье—но тутъ Лобачевъ цѣпко ухватилъ Никодима за руки.

Въ комнату вбѣжалъ слуга, привлеченный шумомъ. Лобачевъ сдѣлалъ ему знакъ удалиться.

Никодимъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Бѣдный мальчикъ, сказалъ, наконецъ, Лобачевъ съ трудомъ: теперь видите какъ не просто было для меня объяснить, гдѣ ваша мать. Но неужели вы думали, что какая угодно женщина, хотя бы она была и вашей матерью, не промѣняетъ всего въ жизни на любимаго человѣка?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Никодимъ криво и жалко улыбаясь (на лбу у него выступилъ потъ): нѣтъ, я думалъ проще: я смѣлъ думать, что моя мать никого не любила, кромѣ моего отца.

И, шатаясь, вышелъ вонъ.

Глава XXVII.

Господинъ Мароушинъ въ дѣйствіи.

Читатель, вѣроятно, не забылъ, что Никодимъ, скрываясь ночью изъ дома Ирины, съ торжествомъ представлялъ себѣ озлобленіе и негодованіе господина Мароушина, когда тотъ, утромъ, обнаружилъ бы исчезнованіе Никодима.

Вышло совсѣмъ не такъ и Никодимъ

ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Въ то время, когда Никодимъ, выскочивъ изъ окна, направлялся къ дорогѣ, господина Мареушина въ домѣ Ирины уже не было.

Господинъ Мареушинъ вовсе не ложился тогда спать. Набѣгавшись по саду, веселый и возбужденный, вернулся онъ въ свою каморку подъ лѣстницей, пренебрежительно отведенную Ларіономъ. Тамъ онъ терпѣливо выждалъ, пока улеглись въ домѣ и около полуночи вышелъ въ залъ танцевать.

Встрѣча Ирины съ нимъ читателю уже извѣстна. Убѣжавъ изъ зала послѣ поцѣлуя, ошеломившаго Ирину, господинъ Мареушинъ спрятался опять въ каморку и, пріоткрывъ ея дверь, сталъ прислушиваться, чтобы опредѣлить, куда пойдетъ Ирина. Убѣдившись, что она прошла къ себѣ въ спальню, Ѳеодулъ Ивановичъ беззвучно выскочилъ изъ каморки, добѣжалъ опять до зала и, забравъ оттуда свои сапоги и рясу, снова вернулся къ себѣ.

Зажегши свѣчу и принявъ прежній монашескій видъ, господинъ Мареушинъ сталъ въ позу и принялся разсуждать, или, какъ онъ опредѣлялъ, обыкновенно, философствовать.

— Зачѣмъ нуженъ мнѣ этотъ глупый Никодимъ? спросилъ онъ: развѣ я обязанъ его сопровождать всюду и няньчиться съ нимъ, будто связанный. Я могу идти куда мнѣ захочется.

— Правда могу.

— Пойдемъ, милюсенькій мой, пойдемъ.

— Куда-же мы пойдемъ-то? Аль къ горничнымъ?

— Хотя бы и къ горничнымъ. Чѣмъ-же онѣ плохи?

— Я хочу арбуза.

— И груши.

— Да гдѣ же здѣсь отыскать грушу?

— Аграфену, такъ и быть отыщешь. Даже скорехонько, а грушу—нѣтъ!

— Какое интересное столкновеніе мыслей?

— Да! Интересное. Только этимъ и живу. Постоянно возбуждаюсь такими столкновеніями и побуждаюсь къ дѣятельности.

— Слабъ и немощенъ становлюсь отъ неумѣренной жизни.

— А вотъ Никодимъ тебя умѣритъ и починитъ, какъ разъ.

— Нашелъ мальчика. Никодиму я больше не товарищъ. Фюиты!

— Почему-же онъ тебѣ не нравится?

— Блаженненькій. Хи-хи.

Господинъ Мареушинъ повернулся на одной ножкѣ три раза кругомъ, обычной своей манерой, и снова сталъ въ позу.

— Не обязанъ я, сказалъ онъ, быть всегда съ Никодимомъ. Пойду, куда хочу. Прощайте, Никодимъ Михайлычъ, дорогой. Посмотримъ, какъ это еще вы сможете безъ насъ обойтись.

И, надвинувъ на голову клобукъ поплотнѣе, господинъ Марѳушинъ ловко выскользнулъ изъ дома.

Постоявъ въ саду, онъ прошелъ къ бесѣдкѣ, досталъ изъ кармана большой складной ножъ и вырѣзалъ на стѣнѣ бесѣдки наощупь нѣсколько словъ, весьма неприличныхъ; потомъ вздохнулъ, спряталъ разогрѣтый отъ работы ножъ въ карманъ и скрылся во мракѣ.

Нельзя было услѣдить, гдѣ и какъ онъ провелъ время до разсвѣта, но первые проблески утра застали его еще недалеко отъ имѣнія Ирины, на полусгнившемъ мостикѣ черезъ рѣчку съ крутыми берегами.

Обрисовавшись на мостикѣ, господинъ Марѳушинъ сказалъ въ пространство:

— Мейстерзингеръ, скоро ли вы будете?

Голосъ, какъ будто изъ подземелья, отвѣтилъ:

— Буду скоро.

— Не копайтесь, произнесъ Марѳушинъ наставительно.

Изъ подъ моста показалась рыжая растрепаная голова Мейстерзингера.

— Не могу разговаривать съ вами здѣсь, сказалъ Мейстерзингеръ: пріѣзжайте лучше ко мнѣ въ Волочекъ,—и снова спрятался подъ мостъ.

— Почему не можете? Отлично можете,

возразилъ послушникъ и перегнувшись черезъ перила, спрыгнулъ внизъ.

Онъ попалъ прямо въ воду, но это ему оказалось словно нипочемъ. Выбравшись на сушу и отряхнувшись, какъ собака, Марѳушинъ полѣзъ подъ настилъ моста и уткнулся руками въ живое существо.

— Это вы, Мейстерзингеръ? спросилъ онъ.

— Я. Что вамъ нужно? раздался голосъ изъ мрака.

—Зачѣмъ вы забрались сюда?

— Я жду сэра Арчибальда.

— Почему же подъ мостомъ?

— Утромъ по мосту поѣдутъ мужики съ горохомъ. Вотъ почему, и перестаньте задавать глупые вопросы не ко времени.

Марѳушинъ помолчалъ.

— Господинъ Мейстерзингеръ, какъ вы поживаете? спросилъ онъ черезъ минуту шопотомъ.

— Ничего, благодарю васъ. Работаю понемножку.

— Скажите, сколько вамъ платитъ Лобачевъ.

— Какое несносное любопытство! Зачѣмъ вамъ знать? Я работаю на процентахъ. Только проценты у Лобачева особенные.

— Представьте себѣ, какое совпаденіе: я тоже на процентахъ. Но вы плохо освѣдомлены въ дѣлѣ: у господина Лобачева проценты обыкновенные. Это у Ираклія—особенные,

— Господинъ Мароушинъ, гдѣ вы были? спросилъ уже Мейстерзингеръ.

— Ахъ, я-то? Я работалъ. Въ монастырѣ былъ.

— Здѣсь ли вы, Мейстерзингеръ? прервалъ ихъ сверху голосъ Уокера.

— Здѣсь, отвѣтилъ за Мейстерзингера Мароушинъ: сэръ Арчибальдъ, полѣзайте скорѣе подъ мостъ, пока васъ не замѣтили.

Длинныя ноги Уокера мелькнули въ полумракѣ и онъ также очутился подъ мостомъ.

— Тсс!—сказалъ онъ, тише: тамъ ѣдетъ кто-то.

Всѣ трое примолкли.

Нѣсколько тяжело нагруженныхъ возовъ проѣхали черезъ мостъ. Когда звукъ колесъ отдалился, Уокеръ спросилъ:

— Господинъ Мароушинъ, откуда вы?

— Ахъ не говорите! съ досадой отвѣтилъ послушникъ: меня просто загоняли на работѣ. Я скоро протяну ноги.

Они опять помолчали.

— Господинъ Мароушинъ. вы намъ немного мѣшаете, вѣжливо сказалъ Уокеръ.

— Я уйду сію минуту, сэръ, еще вѣжливѣе отвѣтилъ послушникъ: но раньше я долженъ сообщить вамъ свои наблюденія: по моему въ нашемъ сообществѣ стали образовываться прорѣхи. Я не сомнѣваюсь въ васъ,

сэръ, и въ васъ, мой милѣйшій ирландецъ но что вы скажете о госпожѣ NN? Китаецъже, положительно, гнетъ, что называется свою линію.

— Вы ошибаетесь, сказалъ Мейстерзингеръ: госпожа NN настолько сознательно дѣйствуетъ, настолько необходима въ дѣлѣ, что мы безъ нея были бы, какъ безъ рукъ. Уже почти обезпечено, что Никодимъ благодаря ея стараніямъ станетъ для насъ своимъ. О, повѣрьте, Лобачевъ сумѣетъ обласкать его.

— Я не сомнѣвался никогда въ способностяхъ Лобачева и очень уважаю Ираклія, но... все-таки опасаюсь женской слабости госпожи NN съ одной стороны и глупаго благородства Никодима съ другой, и считаю нужнымъ поговорить съ нею, произнесъ Мареушинъ разсудительно.

Ему никто не отвѣтилъ.

— Мейстерзингеръ, вы ирландецъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да, отвѣтилъ Мейстерзингеръ: хотя мои предки и получили эту нѣмецкую фамилію, но я чистокровный ирландецъ.

— Хорошо быть чистокровнымъ, со вздохомъ и сентенціозно одобрилъ послушникъ: мое дѣло другое. Ни рыба, ни мясо. Потому и понукаютъ мною, какъ хотятъ.

— Господинъ Мареушинъ, вы хотѣли идти, напомнилъ ему Уокеръ.

— Да, пойду. Нужно повидать госпожу NN. Вѣдь она у васъ? спросилъ послушникъ Мейстерзингера.

— Она у меня, отвѣтилъ ирландецъ: господинъ Марѳушинъ, отправляйтесь скорѣе: время уходитъ— оно намъ дорого.

Послушникъ пожалъ своимъ собесѣдникамъ руки и выбрался изъ подъ моста.

Становилось уже совсѣмъ свѣтло. Тянуло дымкомъ; изъ ближняго овина раздавались постукиванія цѣповъ. Послушникъ быстро зашагалъ прочь.

Господинъ Марѳушинъ въ тотъ же день появился въ Вышнемъ Волочкѣ на квартирѣ Мейстерзингера.

Госпожа NN встрѣтила послушника сидя въ глубокомъ и удобномъ креслѣ; на ней былъ еще утренній туалетъ изъ легчайшаго шелку большими цвѣтами. Легкія туфельки. расшитыя золотомъ, спадывали съ ея маленькихъ ножекъ, а волосы еще не были до конца убраны и локонами окружали высокій лобъ и щеки, и разсыпались по плечамъ; плечи госпожа NN зябко кутала въ темнокрасный платокъ.

При видѣ госпожи NN, послушникъ весьма оживился и пришелъ въ такое возбужденіе, что во время разговора съ нею не могъ уже стоять спокойно: онъ то и дѣло подпрыгивалъ на мѣстѣ—туловище его будто пружинилось

и, подаваясь впередъ, вздрагивало; клобучекъ самъ собою слетѣлъ съ его головы и розово синеватая лысина, покрытая совсѣмъ тонкой кожицей, то и дѣло мелькала передъ глазами госпожи NN: Мареушинъ изгибался.

— Блистательная госпожа, началъ послушникъ высокопарно: во-первыхъ, позвольте вамъ сообщить, что я совершенно пьянъ отъ распространяемыхъ вами духовъ и потому многое мнѣ будетъ простительно; во-вторыхъ, хотя я весьма невзраченъ, но очень желаю вамъ понравиться.

— Что вы говорите, Мареушинъ, остановила его госпожа NN: если вамъ я нужна— говорите какъ слѣдуетъ, а не кривляйтесь.

— Я не буду кривляться, пообѣщалъ послушникъ и продолжалъ: въ-третьихъ, я за васъ опасаюсь, madame,—любовь къ Никодиму сводитъ васъ съ ума. Вы взяли на себя непосильное и сдѣлали невѣрный шагъ, такъ приблизивъ Никодима къ себѣ. Короче говоря— я боюсь измѣны съ вашей стороны.

Госпожа NN весело и звонко разсмѣялась.

— Милый и глупый Ѳедулъ Ивановичъ, сказалъ она сквозь смѣхъ: ваши подозрѣнія неосновательны, но чего же вы хотите?

— Я хочу быть посредникомъ между вами. То-есть хочу, чтобы между Никодимомъ и госпожею NN ничего не было общаго безъ

моего въ томъ участія, отвѣтилъ Мареушинъ очень вѣско и серьезно.

— Я понимаю вашу мысль, сказала госпожа NN, глядя черезъ плечо Мареушина въ окно: но все-же я хочу сохранить за собою свободу дѣйствій. Я не маленькая.

— Вы маленькая. Это вамъ только кажется, что вы большая, съ раздраженіемъ отвѣтилъ Мареушинъ: вся суть человѣка въ его сердцевинѣ, а въ вашей сердцевинѣ я со своею едва умѣщаюсь. Я же очень маленькій человѣкъ.

— Когда вы мѣрили мою сердцевину! возразила госпожа NN.

— Вотъ и не знаете когда, а я мѣрилъ не разъ.

— Можетъ быть. Я вѣдь такая... никогда ничего не помню изъ того, что было. Но все-же несмотря на это я хочу сохранить за собою свободу дѣйствій.

— Даже тогда, когда Ираклій распорядится подчинить васъ моему наблюденію?

— Даже тогда.

— Ну, значитъ я не ошибался. Мнѣ здѣсь болѣе нечего дѣлать: мои подозрѣнія мало-помалу начинаютъ оправдываться. Адью-съ.

И Мареушинъ повернулся, чтобы уходить. Дойдя до двери, онъ вполоборота, черезъ плечо, посмотрѣлъ на госпожу NN и спросилъ:

— Можетъ быть, здѣсь, въ Волочкѣ, вы говорите такъ, а въ Петербургѣ будете говорить иначе?

— Нисколько не иначе—также, убѣжденно подтвердила госпожа NN.

— Поставимъ точку надъ i! воскликнулъ послушникъ: самъ Ираклій прислалъ меня сюда съ приказаніемъ передать вамъ все, что я говорилъ, но въ повелительной формѣ.

— Самъ Ираклій! повторила она испуганно.

Послушникъ стоялъ и ждалъ, что будетъ дальше.

— Конечно, сказала она, волнуясь и кусая губы: если самъ Ираклій—то мнѣ ничего не остается, какъ подчиниться вамъ.

Ну вотъ! обрадовался господинъ Мароушинъ: давно бы такъ.

И повернувшись на одной ножкѣ, сталъ лицомъ къ госпожѣ NN и сказалъ:

— Madame, я васъ люблю! Руки его протянулись къ ней.

— Оставьте, господинъ Мароушинъ! брезгливо отстраняясь, отвѣтила она и вышла въ другую комнату.

— Не понимаю женщинъ! Знаю ихъ, сколько угодно, а не понимаю! Вотъ подишь-ты! воскликнулъ послушникъ, покидая квартиру Мейстерзингера нѣсколько минутъ спустя.

Глава XXVIII.

Поступокъ Арчибальда Уокера.

Никодимъ плохо помнилъ, какъ онъ, выйдя ъ Лобачева, дошелъ до вокзала, какъ поилъ билетъ и поѣхалъ. Пришелъ въ себя ь только на половинѣ пути и вдругъ поıствовалъ, что у него въ сердцѣ и въ головѣ льно переплетаются двѣ мысли: о матери о выходѣ госпожи NN замужъ,—обѣ одиково мучительныя и не дающія возможсти въ себѣ разобраться.

По пріѣздѣ въ имѣніе, Никодимъ прошелъ себѣ наверхъ, заперся и просидѣлъ тамъ ıки съ утра до утра, не заснувъ ни на минуту. Подъ руку ему попалась большая штопалья игла; онъ вяло и тупо искололь ею сколько листовъ бумаги, нѣсколько картонıхъ коробокъ, стоявшихъ на столѣ, а потомъ ряталъ ее въ жилетный карманъ.

Утромъ Никодимъ вышелъ осунувшійся, блѣднѣвшій; подъ глазами у него легли жныя пятна; по временамъ онъ вдругъ драгивалъ, можетъ быть отъ усталости.

Ерофеичъ предложилъ кофе, но Никодимъ казался. „Послѣ. Успѣется" сказалъ онъ.

— Валентинъ Михайлычъ здѣсь, сообщилъ у вслѣдъ Ерофеичъ, выходя за нимъ на рыльцо.

— Гдѣ же онъ? спросилъ Никодимъ, не оборачиваясь и сумрачно глядя на землю.

— Они въ лѣсъ пошли, да не одни, а съ двумя господами.

— Съ какими господами?

— Однихъ то я знаю, а другихъ не могу знать.

— Ну хорошо. Я скоро вернусь.

И Никодимъ зашагалъ къ лѣсу. Видъ его былъ печаленъ и не блестящъ: онъ уже недѣлю не мѣнялъ бѣлья, оставался, почти не раздѣваясь, все въ томъ же платьѣ, въ которомъ поѣхалъ шесть дней назадъ въ монастырь; столько же дней не брился.

Въ головѣ у него мелькали отрывки изъ писемъ Ираклія и неизвѣстнаго. Ему по временамъ, вдругъ, казалось, что онъ знаетъ кто авторъ записки, найденной имъ въ дневникѣ матери и слѣдовательно тотъ самый неизвѣстный, анонимъ котораго Лобачевъ не нашелъ возможнымъ раскрыть. А кто Ираклій — даже въ малѣйшей степени не поддавалось опредѣленію.

Никодимъ шелъ лѣсомъ по дорожкѣ; осень сбрасывала листву съ деревьевъ. Дулъ весьма слабый вѣтеръ—но листья: бурые, красные оранжевые, желтые, палевые и блѣдно-зеленые срывались съ вѣтвей, пролетали, кружась въ воздухѣ, среди черныхъ сучьевъ и беззвучно падали на траву и на песчаную до

кку. Рдѣющія гроздья рябины и калины
охваченные первымъ морозомъ, свѣ-
вались справа и слѣва въ изобиліи, еще
нѣе украшая холодѣющій лѣсъ; по време-
нъ острый запахъ позднихъ грибовъ чувство-
ся въ воздухѣ.

— Спросить развѣ Ерофеича объ Иракліи— знаетъ ли онъ? подумалъ было Никодимъ, тутъ же услышалъ поблизости отъ себя, деревьями, громкій говоръ въ нѣсколько осовъ, и веселый смѣхъ. Среди другихъ осовъ, онъ узналъ голосъ Валентина.

Никодимъ пошелъ на нихъ прямо лѣ-
нъ, продираясь черезъ молодой ельникъ и учіе кусты черной смородины. Миновавъ бокую канаву, онъ сквозь сѣть полуого-
ныхъ сучьевъ, увидѣлъ на прогалинѣ три ювѣческихъ фигуры: Валентина, Уокера и тьяго человѣка, ему неизвѣстнаго.

Валентинъ сидѣлъ на скамьѣ, держа между ъ ружье. Онъ былъ возбужденъ и веселъ идимо разговоръ велся, главнымъ образомъ, ь. Уокеръ и неизвѣстный ограничивались нѣе краткими восклицаніями. Они стояли едъ Валентиномъ. Всѣ трое были одѣты охотничьи костюмы.

Никодимъ подошелъ. Они обернулись. кодимъ молча подалъ Валентину руку, лча поклонился Уокеру (ему онъ руки по-
ать не хотѣлъ), а по отношенію къ третьему

ограничился тѣмъ, что поглядѣлъ не него
Валентинъ понялъ, что третій незнакомъ с
Никодимомъ и представилъ его: „господин
Пѣвцовъ“.

Черепъ господина Пѣвцова былъ укра
шенъ копной волосъ ярко-огненнаго цвѣта
росшихъ густо и могуче; борода и усы у него
были тоже рыжіе и даже брови и рѣсниц
такія же. Но это былъ не тотъ обыкновенны
рыжій волосъ, который чѣмъ ярче, тѣмъ
жестче и грубѣе—напротивъ онъ былъ мягокъ
нѣженъ, волнистъ. Самъ Пѣвцовъ былъ пре
исполненъ изящества, но изящество это был
совершенно животнымъ, не походя нисколь
на человѣческое. Никодиму онъ рѣшитель
не понравился.

Противъ обыкновенія съ Валентиномъ не
было его собаки.

— А гдѣ же Трубадуръ? спросилъ Нико
димъ замѣтивъ это.

— Ахъ, да, гдѣ-же? удивился самъ Вален
тинъ, но, припомнивъ что-то, пояснилъ: его не
могли отыскать сегодня.

— Валентинъ, скажи мнѣ, кто такой госпо
динъ Мейстерзингеръ? спросилъ Никодимъ.

Валентинъ поглядѣлъ съ удивленіемъ: „Я не
знаю господина Мейстерзингера“ отвѣтилъ онъ.

— А я знаю, заявилъ Никодимъ: и госпо
динъ Уокеръ тоже знаетъ его. Господин
Уокеръ, объясните намъ, пожалуйста?

— Извините, вы ошибаетесь. Я не знаю подина Мейстерзингера, сказалъ Уокеръ; голосѣ его было замѣтно дрожаніе.

— Мейстерзингеръ — онъ же господинъ вцовъ, пояснилъ Никодимъ.

Господинъ Пѣвцовъ разсмѣялся.

— Если сдѣлать очень вольный пере-ъ—пожалуй будетъ и такъ, подтвердилъ онъ.

— Да, конечно, если сдѣлать вольный еводъ, согласился Никодимъ и добавилъ: не болѣе чѣмъ шутка. Я люблю пошутить.

— Ты боленъ Никодимъ? спросилъ его лентинъ, замѣтивъ у него пятна подъ зами.

— Я здоровъ. Ничего! отвѣтилъ Никодимъ.

— Намъ пора идти. Идемъ, господа,—вмѣлся Уокеръ.

— Сэръ Арчибальдъ, мнѣ нужно съ вами реговорить, заявилъ Никодимъ, очень под-ркнувъ слово „нужно“.

— Пожалуйста, я къ вашимъ услугамъ, дменно отвѣтилъ Уокеръ, слегка поднимая ою голову и, обратившись къ своимъ спут-камъ, сказалъ имъ:

— Я догоню васъ черезъ пять минутъ.

— У меня разговора не на пять минутъ, вѣтилъ Никодимъ.

— Ну хорошо, черезъ десять, поправился жеръ.

Валентинъ и Пѣвцевъ пошли въ одну

сторону,—Никодимъ и Уокеръ въ другу
Когда они скрылись другъ у друга изъ виду
Никодимъ спросилъ Уокера:

— Отчего такъ много лживыхъ людей
встрѣчаю за послѣднее время?

Уокеръ поглядѣлъ на Никодима свер
внизъ: онъ не понялъ, что Никодиму нужн

— Господинъ Уокеръ, продолжалъ Ник
димъ: справедлива-ли моя догадка, что П
цовъ и Мейстерзингеръ одно и то же лиц

Уокеръ молчалъ.

— Господинъ Уокеръ, сказалъ Никоди
уже гораздо тверже: умѣете ли вы писать
русски?

— Что за вопросъ? Конечно, умѣю.

— Нѣтъ, господинъ Уокеръ, вы не умѣ
писать по русски.

— Дерзости вашей не понимаю, или
не въ своемъ умѣ? Можетъ быть, вы жела
чтобы я вамъ доказалъ свое умѣніе?

— Да, хочу.

— Но я то не вижу въ этомъ смысла.

— Господинъ Уокеръ, началъ Никоди
совсѣмъ другимъ голосомъ—мягкимъ и в
нующимся: неужели вы откажете мнѣ
этомъ даже тогда, когда отъ нѣскольк
словъ, написанныхъ вами по русски, буд
зависѣть почти все въ моей жизни.

— Странно, сказалъ Уокеръ: этого не
жетъ быть, я думаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, можетъ! воскликнулъ Никодимъ.

— Если вы такъ увѣряете...—лѣниво произнесъ Уокеръ. Что же, вамъ сейчасъ это необходимо? спросилъ онъ.

— Да, сейчасъ.

— Но вѣдь тутъ нѣтъ бумаги и чернилъ?

— Намъ не нужна бумага, спѣша сказалъ Никодимъ: мы отдеремъ кусокъ бересты и вы напишете на ней карандашемъ. Или у меня есть записная книжка.

— Нѣтъ, нѣтъ! произнесъ Уокеръ вдругъ очень рѣшительно: я не стану писать. Поэтому и не трудитесь измышлять, какъ и на чемъ.

— Почему? спросилъ Никодимъ, опять останавливаясь и мѣряя Уокера взглядомъ.

— Видите-ли, отвѣтилъ Уокеръ тихо и раздумчиво, но не глядя на Никодима: мнѣ кажется, что въ вашей просьбѣ кроется тайный умыселъ. Я не люблю этого. Если вамъ что нужно—говорите прямо. Я усталъ отъ всякихъ ухищреній въ жизни.

— Правда, я могу получить отъ васъ что мнѣ нужно и другимъ путемъ, рѣшилъ Никодимъ: видите-ли, Θеоктистъ Селиверстовичъ Лобачевъ показалъ мнѣ нѣсколько писемъ: одни изъ нихъ были подписаны именемъ „Ираклій", а подъ другими стоялъ только знакъ—такъ вотъ вторые-то, со знакомъ, не вами ли были написаны?

Уокеръ поблѣднѣлъ. „Самъ Лобачевъ показалъ вамъ письма?“ сказалъ онъ упавшимъ голосомъ, даже какъ будто не спрашивая Никодима, а лишь сознавая съ ужасомъ, что Лобачевъ рѣшилъ отъ него отдѣлаться и выдалъ его съ головой. Но онъ въ ту же минуту оправился.

— Вы, пожалуй, скажете еще, что Ираклій это ни кто иной, какъ самъ Ѳеоктистъ Селиверстовичъ? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Нѣтъ, не скажу, отвѣтилъ Никодимъ, но я еще долженъ спросить васъ: не вы ли писали и записку къ моей матери, ту самую, что я показывалъ вамъ на квартирѣ у Лобачева?

— Прекратимъ этотъ пустой разговоръ, попросилъ Уокеръ: вы кажется серьезно больны и въ головѣ у васъ полная путаница.

— Значитъ, вы мнѣ не дадите отвѣта? Тогда я добьюсь его отъ господина Мейстерзингера.

— Пожалуйста. Я не знаю господина Мейстерзингера и повертываю обратно.

Они повернули оба. Но прошло уже гораздо больше десяти минутъ съ того времени, какъ они разстались съ Валентиномъ и Пѣвцовымъ.

— Никогда я не встрѣчалъ человѣка, котораго мнѣ пришлось бы ненавидѣть такъ, какъ я ненавижу васъ, сказалъ Уокеръ Нико-

диму голосомъ, въ которомъ звучали вмѣстѣ отчаяніе, ненависть и сожалѣніе.

— За что? удивился Никодимъ: вы мнѣ сдѣлали много дурного, но что я сдѣлалъ вамъ?

— Вы—счастливѣйшій изъ людей и ужъ тѣмъ передо мной виноваты. Другіе теряютъ полжизни на то, чтобы получить хотя бы только возможность прикоснуться къ предмету своихъ вождѣленій. А вы?—приходите и берете себѣ все, безъ остатка. А потомъ еще оправдываетесь! Вы догадываетесь, конечно, о комъ я говорю?

— Я?... нѣтъ... я не могу догадаться...

— О госпожѣ NN—вотъ о комъ.

— Постойте, постойте, вы что-то путаете, загорячился Никодимъ (но втайнѣ ему было непріятно услыхать имя госпожи NN изъ устъ Уокера): госпожа NN, какъ мнѣ сказалъ Ѳеоктистъ Селиверстовичъ, вышла замужъ. Если вы хотите сводить счеты со своими соперниками—обратитесь прежде всего къ ея мужу. Если же вы желаете со мною драться—я къ вашимъ услугамъ всегда, а если не желаете,— то знайте, что я желаю.

Уокеръ произнесъ сквозь зубы:

— Или я рехнулся, или вы? Я перестаю понимать рѣшительно все.

И, оглядѣвшись кругомъ, вытащилъ изъ кармана рейтузъ револьверъ.

— Встаньте туда, къ дереву, указалъ онъ Никодиму властно, обращая револьверъ дуломъ къ нему.

— Ахъ вы такъ! Помните, какъ мы столкнулись съ вами у камня, что изъ этого вышло? засмѣялся Никодимъ, но очень спокойно, и, прежде чѣмъ Уокеръ успѣлъ нажать спускъ, ударилъ его по рукѣ. Выстрѣлъ раздался, но пуля полетѣла къ лѣсу и, сорвавъ по дорогѣ нѣсколько сухихъ листьевъ, плавно упавшихъ на землю, ударила въ дерево.

Схвативъ Уокера руками за горло, Никодимъ однимъ рывкомъ повалилъ его на землю и отнялъ у него револьверъ.

Отступивъ на шагъ—другой съ торжествующимъ видомъ, но вмѣстѣ дрожа отъ волненія всѣмъ тѣломъ, Никодимъ сказалъ поднимавшемуся Уокеру:

— Теперь я могъ бы васъ попросить... Вотъ вашъ револьверъ.

Подалъ револьверъ Уокеру и пошелъ прочь.

Уокеръ повертѣлъ револьверъ, обтеръ его полою куртки, постоялъ какъ бы въ раздумьи, потомъ медленно поднесъ револьверъ ко рту. На лицѣ его мгновенно отразились и большая тоска и утомленіе, и презрѣніе къ себѣ, сознаніе безвыходности и невозможности возстановить свою честь, и обида

и пристыженность за дикую выходку противъ Никодима. Уокеръ спустилъ курокъ.

На выстрѣлъ Никодимъ обернулся, подошелъ, постоялъ надъ трупомъ, вынулъ изъ кармана жилета штопальную иглу и, Богъ знаетъ зачѣмъ, попробовалъ воткнуть ее въ грудь Уокеру, но игла встрѣтила что-то твердое и остановилась. Тогда Никодимъ воткнулъ ее въ торчавшій рядомъ гнилой пень—всю, безъ остатка, и очень быстрыми шагами скрылся въ лѣсу.

ГЛАВА XXIX.

Тѣнь за рубежомъ.

Валентинъ и Пѣвцовъ прибѣжали на выстрѣлъ къ трупу Уокера, когда Никодимъ былъ уже въ лѣсу, далеко отъ мѣста происшествія. Вся обстановка и положеніе сэра Арчибальда показывали, что онъ самъ покончилъ съ собою, но тѣмъ не менѣе Валентинъ и Пѣвцовъ въ два слова сговорились не упоминать о томъ, что Уокеръ ушелъ отъ нихъ вмѣстѣ съ Никодимомъ.

Никодимъ проблуждалъ по лѣсу нѣсколько часовъ, какъ оглушенный, не разбирая дороги и вновь очутился на той же полянѣ, гдѣ онъ оставилъ трупъ Уокера. Тѣло сэра Арчибальда было уже покрыто рогожей; неподалеку отъ него сидѣлъ на корточкахъ понятой, изъ со-

сѣдней деревни и разводилъ костеръ, чтобы согрѣть чаю—прилаживалъ козлы и подкладывалъ сухіе прутья. Въ ту минуту, когда Никодимъ показался на полянѣ, изъ лѣсу вышелъ и другой понятой: онъ, набравъ гдѣ-то въ закоптѣлый чайникъ воды; несъ ее; вода расплескивалась ему на штаны и на сапоги.

— Гараська, поторопись, сказалъ первый понятой.

— Еле набралъ—черпàлъ, черпàлъ, отвѣтилъ второй.

— Это что-же братцы?—спросилъ ихъ Никодимъ, подходя. Онъ хотѣлъ спросить, зачѣмъ они здѣсь и что станутъ дѣлать съ тѣломъ Уокера, но у него вышло такъ, будто онъ не зналъ, что съ Уокеромъ случилось.

— А лобачевскому управляющему жить надоѣло, или попался въ чемъ—приперло! Бываетъ, отвѣтилъ первый понятой, веселый и разбитной малый лѣтъ двадцати пяти.

— Бываетъ, повторилъ сокрушенно второй понятой. Присядьте съ нами, баринъ, а то жутко что-то, попросилъ онъ Никодима. Этотъ понятой былъ мужикъ уже въ почтенныхъ лѣтахъ и должно быть богобоязненный.

Никодимъ присѣлъ на обрубокъ дерева, валявшійся тутъ же.

— И что это люди, сказалъ опять второй понятой: не пойму ихъ никакъ. Живутъ, живутъ—и готово!

— Вотъ видишь-ли, замѣтилъ Никодимъ ровнымъ голосомъ: а я еще за минуту до смерти съ нимъ говорилъ. Гордился человѣкъ.

— Нечистый всегда гордаго подтолкнетъ пояснилъ первый понятой. Навѣсь чайни чекъ-то, напомнилъ онъ второму.

Ѣдкій синій дымокъ отъ костра щипалъ Никодиму глаза; Никодимъ, захвативъ нѣсколько сухихъ сучьевъ съ поблекшими, но еще плотно державшимися листьями, отрывалъ листъ за листомъ и бросалъ ихъ въ огонь; на огнѣ листья быстро свертывались, краснѣя, превращались въ пепелъ и пепломъ уносились въ воздухъ; покружившись въ воздухѣ, пепелъ ложился тутъ же, рядомъ съ костромъ.

Уже понятые напились чаю, а Никодимъ сидѣлъ все неподвижно и молчалъ.

— Баринъ, а баринъ, — сказалъ первый понятой: а правда-ли, что душа человѣчья еще будетъ къ тѣлу приходить?

— Будетъ, отвѣтилъ Никодимъ, убѣжденно, но не думая о томъ, что говоритъ.

— Ну вотъ видишь: я тебѣ говорилъ, что будетъ, радостно подтвердилъ второй.

— Прощайте, братцы—сказалъ Никодимъ, вставая: пойду.

Онъ снова пошелъ въ лѣсъ, опять не разбирая дороги; побродилъ тамъ и черезъ полчаса вышелъ на ту же поляну.

Понятые какъ будто встревожились.

— Что это баринъ,—спросили оба они въ одинъ голосъ: васъ все сюда манитъ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Никодимъ равнодушно и присѣлъ на тотъ же обрубокъ.

Посидѣвъ онъ всталъ, повторилъ свое „прощайте" и пошелъ по дорожкѣ ведущей къ дому

Валентинъ приблизительно черезъ полчаса послѣ этого, очень растревоженный самоубійствомъ Уокера и не находя ему объясненій, прошелъ наверхъ къ Никодиму, думая, что братъ сидитъ у себя. Онъ не нашелъ тамъ Никодима и вышелъ черезъ дверь кабинета на крышу дома.

Съ крыши дома Валентинъ прежде всего увидѣлъ тотъ распаханный бугоръ, по которому когда-то бѣгалъ Трубадуръ, а на бугрѣ, какъ разъ на полосѣ посерединѣ его,—Никодима. Кромѣ того, въ концѣ полосы, у камня, прислонившись къ нему, сидѣлъ еще человѣкъ и видимо спалъ.

Никодимъ шелъ полосою по бугру вверхъ, но шелъ необыкновенно. То онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, высоко поднимая ноги, будто опоенный дурманомъ, то отступалъ назадъ, все время озираясь и балансируя руками, точно онъ двигался не по землѣ, а по канату.

— Никодимъ сошелъ съ ума!—рѣшилъ Валентинъ.

Но Валентинъ ошибся: съ Никодимомъ произошло совершенно иное: онъ случайно очутился у бугра и случайно пошелъ по нему вверхъ.

Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ ему бросилась въ глаза собственная тѣнь. Тѣнь была необыкновенно черная и густая, но легла она, вопреки порядку, не отъ свѣта, а противъ свѣта, вслѣдъ уходящему солнцу.

Никодимъ тогда не повѣрилъ своимъ глазамъ и отступилъ на нѣсколько шаговъ, наблюдая за тѣнью. Тѣнь отступила вмѣстѣ съ нимъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ—она подалась тоже.

Никодимъ сошелъ съ борозды влѣво — тѣнь отдѣлилась отъ него, цѣпляясь за рубежъ, но не переходя его; онъ пошелъ впередъ тѣнь вмѣстѣ съ нимъ, по бороздѣ.

„Полно! моя-ли это тѣнь?—подумалъ онъ: можетъ быть, это душа Арчибальда? Но гдѣ-же тогда моя тѣнь?“

Никодимъ посмотрѣлъ вокругъ: другой тѣни отъ него не ложилось, черная—легшая вправо—была единственной.

Тутъ очень смѣло и очень радостно размахивая руками, Никодимъ пошелъ вверхъ по бугру. Идти было необыкновенно легко, грудь глубоко вдыхала свѣжій воздухъ, а сердце билось сильно и неизъяснимо сладко.

Особенное чувство наполняло сердце—со

всѣмъ тѣлесное. Ему казалось, что сердце—этотъ маленькій кусокъ мяса, напоенный кровью, ширится, ширится безконечно, захватываетъ своими краями вотъ тѣ деревья, растетъ еще дальше и вдругъ,—однимъ своимъ краемъ,—подступаетъ къ горлу.

Слезы хлынули изъ глазъ Никодима и Никодимъ, тихо склонившись, легъ на землю, лицомъ прямо въ борозду.

Онъ плакалъ долго; вся мука послѣднихъ дней выходила слезами, выкипала.

Когда же онъ наплакался вволю — чья-то рука коснулась его плеча.

Никодимъ поднялъ голову: рядомъ съ нимъ сидѣлъ Марѳушинъ, вытянувъ ноги вдоль Никодимова туловища и гладилъ Никодима по плечу.

— Измучились, Никодимъ Михайловичъ?—спросилъ его Марѳушинъ участливо.

— Нѣтъ! теперь мнѣ ужъ хорошо, а какъ трудно было, если бы вы знали.

Марѳушинъ продолжалъ его гладить.

— Господинъ Марѳушинъ, скажите, спросилъ Никодимъ, чья это тѣнь шла со мною рядомъ?

— А гдѣ она?

— Да теперь ужъ нѣтъ ея. Исчезла.

— Арчибальда тѣнь, навѣрное, пояснилъ Марѳушинъ: впрочемъ на этомъ мѣстѣ всегда тѣни ходятъ. Здѣсь вѣдь рубежъ земли: по

одну сторону мертвые ходятъ, по другую— живые.

На лицѣ Никодима изобразилось, что онъ не понимаетъ сказаннаго; послушникъ это замѣтилъ.

— Знаете, одна есть черта, пояснилъ онъ: если только за эту черту ступишь — ты ужъ неживой человѣкъ. Но мы всегда рядомъ съ чертою и не чувствуемъ, что тутъ же, за чертою проходятъ мертвые, заботясь о своихъ дѣлахъ по своему, а не по нашему.

Никодимъ теперь понялъ—и то, что говорилъ послушникъ, ему понравилось и захотѣлось еще спрашивать его.

— Скажите, Мароушинъ, спросилъ онъ: какъ относится къ вамъ отецъ Даміанъ?

— Отецъ Даміанъ меня не любитъ, просто отвѣтилъ послушникъ: а почему?—не знаю. Говоритъ, что я весь изъ грѣха и нѣтъ для меня спасенія..

— Но вѣдь это страшно. Отецъ Даміанъ святой человѣкъ. Онъ даромъ говорить не будетъ.

— Да, страшно.

— А нельзя ли умилостивить отца Даміана. Я къ нему поѣду и попрошу за васъ: пусть онъ помолится крѣпче, — его молитву Богъ слушаетъ.

— Безполезно. Богъ меня никогда не любилъ. Онъ меня безъ числа наказывалъ.

— Да, нѣтъ же! Богъ не такой, сказалъ Никодимъ, словно онъ зналъ, какой именно Богъ.

— Неужели вы дѣйствительно столь грѣшны? спросилъ опять Никодимъ.

— Очень грѣшенъ. Зато я землю чувствую и люблю. Вотъ какъ люблю.

Жестъ Мареушина былъ убѣдителенъ.

— И я землю люблю, сказалъ Никодимъ: только не знаю, какъ ее слѣдуетъ любить. Вы какъ любите?

— Я то? послушникъ улыбнулся, подыскивая сравненіе: ну вотъ такъ, какъ вы любите госпожу NN.

При упоминаніи о госпожѣ NN сердце Никодима и удивилось и заныло. Никодимъ поднялся и сѣлъ рядомъ съ послушникомъ.

Только теперь у него явился вопросъ, откуда послушникъ зналъ Арчибальда.

— Вы давно знаете Арчибальда? спросилъ его Никодимъ.

— Очень давно.

— А вы видѣли его... трупъ?

— Нѣтъ еще не видѣлъ. Мнѣ сказали, что онъ застрѣлился.

— Я былъ свидѣтелемъ этого.

— Вы? лицо послушника выразило испугъ и удивленіе.

— Да, я. Что-же въ этомъ удивительнаго? Такъ естественно.

— Я ничего не говорю. Но все-таки для меня это было немного неожиданно. Я видѣлъ сэра Арчибальда всего только вчера и никакъ не могъ бы подумать, что онъ сегодня разочтется съ жизнью.

— А я не удивился, сказалъ Никодимъ: я не любилъ сэра Арчибальда—быть можетъ, потому и не удивился?

— Никодимъ Михайловичъ, за что вы такъ возненавидѣли меня и такъ гнали—тамъ, на дорогѣ и въ монастырѣ? спросилъ послушникъ.

— Не знаю. Вѣроятно, потому, что вы мнѣ очень не понравились тогда.

— А теперь нравлюсь?

— Не то, чтобы нравились. А такъ... Послѣ того, какъ я побывалъ еще разъ у Лобачева и поговорилъ съ нимъ—многое стало мнѣ безразличнымъ.

— И госпожа NN? спросилъ послушникъ.

— Нѣтъ отвѣтилъ Никодимъ твердо—она-то не безразлична. То-есть чувство мое къ ней выросло.

— Она заманчива—госпожа NN, но она страшна.

— Ничего, увѣренно и еще тверже сказалъ Никодимъ: я не боюсь: моя мать еще страшнѣе.

— Я слышалъ о вашей матушкѣ.

— Отъ кого слышали?

— Отъ Лобачева же. Была у нея тяжелая, трудная жизнь.

— Вы знаете? тревожно спросилъ Никодимъ.

— Нѣтъ, слышалъ.

— Слышали только—ну это другое дѣло. Никодимъ успокоился. Время отъ времени онъ поглядывалъ на своего сосѣда. Послушникъ сидѣлъ, опустивъ лицо къ землѣ и раскапывая землю прутикомъ.

— Никодимъ, ты нездоровъ! Пошелъ бы ты лучше домой, сказалъ Валентинъ, подходя къ нимъ. (Онъ съ крыши дома видѣлъ, какъ Никодимъ грохнулся лицомъ въ землю).

— Нѣтъ, отвѣтилъ Никодимъ совсѣмъ ласково: я совершенно здоровъ. Садись лучше съ нами. Вотъ мы съ Ѳедуломъ Иванычемъ о тѣняхъ разговаривали. Здѣсь, знаешь-ли, по рубежу тѣни мертвыхъ ходятъ.

— Ну, конечно, ты не здоровъ. Какія тѣни? тревожно спросилъ Валентинъ и взялъ брата за руку.

Никодимъ отстранилъ эту руку очень любовно, поднялся и пошелъ опять къ лѣсу. Валентинъ хотѣлъ было пойти за нимъ вслѣдъ, но послушникъ удержалъ его:

— Не ходите, сказалъ онъ: вашъ братъ совершенно здоровъ только ему нужно успокоиться.

ГЛАВА XXX.

Лѣстница Актеона.

„Что это со мной?“ думалъ Никодимъ, уходя отъ послушника и Валентина: „спрашиваю всѣхъ безъ конца, а спросить не умѣю. Вѣдь Мареушинъ знаетъ что-то и про Лобачева и про маму и про Арчибальда; гораздо больше про Арчибальда знаетъ, чѣмъ сказалъ мнѣ“.

Никодимъ сошелъ съ бугра внизъ и остановился.

„Это все потому, что прямоты и твердости во мнѣ мало“, продолжалъ онъ размышлять: „просто непріятно мнѣ, когда Мареушинъ говоритъ о мамѣ или Уокеръ о госпожѣ NN—непріятно, что это они говорятъ, сами непріятные мнѣ. Другой на моемъ мѣстѣ давно бы выспросилъ обо всемъ—а я не могу: языкъ не слушается. И зачѣмъ около меня вертятся всѣ эти Лобачевы, Мареушины, Пѣвцовы, Уокеры и прочіе?“

„Мнѣ трудно. Но неужели я на самомъ дѣлѣ боленъ и Валентинъ правъ? Нѣтъ, я не боленъ. Я только усталъ очень и потому еще больше усталъ и разбитъ, что сегодня такъ много плакалъ. Мнѣ просто нужно выспаться хорошенько и тогда все пройдетъ. Вотъ и пойду спать“.

Чтобы привести послѣднее намѣреніе въ

исполненіе — слѣдовало бы идти къ дому; однако Никодимъ опять направился въ лѣсъ.

Уже немного оставалось до вечера, хотя было еще свѣтло. Но Никодиму казалось, что стемнѣться можетъ каждую минуту и лишь только стемнѣется—онъ сейчасъ же встрѣтитъ Уокера. Уокеръ будетъ глядѣть на него изъ-за вѣтокъ, какъ въ тотъ день, когда они столкнулись на берегу озера у камня, но будетъ стоять не подвижно и лицо его—блѣдное съ пятнами крови,—покажется очень страшнымъ.

„Не нужно бояться. Только не нужно бояться, думалъ Никодимъ: можетъ быть, покойники и дѣйствительно ходятъ, но всякій страхъ можно стерпѣть, всякую неожиданость признать, нисколько не подчиняясь ей притомъ. Ну хорошо: ты, мертвецъ, стой тамъ, держи свою голову неподвижно или кивай ею, а я пройду мимо. Со страшнымъ напряженіемъ воли надъ своимъ страхомъ, но пройду. Потому что если я не сдѣлаю этого напряженія надъ собою, то не смогу идти, упаду. А мертвецъ то на тебя тутъ и насядетъ“

Сердце Никодима отъ такихъ мыслей и смутнаго ожиданія холодѣло и учащенно билось: онъ придерживалъ его рукою.

Лѣсъ становился гуще и темнѣе; Никодимъ шелъ очень знакомою и памятною ему дорогою—только не замѣчалъ этого.

„Гдѣ я?“ спросилъ онъ себя.

Осмотрѣлся. Да вѣдь это та самая лощина, въ которой онъ когда то съ отцомъ увидѣлъ мертваго благороднаго оленя и онъ идетъ по ней, но идетъ тропинкой, которую въ прошлый разъ почему то не замѣтилъ.

Тропинка проложена не по дну лощины, а съ краю ея и густо обросла папортникомъ и другими высокими сочными травами; потому, когда станешь посреди лощины—тропинки не видно. Кромѣ того она стелется все на аршинъ-полтора выше, чѣмъ проходитъ дно потока, и оно съ тропинки кажется гдѣ-то далеко внизу.

А вотъ и благородный олень. Онъ лежитъ все такой же, съ самой весны и даже смраду отъ него нѣтъ; глаза не помутнѣли, хотя смотрѣла изъ нихъ смерть.

„Можетъ быть, и олень лобачевскаго издѣлія? Деревянный? спросилъ себя Никодимъ: оттого и не портится?"

Морда оленя пришлась въ уровень съ лицомъ Никодима, когда тропинка кончилась и Никодимъ долженъ былъ остановиться.

Онъ потрогалъ рукою шерсть оленя: шерсть была настоящая.

Въ лѣсу въ это время что-то зашуршало и треснуло сухимъ надломленнымъ трескомъ.

„Идетъ!" — отозвалось въ Никодимовомъ сердцѣ; сердце сжалось отъ боли и холодъ пробѣжалъ по поджилкамъ. „Спрятаться бы куда.

нибудь“, было второю его мыслью, или, вѣрнѣе, желаніемъ сердца. „Подземелье дайте, подземелье мнѣ нужно!“ закричало сердце, забезпокоилось, заметалось. „Здѣсь должно быть подземелье!“ Однако, подземелья не было.

Но никто не вышелъ изъ лѣсу. Никодимъ постоялъ, прижавшись къ отвѣсной стѣнѣ обрыва и осторожно отодвинулся.

Прямо передъ нимъ, въ травѣ, переплетшейся съ кустами, виднѣлись полусгнившія ступени лѣстницы; она вела на дно лощины. Никодимъ насчиталъ семь ступеней.

„Семь ступеней—семь цвѣтовъ радуги“ сказалъ Никодимъ и вмѣстѣ ему стало холодно и лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу: „красный цвѣтъ, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій, фіолетовый“, пересчиталъ Никодимъ сначала въ умѣ, потомъ по пальцамъ—будто и выходило, а какъ-то недостаточно вѣрно и нельзя было себя провѣрить. Отъ этой невозможности провѣрить стало немного досадно.

„Если проходить одну ступень за другою, думалъ Никодимъ: „что будетъ? Еще и вначалѣ увидишь весь міръ, но онъ будетъ краснымъ. То есть не совсѣмъ краснымъ; особенно: не по красному краснымъ—то есть такъ, какъ представляется мнѣ съ самаго начала—это и будетъ краснымъ; ступень дальше — станетъ оранжевымъ, совсѣмъ по новому. Еще дальше—

желтый, опять новѣе прежняго—и такъ далѣе: зеленымъ, голубымъ, синимъ, фіолетовымъ. Потомъ, когда станешь на землю—міръ будетъ настоящимъ, бѣлымъ. Тогда можно будетъ торжествовать. Никто не знаетъ, а эта лѣстница особенная. И не нужно, чтобы знали. Я одинъ буду ходить сюда".

„Потомъ дальше будетъ колодецъ, круглый, но такой, что только человѣкъ можетъ влѣзть. Если бросить камень, черезъ долгое время раздастся всплескъ воды. Колодецъ очень глубокій и въ немъ темно".

„Колодцы? Что такое колодцы? Насиліе надъ землей. Она нужную часть воды несетъ открыто, на поверхности, а часть скрываетъ, таитъ, потому что нужно такъ. Но человѣкъ не довольствуется открытымъ. Онъ насильно докапывается до воды. Развѣ земля любитъ и можетъ любить это?"

„Нѣтъ, это колодецъ безъ воды, сухой. Если бросить камень—раздастся стукъ, а не всплескъ. И туда, на дно, можно спуститься. Только не стоитъ. Лучше сидѣть смирно. Ахъ, надоѣло мнѣ все!"

Никакого колодца подъ лѣстницей не было: его рисовало воображеніе Никодима, но зато надъ головой Никодима по гладкому краю обрыва виднѣлась надпись, сдѣланная размашисто синимъ карандашомъ. Часть словъ была смыта дождями, а часть еще сохранилась и

хотя съ трудомъ, но можно было разобрать слѣдующія слова:

„...подобно... Актеону: онъ... моей женѣ... послѣ... смыслъ и присутствіе собственнаго сознанія... представилъ... терпи...

Дальнѣйшія три строчки окончательно стерлись: только синія пятна отъ нажимовъ карандашомъ обозначали еще ихъ путь.

Надпись была сдѣлана рукою Никодимова отца, но Никодимъ надписи не замѣтилъ.

Сидя на камнѣ и думая, онъ смотрѣлъ на большой кленовый листъ, снесенный вѣтромъ на дорожку: изъ-подъ листа все старалась выбраться запоздалая гусеница, но не могла никакъ: ее что-то приклеило къ листу. Пушистая, жирная—она извивалась, напрягала свои членики, поднимала желтую головку съ черными пятнышками и своими усиліями даже шевелила тяжелый листъ. Никодимъ безотчетно поднялъ ее вмѣстѣ съ листомъ, отдѣлилъ отъ листа и посадилъ на кустъ; листъ, выпущенный Никодимомъ изъ рукъ, полетѣлъ на дно лощины, кружась въ воздухѣ.

Темнота быстро надвигалась и становилось холодно. Никодимъ всталъ и пошелъ домой.

Онъ выбралъ дорогу напрямикъ черезъ лѣсъ и въ темнотѣ сбился съ пути. Проблуждавъ часъ, по меньшей мѣрѣ, онъ замѣтилъ привѣтливо мелькнувшій огонекъ и пошелъ на него.

Огонекъ вывелъ его на прогалину, все на ту же прогалину, на которой онъ былъ сегодня уже три раза,—къ тѣлу Уокера.

Понятые сидѣли у костра; лица ихъ ярко освѣщались огнемъ, но Никодима въ темнотѣ они не могли замѣтить. Ступалъ же онъ по землѣ очень тихо.

Понятые разговаривали. Младшій говорилъ старшему.

— Что ты думаешь—всѣ эти Ипатьевскіе испоконъ вѣку съ нечистой силой возились. Самъ знаешь, она-то сама къ такимъ напрашивается спервоначалу, а потомъ свяжутся и такъ понравится, такъ понравится—водой не разлить.

— Полно къ ночи то говорить всякое, зѣвнувъ и крестя ротъ, отвѣтилъ второй понятой.

— А вотъ наши видѣли на покосѣ прошлымъ лѣтомъ, какъ лобачевскій то управляющій ее гналъ. Она бѣжитъ-бѣжитъ, присядетъ, да потомъ, какъ заяцъ и сиганетъ съ одного маху черезъ поляну.

— Полно тебѣ! сказалъ опять второй, усовѣщивающимъ голосомъ: никто какъ Богъ одинъ.

— Перекрещусь—не вру, заговорилъ первый, горячась. Но въ это время изъ мрака передъ понятыми выросла фигура Никодима.

Они вскочили испуганные, дрожащіе. Можетъ быть, имъ показалось, что это была и душа покойника.

Но они тутъ же признали Никодима. Однако, появленіе его ихъ опять и удивило и устрашило, должно быть. Они перестали разговаривать.

Старый понятой потомъ сказалъ Никодиму, стоявшему молча.

— Не къ добру это, баринъ, что васъ все сюда ведетъ. Нехороша примѣта.

— Я заблудился, отвѣтилъ Никодимъ, и вышелъ на огонекъ. Теперь пойду къ дому. Пора спать.

Онъ говорилъ спокойно, немного усталымъ голосомъ, но словно ему не было никакого дѣла, что здѣсь, рядомъ лежитъ трупъ Уокера.

— Страшновато, замѣтилъ молодой: я не пошелъ-бы одинъ. Кто его знаетъ: за какимъ кустомъ стоитъ. А вдругъ схватитъ.

— И что ты, Ѳедоръ самъ на себя страхъ наводишь, сказалъ старый понятой, но такимъ голосомъ, что чувствовалось, что онъ боится еще пуще чѣмъ его товарищъ.

— Ничего не страхъ, отвѣтилъ тотъ излишне бойко и развязно: а только барину хорошій совѣтъ даю.

При послѣднихъ словахъ и у молодого застучали зубы.

Никодимъ зналъ, что ему нужно торопиться домой, но отъ всѣхъ этихъ словъ на сердцѣ и у него стало жутко. Онъ стоялъ и не рѣшался пойти.

Только сдѣлавъ очень большое усиліе, онъ шагнулъ въ сторону и скрылся во мракѣ.

Дома было весело и уютно. Въ столовой, при спущенныхъ шторахъ, зажегши всюду огни, сидѣли за кипящимъ самоваромъ Валентинъ, Евлалія и Алевтина, только что пріѣхавшія изъ города, и господинъ въ черномъ, по наружности и одѣянію актеръ.

— Здравствуйте Никодимъ Михайловичъ, сказалъ актеръ громко.

Никодимъ поглядѣлъ на него со стараніемъ припомнить, гдѣ онъ этого актера уже встрѣчалъ, еще совсѣмъ недавно.

— Мы познакомились на-дняхъ съ вами, въ одномъ имѣніи на праздникѣ, пояснилъ актеръ. Это былъ тотъ самый актеръ, что походилъ на Лобачева. Однако, Никодиму присутствіе актера стало уже безразличнымъ.

Потомъ пили чяй. Въ серединѣ чаепитія актеръ обратился къ Никодиму.

— Я къ вамъ по дѣлу, сказалъ онъ: не хотите ли вы вступить въ мою труппу на всю зиму?

Предложеніе было чрезвычайно неожиданно для Никодима, особенно оно не связывалось у него со всѣмъ тѣмъ, чему онъ былъ сегодня свидѣтелемъ и что самъ дѣлалъ и думалъ. Ему стало смѣшно отъ сознанія всей нелѣпости предложенія.

Онъ подумалъ-подумалъ и отвѣтилъ:

— Какъ-же такъ? Я никогда не игралъ. И почему вы обращаетесь ко мнѣ?

— Послѣ того, какъ я встрѣтилъ васъ тамъ—вы не выходили изъ моей головы.

— Нѣтъ, сказалъ Никодимъ: такъ прямо я не могу. Я поѣду съ вами, посмотрю, попривыкну и рѣшу впослѣдствіи. Необходимъ нѣкоторый опытъ.

А черезъ минуту Никодимъ уже не могъ бы объяснить почему онъ такъ легко согласился на предложеніе актера или что подтолкнуло его на это?

ГЛАВА XXXI.

Происшествіе въ театрѣ.

Черезъ мѣсяцъ Никодимъ уже свыкся съ кулисами; онъ еще ни разу не выступалъ передъ публикой, но уже разучилъ двѣ роли въ новыхъ драмахъ и подготовлялъ третью, которой окружающіе придавали особое значеніе; въ ней же онъ собирался и выступить на судъ публики.

Бываетъ такъ, что входишь въ новое дѣло и въ новое мѣсто—и въ дѣлѣ и въ мѣстѣ все кажется немного страшнымъ, потому что и то и другое неизвѣстно. Но проходятъ дни и человѣкъ мало-помалу привыкаетъ. Также и Никодимъ, привыкнувъ видѣть передъ собою каждый день и каждый вечеръ пьяненькаго,

го добросовѣстнаго суфлера, щеголеватаго театральнаго парикмахера съ черезчуръ нафабренной и слегка подкрашеной эспаньолкой, театральныхъ плотниковъ, — одного очень рыжаго, другого очень чернаго, въ грязныхъ бумазейныхъ рубахахъ, съ постоянно вываливающеюся подоплекою; перваго любовника труппы, примадонну и прочихъ и прочихъ, вмѣстѣ съ оборотною стороной декорацій и смѣшною вблизи бутафоріей — сталъ этому всему своимъ человѣкомъ, зажилъ одною съ нимъ жизнью.

Проходя между уборными артистовъ, онъ готовъ былъ подмигнуть встрѣчной, хорошенькой актристочкѣ на выходныхъ роляхъ — такъ здѣсь дѣлали всѣ! — хотя и не подмигивалъ. Но важно то, что готовъ былъ подмигнуть. Съ комикомъ Ивановымъ-Деркольскимъ собирался вмѣстѣ брать уроки игры на гитарѣ, а съ резонеромъ Никулашъ-Недвигайловымъ какъ-то сыгралъ даже семь партій на билліардѣ въ трактирѣ „Памятникъ Славы“ и заслужилъ отъ актерской братіи не малое одобреніе за эту игру.

Въ противоположность всѣмъ остальнымъ членамъ труппы у Никодима всегда были деньги; новоявленные товарищи и пріятели Никодима это знали и дорожили его дружбой.

Онъ пробовалъ сначала открещиваться отъ нихъ, но началъ постепенно сдавать, сталъ

больше думать о своихъ роляхъ чѣмъ о себѣ и у него выработалось сносное и простое отношеніе къ товарищамъ: онъ привыкъ или не замѣчать или прощать имъ ихъ грѣшки.

Наканунѣ своего перваго выступленія Никодимъ сильно волновался, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ кому либо доводилось изъ всей труппы когда либо. Весь спектакль наканунѣ дебюта онъ просидѣлъ въ первомъ ряду, внимательно ловя каждый жестъ, каждое движеніе своихъ товарищей, чтобы въ послѣдній разъ поучиться: себѣ онъ не совсѣмъ довѣрялъ; ему казалось, что на сценѣ онъ будетъ чужимъ человѣкомъ и публика это сразу замѣтитъ.

Первое выступленіе Никодима ознаменовалось необыкновеннымъ и ужаснымъ происшествіемъ. Происшествіе это было описано въ мѣстныхъ газетахъ (я забылъ сказать, что труппа, въ которой участвовалъ Никодимъ, играла въ одномъ изъ большихъ поволжскихъ городовъ), но, во-первыхъ газетамъ не позволили напечатать точное описаніе событія, а во-вторыхъ, даже если бы имъ и позволили говорить правду, то редакторы ихъ ни за что не рискнули бы предать тисненію всѣ тѣ разсказы, которые отъ очевидцевъ пошли по городу,—такъ какъ коллеги ихъ изъ другихъ городовъ упрекнули бы редакторовъ мѣстныхъ газетъ въ легковѣріи, а ихъ органы (вполнѣ серьезные), — въ пристрастіи къ сплетнямъ,

которыми позволительно пробавляться только желтой прессѣ. Во всякомъ случаѣ солидности и просвѣщенности ихъ газетъ пришлось бы выдержать очень строгій искусъ съ плохими шансами за благополучный выходъ изъ положенія. Итакъ, редакторы не рискнули бы.

Публика же, которая гораздо неосмотрительнѣе редакторовъ, потому что не чувствуетъ за собою обязанности давать отчетъ въ своихъ поступкахъ и словахъ, — говорила о происшествіи, освѣщая его подробно, и хотя среди публики также встрѣчались скептики, но они терялись въ общей массѣ и возраженія такихъ скептиковъ выходили негромкими.

Когда разсказы о происшествіи дошли до базарной площади, одинъ старичекъ, торговавшій книгами и картинами духовно-нравственнаго содержанія и давно ожидавшій свѣтопредставленія, сказалъ: „не иначе, какъ Антихристъ народился“ и заплакалъ горькими слезами.

Въ газетахъ же можно было прочесть только приблизительно слѣдующее:

„Вчера, 15 октября, въ нашемъ городскомъ театрѣ, во время представленія новой пьесы „Приговоренный къ казни“, о которой подробный отзывъ даетъ спеціальный нашъ сотрудникъ въ театральномъ отдѣлѣ, послѣ выхода въ послѣднемъ актѣ на сцену мало извѣстнаго гастролера Александровскаго, выступавшаго

въ нашемъ городѣ впервые, среди публики произошла паника, вызванная внезапнымъ появленіемъ огня надъ аванъ-сценой. Появленіе огня было слѣдствіемъ плохого устройства топки, какъ впослѣдствіи выяснилось. Но небрежность эта дороже всего обошлась публикѣ, которая пострадала и безъ пожара, во-первыхъ своими боками во время давки, а во-вторыхъ и кошельками, такъ какъ не увидѣвъ пьесу до конца, денегъ за билеты обратно не получила, несмотря на предъявленныя нѣкоторыми лицами изъ публики требованія.

Число пострадавшихъ приводится въ извѣстность."

Я обязанъ изложить происшествіе въ точности, откинувъ всѣ дошедшія до меня сплетни и слухи.

Никодимъ въ тотъ день съ послѣдней репетиціи пьесы направился къ себѣ въ номеръ гостиницы, чтобы отдохнуть до спектакля и въ тишинѣ еще разъ обдумать свою роль.

На площади у гостиницы его кто-то окликнулъ. Никодимъ осмотрѣлся, но не примѣтилъ никого, кто могъ бы издать возгласъ, обращенный къ нему. Зато на другой сторонѣ площади онъ увидѣлъ Ѳеоктиста Селиверстовича Лобачева. Лобачевъ шелъ быстро, нахлобучивъ каракулевую шапку и поднявъ воротникъ пальто; руки онъ заложилъ въ карманы и подмышкой несъ палку; смотрѣлъ въ землю,

никуда не оборачиваясь. За Θеоктистомъ Селиверстовичемъ шли четыре молодца; по всему было видно, что они сопровождали Лобачева, но за дальностью разстоянія Никодимъ не могъ разсмотрѣть ихъ хорошо.

Увидѣвъ Лобачева, Никодимъ обрадовался (онъ уже давно скучалъ по нему и даже хотѣлъ писать Θеоктисту Селиверстовичу письмо); обрадовавшись, побѣжалъ черезъ площадь за нимъ вдогонку, но когда перебѣжалъ на другую сторону, Лобачевъ успѣлъ свернуть за уголъ въ ближайшую улицу. Никодимъ тоже свернулъ туда, но на улицѣ уже ни Лобачева, ни спутниковъ его не увидѣлъ. Никодимъ подумалъ тогда, что онъ обознался.

Явившись вечеромъ въ театръ, Никодимъ передъ началомъ спектакля успокоился и только когда ему уже нужно было идти на сцену— снова очень заволновался. Комикъ Ивановъ-Деркольскій попробовалъ успокоить его словами, но изъ того ничего не вышло, и комикъ махнулъ рукой.

Быть одному на сценѣ, въ полумракѣ, среди свѣшивающихся сѣрыхъ суконъ, передъ совершенно чернымъ и неразличимымъ заломъ, какъ передъ пропастью—очень не легко. Нужно на то имѣть особенную душу и большую вѣру. Когда Никодимъ вышелъ—зрительный залъ жутко молчалъ.

Но вѣра къ Никодиму явилась быстро: онъ

твердо провелъ первые акты и въ третьемъ получилъ въ награду апплодисменты, еще не очень дружные, но явно одобрительные: очевидно его игра понравилась.

Нужно было начинать послѣдній актъ. По ходу пьесы Никодимъ долженъ былъ появиться на сценѣ одинъ, передъ помостомъ изъ досокъ, приготовленнымъ для казни. Герой трагедіи убѣжалъ изъ тюрьмы, но невольно ночью, пробираясь по городу самъ пришелъ на площадь къ возведенному для него эшафоту. Измученный душевными страданіями, онъ въ ту минуту понялъ, что единственный исходъ для него—смерть и добровольно взошелъ на помостъ, чтобы ждать палача. Все это было натянуто и нелѣпо, конечно,—но такъ было: актеръ обязанъ подчиняться драматургу всецѣло, иначе взаимодѣйствія между ними не будетъ.

Всходя на помостъ, Никодимъ скрестилъ руки на груди (ему казалось, что такъ будетъ лучше всего) и, взойдя, легъ навзничь, весьма смиренно, чѣмъ на публику произвелъ большое впечатлѣніе. Въ публикѣ пронесся едва различимый шорохъ.

Никодимъ такъ бы и пролежалъ сколько требовалось, а потомъ произнесъ бы нѣсколько словъ. Но только что онъ легъ—мучительная боль, начавшись въ головѣ у затылка, пронизала все его существо до кончиковъ пальцевъ на ногахъ и отняла у него языкъ.

Двое или трое изъ публики вдругъ крикнули тогда рѣзко и изступленно на весь залъ. Что они крикнули, разобрать было нельзя, но ихъ крикъ подхватили еще нѣкоторые и тутъ же онъ перешелъ въ общій вопль.

Всѣ, оставивъ свои мѣста—бросились къ выходамъ, не оглядываясь на сцену. Многіе не знали въ чемъ дѣло, но бѣжали не разбираясь. Произошла давка. Нѣсколько человѣкъ были раздавлены на смерть, другіе изувѣчены, но большинство только кричало отъ страха; груды тѣлъ, свиваясь, бились въ проходахъ въ темнотѣ и никто не могъ дать огня потому, что вѣдь это былъ не пожаръ, а совсѣмъ особенное.

Никодимъ же продолжалъ лежать неподвижно и то, отчего люди бѣжали приковывало его къ себѣ. Въ ту минуту это было для него очень небольшимъ и незначительнымъ—тогда онъ былъ способенъ на гораздо большее,—только огненное отраженіе его лица и скрещенныхъ кистей рукъ, то-есть того, что изъ его тѣла было неприкрыто одеждой—появилось и стало въ черномъ воздухѣ надъ авансценой. Отраженіе лица было неподвижно, руки не шевелились; глаза же въ огневомъ сіяніи самого лица не могли свѣтить.

Черезъ пять минутъ уже при зажженномъ свѣтѣ, когда смятеніе немного улеглось и отраженіе исчезло въ электрическомъ освѣщеніи,

нѣсколько человѣкъ явились на авансцену и отнесли молчавшаго и неподвижнаго Никодима къ нему въ уборную.

Лежа въ уборной на диванчикѣ, Никодимъ за стѣною слышалъ разговоръ двухъ актрисъ: комической старухи Подорѣзовой и примадонны Граціанской (онъ ихъ призналъ по голосамъ).

Примадонна говорила:

— Вы понимаете, что я не деревенская баба, чтобы вѣрить всему, что мнѣ скажутъ, но знаете ли, когда мнѣ сказали сейчасъ объ этомъ, то я невольно повѣрила. Онъ не только можетъ вводить въ заблужденіе всѣхъ своимъ видомъ—онъ способенъ создавать двойниковъ по собственной волѣ и отпускать ихъ въ люди.

— Что вы, матушка, говорите! со страхомъ въ голосѣ воскликнула старуха.

— Если это вы обо мнѣ разсказываете, закричалъ Никодимъ сквозь стѣнку:—вы говорите сущую правду. Двойника своего я уже показалъ одного—съ васъ хватитъ. Но я вамъ еще и не то покажу. Вотъ я васъ!!!

И застучалъ съ силой кулакомъ въ стѣну.

Дамы взвизгнули въ ужасѣ и выбѣжали изъ сосѣдней уборной вонъ. Одновременно съ ними выбѣжалъ и изъ уборной Никодима театральный парикмахеръ, приставленный къ нему для наблюденія: онъ перепугался едва ли не больше дамъ.

Въ дверь, оставленную парикмахеромъ открытой настежь, вошелъ вдругъ Өеоктистъ Селиверстовичъ Лобачевъ. Онъ былъ во фракѣ, съ бѣлой розой въ петлицѣ и съ сѣрымъ цилиндромъ въ рукахъ; лицо его сіяло радостью.

— Я вамъ раньше говорилъ, что ничего для васъ нѣтъ лучше, какъ идти на сцену, обратился онъ къ Никодиму; смотрите, какого успѣха вы достигли при первомъ же выступленіи.

— Очень радъ васъ видѣть, Өеоктистъ Селиверстовичъ, отвѣтилъ ему Никодимъ во весь голосъ, въ то же время стараясь вспомнить, когда Лобачевъ давалъ ему такой совѣтъ? И протянулъ по направленію къ Лобачеву руку, но Өеоктистъ Селиверстовичъ попятился, поклонился и вышелъ вонъ, держа цилиндръ въ рукѣ.

Тутъ въ уборную явились два врача, въ сопровожденіи антрепренера и нѣсколькихъ артистовъ. Врачи отдали распоряженіе отвезти Никодима домой въ гостинницу, а сами все время въ его присутствіи совѣтывались, не отправить ли его прямо въ больницу.

Но Никодима свезли все-таки въ гостинницу и оставили въ номерѣ съ сидѣлкой. Уже успокоившись совершенно и попросивъ себѣ горячаго чаю, Никодимъ подумалъ: „Все это пустяки. А нужно мнѣ съѣздить въ Палестину непремѣнно“, и, повернувшись на другой бокъ,

почувствовалъ легкую дрему. Засыпая онъ повторялъ въ мысляхъ: „въ Палестину, въ Палестину“.

Черезъ день въ мѣстныхъ газетахъ появилась замѣтка: „Невольный виновникъ паники, происшедшей въ городскомъ театрѣ на спектаклѣ третьяго дня, господинъ А., заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ въ тяжелой формѣ“.

Почему господинъ А. сталъ „невольнымъ“ виновникомъ паники—изъ предыдущихъ газетныхъ замѣтокъ нельзя было усмотрѣть. И что газеты подразумѣвали подъ этимъ?—до сего времени остается неизвѣстнымъ. Но Никодимъ ничѣмъ не заболѣлъ.

ГЛАВА XXXII.

Содомская долина.

У Никодима понемногу сглаживалось впечатлѣніе отъ прибытія въ Яффу, отъ пути въ Іерусалимъ, отъ посѣщенія Гроба Господня и другихъ святыхъ мѣстъ. Многое изъ увидѣннаго начинало забываться, нѣкоторыя частности въ воспоминаніяхъ принимали уже иной видъ, чѣмъ получили его впервые. Никодимъ ѣхалъ на мулѣ къ Мертвому морю.

Дорога подходила къ концу, но становилась все угрюмѣе и непривѣтливѣе: громоздились камни, раскаленные солнцемъ, не видно

было птицъ, людей, животныхъ и очень скудно произрастали растенія.

Сопровождавшій Никодима слуга-сиріецъ подремывалъ, свѣсивъ съ мула свои длинныя ноги—настолько длинныя, что когда въ дремотѣ онъ опускалъ ихъ невольно — онѣ цѣплялись за камни. Тогда онъ, ворча, поддергивалъ ихъ.

Сиріецъ этотъ явился къ Никодиму съ предложеніемъ своихъ услугъ еще въ Яффѣ. Онъ немного говорилъ по-русски и очень хорошо по-англійски, но въ лицѣ его и въ обликѣ сирійскаго было весьма мало — скорѣе онъ напоминалъ англичанина и Никодимъ даже подумалъ,—не отпрыскъ ли крестоносцевъ этотъ сиріецъ? Однако, самъ сиріецъ, спрошенный Никодимомъ о томъ, отговорился полнымъ незнаніемъ и, дѣйствительно, по выраженію его лица въ ту минуту, можно было думать, что крестоносцы для него звукъ пустой.

Онъ мало разговаривалъ и чаще всего мурлыкалъ пѣсенку, но за Никодимомъ присматривалъ очень внимательно и оказался добросовѣстнымъ слугой.

Къ Мертвому морю Никодимъ ѣхалъ не только по собственному желанію: въ Яффѣ ему подали письмо отъ Якова Савельича, который извѣщалъ его, что онъ сейчасъ живетъ въ Іерусалимѣ, но оттуда предполагаетъ ѣхать къ Мертвому морю и, если Никодимъ свобо-

день, пусть прiѣдетъ туда же, чтобы непремѣнно повидаться съ нимъ.

Дорога въ письмѣ была указана. Сирiецъ увѣрилъ Никодима, что онъ также знаетъ дорогу. Но теперь, задремавъ, онъ, повидимому, сбился съ настоящаго направленiя и, когда Никодимъ, наскучивъ некончающейся ѣздой, окликнулъ его—сирiецъ вздрогнувъ отъ неожиданности, протеръ глаза, осмотрѣлся кругомъ и сказалъ съ досадой: „мы не туда попали: напрасно я понадѣялся на муловъ".

— Что же будемъ дѣлать? спросилъ Никодимъ.

— Мы можемъ ѣхать наугадъ въ сторону, хотя это очень трудно, пояснилъ сирiецъ: лучше намъ ѣхать тою же дорогой—навѣрное куда-нибудь прiѣдемъ и спросимъ тамъ. Я не мѣстный житель. Я знаю только одну дорогу.

Никодимъ согласился. Они тронулись дальше и къ вечеру замѣтили у дороги одинокое строенiе обыкновеннаго въ тѣхъ мѣстахъ типа, бѣлое съ плоскою кровлей.

У порога жилища находились двое: очень старый еврей, съ сѣдой бородою до пояса, одѣтый въ черное, и молодой человѣкъ тоже еврейскаго типа, но въ клѣтчатомъ европейскомъ костюмѣ коричневаго цвѣта.

Старый еврей сидѣлъ на порогѣ, закрывъ глаза, и нараспѣвъ произносилъ молитву, а молодой съ веселымъ и привѣтливымъ видомъ

покуривалъ папироску и посматривалъ по сторонамъ.

За домомъ, запирая проходъ между двумя скалами, возвышались тяжелыя желѣзныя ворота, утыканныя по верху зазубренными желѣзными остріями. Ни одного растенія не было видно около дома—голый камень и песокъ повсюду.

Сиріецъ, ѣхавшій впереди, слѣзъ съ мула, и ведя, его въ поводу, направился къ молодому еврею.

„Дастъ ли господинъ путникамъ совѣтъ и ночлегъ?“ спросилъ его сиріецъ.

Еврей отвѣтилъ утвердительнымъ кивкомъ головы и сказалъ: „прошу пожаловать къ намъ“. Затѣмъ, обратившись къ старому еврею, добавилъ: „ты бы, Янкель, прекратилъ на время свое пѣніе: не всякому оно понравится. Къ намъ пріѣхалъ просвѣщенный господинъ“.

Старый еврей открылъ свои глаза, посмотрѣлъ на Никодима одно мгновеніе, снова закрылъ ихъ и продолжалъ пѣть.

— Войдите, господа! сказалъ молодой еврей, отворяя дверь въ жилище.

Никодимъ передалъ поводъ своего мула сирійцу и вошелъ въ домъ. По серединѣ первой комнаты стоялъ большой некрашеный столъ, на немъ находились два высокихъ глиняныхъ сосуда съ узкими горлами, лежалъ нарѣзанный бѣлый хлѣбъ, а кругомъ стола стояли

скамейки. Въ углу возвышалась конторка американскаго типа съ промокательной бумагой, густо закапанной чернилами; на ней были поставлены письменныя принадлежности.

— Вы изъ Россіи? спросилъ еврей, пытливо глядя на Никодима и уже по-русски.

— Да! отвѣтилъ Никодимъ радостно: а вы тоже изъ Россіи?

— Нѣтъ я изъ Берлина. Я раньше жилъ въ Россіи и былъ русскимъ подданнымъ. Теперь уже нѣтъ. Но родители мои и сейчасъ живутъ въ Бѣлостокѣ.

— Что же вы здѣсь дѣлаете?

— Я состою на службѣ.

— У кого же?

— Нѣтъ это не лицо. Это акціонерная компанія.

— Какъ же называется ваша компанія?

— Она не имѣетъ названія. Это анонимъ въ полномъ смыслѣ слова. Но мы обслуживаемъ, главнымъ образомъ, государственную власть почти всего міра. То есть тѣ правительства, разумѣется, которыя располагаютъ деньгами.

— Почему же вы здѣсь?

— Здѣсь находится одно изъ нашихъ учрежденій.

— Какое?

— Я не могу сказать. Не имѣю, собственно, права. Но я вижу, что вы человѣкъ порядоч-

ный и можете дать мнѣ слово никому не разсказывать объ этомъ въ теченіе двухъ лѣтъ.

— Хорошо. Я дамъ вамъ это слово.

— Слушайте. Я бѣдный еврей Лейзеръ Шмерковичъ Вексельманъ изъ города Бѣлостока, но я дѣлаю важное дѣло, потому что я еврей. Только еврею компанія могла довѣрить такое дѣло.

Онъ остановился на минуту, опять пытливо глядя на Никодима.

— Въ чемъ же дѣло? удивленно спросилъ Никодимъ.

— Есть разныя женщины, почти шопотомъ заговорилъ снова еврей: но только еврей можетъ знать, что такое женщина. И вотъ мнѣ поручили...

Онъ, очевидно, съ трудомъ находилъ соотвѣтствующія важности его положенія слова. Глаза еврея бѣгали по сторонамъ.

— Да, продолжалъ онъ, здѣсь за воротами находятся на полномъ моемъ попеченіи (не думайте, что тотъ старый Янкель мнѣ начальникъ: онъ долженъ только за опредѣленную сумму справлять за меня всѣ необходимые обряды: мнѣ самому некогда тѣмъ заниматься: у меня по горло работы),—такъ вотъ нѣсколько женщинъ, которыхъ нельзя было посадить въ тюрьму, но и нельзя было оставить на свободѣ. Онѣ мужеубійцы...

Еврей запнулся; будто сожалѣя, что онъ разсказалъ Никодиму такъ скоро все.

Никодимъ на его слова отвѣтилъ, желая помочь ему выйти изъ неудобнаго положенія.

— Мнѣ же это неинтересно—пусть акціонерная компанія. Мы ищемъ только отдыха и ночлега.

— Ахъ, нѣтъ, вовсе нѣтъ! засуетился еврей,—вы меня не понимаете, это очень важно: вѣдь здѣсь находится также и ваша жена.

— Дѣйствительно не могу понять, сказалъ Никодимъ, широко раскрывая глаза: я не женатъ, а кромѣ того если здѣсь мужеубійцы, то почему я живъ?

— Ахъ да! сказалъ еврей, почесывая подбородокъ: я забылъ вамъ сказать: ваша жена особенная. Она тоже мужеубійца, какъ остальныя, но по другому.

— Все же я рѣшительно ничего не понимаю, возразилъ Никодимъ: но если моя жена особенная, какъ вы говорите, то нельзя ли, во вниманіе къ этой особенности, позволить мнѣ взглянуть на нее хотя разъ? Гдѣ же она, въ другой комнатѣ что ли?

— Нѣтъ она вмѣстѣ со всѣми остальными за воротами. Тамъ долина и онѣ живутъ.

— Какая же долина?

— Хорошая долина. Все, что осталось отъ Содомской. Растенія, фрукты, плодородная земля—нельзя и сравнить съ тѣмъ, что у насъ

Я думаю женщины тамъ хорошо устроились—вы знаете, какъ умѣютъ устраиваться женщины.

— Да, я знаю, отвѣтилъ Никодимъ: но, голубчикъ, нельзя ли мнѣ попасть туда къ нимъ?

Еврей заколебался.

— Ну, прошу васъ, повторилъ Никодимъ.

— Господинъ Ипатьевъ—сказалъ еврей, называя Никодима по фамиліи, хотя до того въ его присутствіи Никодимъ еще не называлъ себя—вы поняли меня, вѣроятно? мнѣ очень хотѣлось передать вамъ все; что я знаю, вѣдь такъ трудно знать и не имѣть права кому либо разсказать объ этомъ. Я разсказалъ, но не сочтите, что я болтливъ. Янкель не долженъ знать ничего; слугу вашего я вижу первый разъ,—но кто онъ? какъ же я могу?

— Вы боитесь, что я разскажу. Но вѣдь вы же просили меня никому не говорить? И я далъ слово. Пожалуйста, успокойтесь.

— Я уже успокоился. Но душа моя будетъ больна если я васъ пущу туда. Еще третьяго дня—одинъ изъ насъ, мѣстный житель, изъ любопытства, а можетъ и по другому чему, прошелъ къ нимъ (я не замѣтилъ какъ) и больше не возвращался. Аа-ай, что съ нимъ?

— Что же съ нимъ могло случиться?

— Ахъ, вы не знаете этихъ женщинъ. Онѣ такъ ненавидятъ мужчинъ. Только дурного и жди отъ нихъ. Они его замучили до смерти, навѣрное, а потомъ съѣдятъ.

— Полно вамъ! Развѣ эти женщины людоѣдки?

— О, вы не знаете ихъ!

— Но все же пустите меня къ нимъ, просительно повторилъ Никодимъ.

— Я не могу васъ пустить! сказалъ еврей съ жаромъ, какъ бы сердясь на то, что Никодимъ не хочетъ его понять: развѣ можно это,— вы не вернетесь.

— Слушайте, вы умный человѣкъ, сказалъ Никодимъ, желая польстить еврею, такъ какъ видѣлъ, что прямымъ путемъ отъ него трудно добиться чего либо:—обсудимъ же положеніе.

— Хорошо обсудимъ, сказалъ еврей, садясь за столъ и приглашая Никодима сѣсть возлѣ. Никодимъ сѣлъ.

— Вотъ, началъ Никодимъ, вы боитесь Янкеля. Но вы скажете ему, что провели меня въ другую комнату, что я очень хорошо заплатилъ и просилъ меня не безпокоить, то есть не входить ко мнѣ. Янкель повѣритъ.

— Янкель повѣритъ? Можетъ быть. Но вѣдь это же до утра только. А когда утромъ онъ спроситъ?

— Я къ утру вернусь.

— А если не вернетесь?

— Тогда еще проще, вы скажете Янкелю, что я пропалъ неизвѣстно куда.

— Ай-ай, Янкель этому не повѣритъ.

— Почему же онъ не повѣритъ?

— Потому. Янкель видитъ на аршинъ сквозь землю.

— Ну нѣтъ, не безпокойтесь—я вернусь къ утру. Скажите, есть у васъ бритва? Я оставилъ свою въ Іерусалимѣ.

— Я васъ понялъ, воскликнулъ еврей, радуясь, что онъ дѣйствительно постигъ намѣреніе Никодима,—но вѣдь если вы пробудете дольше, чѣмъ до утра—борода отрастетъ. Но не подумали вы и о другомъ—гдѣ же мы достанемъ платье?

— Да, не подумалъ, сказалъ Никодимъ, разочаровываясь въ своемъ планѣ.

— Не горюйте, съ самодовольной улыбкой отвѣтилъ еврей: у меня есть платья—я кое-что припасъ: этимъ женщинамъ присылаютъ ихъ много, а я припряталъ—будто зналъ, что вы пріѣдете сюда. О, не даромъ бѣднаго Лейзера всегда считали проницательнымъ человѣкомъ. Еще папаша, когда я жилъ въ Бѣлостокѣ, говорилъ мнѣ каждый день: „ты Лейзеръ, будешь у меня самый умный и полезный ребенокъ. Садитесь господинъ Ипатьевъ—я васъ побрею. Я люблю помянуть старое—когда то въ Бѣлостокѣ—тамъ папаша имѣетъ двѣ собственныхъ парикмахерскихъ—мнѣ часто приходилось бривать.

Черезъ короткое время Никодимъ преобразился совершенно. Вексельманъ его начисто выбрилъ, подзавилъ ему пряди волосъ, пере-

рядилъ въ женскую одежду, выбралъ очень шедшую къ Никодиму шляпу—повертѣлъ его, повертѣлъ и, удовлетворенный результатами своей работы, сказалъ: „Готово!"

— Теперь пойдемте! попросилъ онъ, вывелъ Никодима другою дверью черезъ вторую комнату наружу, провелъ узкимъ каменнымъ коридорчикомъ къ калиткѣ, продѣланной въ скалѣ рядомъ съ воротами и остановился около нея.

— Я... я боюсь за васъ, сказалъ онъ, глядя Никодиму въ лицо, причемъ нижняя губа у него задрожала: вы не вернетесь.

— Вернусь, увѣренно отвѣтилъ Никодимъ.

— Всю ночь я не буду спать и буду стеречь у калитки. Когда вамъ придется вернуться, вы стукните два раза—я открою сейчасъ же. Но пусть женщины этого не видятъ. Если встрѣтите тамъ нашего слугу—молчите, чтобы онъ не выдалъ васъ. Берегите себя. Я открываю.

Онъ щелкнулъ замкомъ калитки съ такимъ видомъ, будто показывалъ замысловатый фокусъ. Калитка отошла небольшою щелью. Никодимъ ухватилъ калитку за край, потянулъ къ себѣ и прошелъ туда, въ сумракъ: дальше нужно было идти ходомъ, прорубленнымъ въ сплошномъ камнѣ; ходъ заворачивалъ влѣво.

Калитка за Никодимомъ защелкнулась. Первые шаги Никодимъ шагнулъ неувѣренно,

весьма колеблясь, но потомъ оправился и смѣло пошелъ впередъ.

Корридоръ кончился. У самаго выхода росли большими кустами розы. Онѣ были въ полномъ цвѣту. Надъ ними колыхались пальмы и тутъ же легкою струйкою падала изъ утеса холодная вода, убѣгая по каменному желобку вдоль дорожки. Никодимъ набралъ воды въ горсти и напился ея, она весьма освѣжила его.

Солнца Никодимъ за скалами не видѣлъ,— оно, вѣроятно, было уже недалеко отъ горизонта. Но въ воздухѣ не чувствовалось приближенія холода. А за кустами, у дорожки, невдалекѣ, склоняясь надъ куртинами и срывая цвѣты, стояла женщина въ бѣломъ и пѣла пѣсенку. Еще дальше Никодимъ увидѣлъ другую въ голубомъ. Долина-же, расширяясь постепенно уходила къ смутно-различимымъ гранямъ

ГЛАВА XXXIII.

Ночь въ долинѣ.—Мертвый городъ и деревянная башня.

Никодимъ подошелъ къ первой женщинѣ и поклонился. Его поклонъ выдавалъ въ немъ мужчину, но женщина должно быть этого не замѣтила. Никодимъ же почувствовалъ, что сдѣлалъ неловкость, сталъ извиняться, еще больше смутился и замолчалъ.

Первая женщіна была очень молода, стройна и высока ростомъ, одѣта въ бѣлое легкое платье съ нѣжно голубымъ воротникомъ, такими же обшлагами и поясомъ; она испуганно взглянула на Никодима свѣтлыми большими глазами. Ротъ у нея былъ маленькій, красивый, щеки покрыты слабымъ румянцемъ, бѣлокурые букольки выбивались изъ-подъ соломенной шляпы, а чулки и туфли были тоже бѣлые.

— Вы... сегодня только попали сюда? спросила она по-французски и запинаясь отъ неожиданности.

— Да только сегодня... пріѣхала, отвѣтилъ Никодимъ, тоже запинаясь. Онъ положительно не зналъ куда дѣвать руки и, право, никогда не предполагалъ, что такъ трудно будетъ держаться въ женскомъ одѣяніи.

Собесѣдница его оживилась.

— А здѣсь найдется для васъ очень хорошая комната. Вы англичанка? защебетала она.

— Да, англичанка, отвѣтилъ Никодимъ, пользуясь тѣмъ, что онъ сносно изъяснялся по-англійски.

— Пойдемте же, пойдемте, сказала она, беря его за руку и потащила за собою. Я познакомлю васъ со всѣми.

И она побѣжала. Никодимъ побѣжалъ рядомъ съ нею.

Она вывела Никодима на обширную пло-

щадку, обсаженную разнообразнѣйшими, но искусно подобранными, цвѣтами. По серединѣ многими струями, загорающимися въ послѣднихъ лучахъ солнца, билъ фонтанъ, далеко разбрасывая брызги и освѣжая ими воздухъ. На скамьяхъ, разставленныхъ повсюду, сидѣли женщины. Ихъ было до тридцати, онѣ или читали или занимались рукодѣліемъ. При появленіи Никодима и его спутницы головы всѣхъ повернулись въ сторону пришедшихъ не безъ любопытства.

— Наша цвѣточница привела кого то, сказала одна дама, уже почтенная, вставая и направляясь къ пришедшимъ. Глаза всѣхъ сидѣвшихъ при этихъ словахъ загорѣлись и всѣ заговорили разомъ свои привѣтствія.

Но взоръ Никодима былъ привлеченъ только глазами одной изъ нихъ, сидѣвшей у фонтана и глядѣвшей на него молча. Это была госпожа NN Никодимъ понялъ, что она узнала его и со страхомъ ждалъ, что будетъ дальше.

Госпожа NN вдругъ воскликнула веселымъ голосомъ:

— Ахъ, я знаю, кто это. Это госпожа Ипатьева изъ Россіи. Вѣдь мы встрѣчались, Нина Михайловна, обратилась она къ Никодиму.

Никодимъ только тогда вспомнилъ, что и онъ не подумалъ найти себѣ новое имя. Но къ восклицанію госпожи NN отнесся недо-

вѣрчиво. Богъ знаетъ, можетъ быть, она хочетъ посмѣяться надъ нимъ сначала и потомъ выдастъ его, подумалъ онъ.

Но она совсѣмъ не собиралась поступить такъ. Напротивъ, подошла къ Никодиму, приняла его изъ рукъ той, которую называли цвѣточницей, и крѣпко пожавъ ему руку, быстро сказала, но такъ, чтобы другіе не замѣтили.

— Пожалуйста, твердо ведите вашу роль.

— Да мы встрѣчались, отвѣтилъ онъ ей.

— Мы скоро будемъ ужинать. Вы раздѣлите съ нами первый ужинъ, а потомъ устроитесь здѣсь, сказала она и начала знакомить Никодима со всѣми остальными. Никодимъ не могъ запомнить ихъ именъ и черезъ минуту уже всѣхъ спуталъ. Въ головѣ у него осталось только, что здѣсь были и француженки, и американки, и англичанки, двѣ или три испанки, двѣ итальянки, одна индусска и одна японка.

Дѣлая реверансы, Никодимъ все же не переставалъ думать о томъ, что его ждетъ дальше.

Дамы, сидѣвшія на площадкѣ, вскорѣ стали собираться, чтобы идти къ ужину. Онѣ еще не успѣли привыкнуть къ Никодиму и не знали какъ лучше обходиться съ нимъ.

Госпожа NN уже не оставлявшая Никодима, подхватила его подъ руку и повела въ

столовую. Домъ, куда они вошли, оказался очень обширнымъ. Столовая, убранная цвѣтами, была въ два свѣта, съ расписнымъ потолкомъ. Гулъ шаговъ и голосовъ терялся въ комнатѣ гдѣ-то вверху и въ углахъ.

Но обитательницы этого радующаго, богатаго дома стали почему то невеселы и малоразговорчивы. Молча сѣли онѣ за столъ, уставленный различными яствами и напитками въ красивой и невиданной Никодимомъ посудѣ, и молча принялись кушать.

— Здѣсь всегда такъ... тихо и скучно? робко спросилъ Никодимъ.

— Нѣтъ, сказала госпожа NN, стараясь предупредить чей-либо отвѣтъ.

Пожилая дама, назвавшая первую женщину, увидѣнную Никодимомъ въ долинѣ, цвѣточницей, играла за столомъ роль хозяйки: угощала, напоминала то одной, то другой изъ сидѣвшихъ о различныхъ кушаньяхъ, хвалила ихъ. Когда подали какое-то мясное блюдо, она сказала, обращаясь къ Никодиму.

— Такъ какъ вы только сегодня прибыли и вѣроятно никогда не имѣли, въ противоположность намъ, возможности отвѣдать этого рѣдчайшаго кушанья—я положу первый кусокъ вамъ. Черезъ него вы войдете въ нашу дружную семью.

— Ну не очень-то дружную, замѣтила госпожа NN вполголоса.

— А... что же это за блюдо?... это не человѣческое мясо? опять очень робко спросилъ Никодимъ, вспомнивъ, что ему говорилъ Вексельманъ о пропавшемъ слугѣ. Въ ту минуту онъ слова Вексельмана принималъ въ серьезъ.

— Зачѣмъ вамъ знать? сердито отвѣтила ему почтенная госпожа: или вы хотите заводить здѣсь новые порядки?

Госпожа N N. дернула Никодима за рукавъ, но онъ почувствовалъ, что если возьметъ кусокъ въ ротъ—кусокъ этотъ непремѣнно станетъ ему поперекъ горла.

— Я, право, не знаю... я не могу, трясясь какъ листъ, пробормоталъ Никодимъ.

— Вы, должно быть, страдаете вегетеріанствомъ? гнѣвно спросила его почтенная госпожа.

— Нѣтъ... нѣтъ... я не страдаю вегетеріанствомъ, попробовалъ оправдаться Никодимъ, но куска все-таки не рѣшился взять.

Его выручила госпожа N N.

— Madame, прошу васъ, сказала она, обращаясь къ почтенной дамѣ: моя знакомая вовсе не вегетеріанка, но она очень устала съ дороги и не совсѣмъ здорова.

— Какъ хотите, отвѣчала почтенная госпожа: можете не ѣсть; только знайте, что завтра этого блюда я уже не могу вамъ дать.

И положила приготовленный кусокъ на другую тарелку.

— Я налью вамъ вина лучше, сказала госпожа NN и налила ему краснаго.

Никодимъ, отпивая глотокъ за глоткомъ, успѣлъ шепнуть своей собесѣдницѣ:

— Послѣ ужина мы поговоримъ?

— Да! отвѣтила она, но такъ громко, что многіе на нее посмотрѣли.

Когда ужинъ кончился и застучали отодвигаемые стулья, госпожа NN отвела Никодима въ темный уголъ.

— Развѣ можно вамъ здѣсь съ вашей бородой, воскликнула она шопотомъ и провела по его подбородку рукой, какъ бы желая знать насколько борода отрасла и не представляетъ ли она уже теперь опасности.

— Еще ничего, сказала госпожа NN, но ждать безумно. Милый мой, бѣгите, если знаете дорогу. И сжавъ страстно его руку добавила: „и меня возьмите съ собой“, вкладывая въ послѣднія слова все свое очарованіе.

— Да, я не могу здѣсь оставаться, сказалъ Никодимъ: я обѣщалъ вернуться къ утру. Вексельманъ и слуга ждутъ меня. Я долженъ торопиться. И здѣсь страшно.

— Торопитесь, торопитесь, повторила госпожа NN; если вы не хотите раздѣлить печальную участь попавшаго сюда на-дняхъ слуги.

— Идемъ, сказалъ Никодимъ: я знаю дорогу.

Они вышли изъ столовой никѣмъ не замѣченные. Никодимъ отыскалъ знакомую дорожку и быстро, быстро пошелъ: Госпожа NN едва поспѣвала за нимъ. Она сильно волновалась.

Въ наступившей темнотѣ, по звуку падающей воды и сильному запаху розъ, Никодимъ отыскалъ входъ въ каменный темный корридоръ и ощупью нашелъ калитку. Отыскавъ ее, онъ стукнулъ два раза.

Калитка раскрылась и выпустила ихъ на площадку. Но ничего не было въ этой площадкѣ схожаго съ тою, на которой Никодимъ вечеромъ оставилъ Вексельмана.

Эта площадка находилась въ концѣ широкой городской улицы, обставленной бѣлыми домами и освѣщенной большими фонарями съ молочнымъ свѣтомъ. Калитку за Никодимомъ и госпожею N N заперъ молодой человѣкъ—негръ, въ высокомъ бѣломъ тюрбанѣ, вооруженный холоднымъ богатымъ оружіемъ.

— Мы не туда вышли, съ досадой сказалъ Никодимъ, отступая къ калиткѣ, но негръ загородилъ ему дорогу съ краснорѣчивымъ жестомъ, который говорилъ одно: нельзя.

— Мы пропали, сказала госпожа NN упавшимъ голосомъ: навѣрное, войдя въ долину вы напились воды изъ источника у розовыхъ кустовъ? Зачѣмъ вы мнѣ не сказали? Теперь намъ нѣтъ выхода.

— Не волнуйтесь, я знаю, какъ спастись, отвѣтилъ Никодимъ твердо, увѣренный въ ту минуту, что онъ непремѣнно найдетъ выходъ и для себя и для своей спутницы.

Они пошли вдоль улицы совершенно пустынной, не встрѣтивъ ни одного живого существа, и на пути замѣтили домъ освѣщенный особенно ярко и доску прибитую на немъ у подъѣзда, гдѣ золотыми буквами по черному было написано: „Hôtel".

— До утра намъ лучше обождать въ городѣ. Я усталъ и вы тоже. Остановимся здѣсь, сказалъ Никодимъ госпожѣ NN.

Она кивнула головой, соглашаясь. Онъ раскрылъ дверь и, пропустивъ госпожу NN въ вестибюль, прошелъ за нею слѣдомъ.

Оба они боялись погони и уговорились, откинувъ излишнюю стѣснительность, ради безопасности переночевать въ одной комнатѣ, но Никодимъ такъ и не могъ заснуть до утра, а госпожа NN немного поспала.

Какъ только стало вполнѣ свѣтло, Никодимъ разбудилъ свою спутницу и сказалъ ей усталымъ отъ безсонной ночи голосомъ:

— Больше нельзя спать. Одѣвайтесь. У меня дурныя предчувствія: я боюсь опоздать.

Госпожа NN быстро одѣлась. Позвавъ слугу, Никодимъ уже переодѣвшійся въ мужское платье, которое онъ ночью досталъ отъ слуги, расплатился и черезъ минуту былъ съ

госпожей NN опять на улицѣ. Они пошли дальше отъ отеля, надѣясь выйти къ городскимъ воротамъ. Улица была также пуста, какъ и ночью и очень скоро кончилась; конецъ ее какъ разъ пришелся у воротъ. Тамъ стояли двое стражей. Путники весело поспѣшили къ нимъ въ увѣренности, что тѣ сейчасъ же откроютъ имъ ворота.

Но подойдя къ воротамъ и госпожа NN и Никодимъ вскрикнули разомъ отъ неожиданности и ужаса: оба сторожа были изуродованы проказой до послѣдней степени безобразія. Гнусавыми голосами закричали они, двинувшись путникамъ навстрѣчу и размахивая аллебардами. Намѣренія ихъ были ясны: они хотѣли отогнать путниковъ прочь или схватить ихъ.

Госпожа NN и Никодимъ побѣжали отъ нихъ вдоль городской стѣны. „Я не могу. Я упаду!“ задыхаясь на бѣгу повторяла госпожа NN: „отсюда нѣтъ выхода—я слыхала, про этотъ городъ... въ немъ только одни ворота, а за стѣною еще стѣна. Остановись... Милый... милый... я больше не могу бѣжать“.

И заливаясь слезами прижалась къ стѣнѣ.

Никодимъ остановился, но въ ту же минуту услышалъ крикъ людей и увидѣлъ, что нѣсколько человѣкъ бѣгутъ имъ наперерѣзъ. Между бѣжавшими были европейцы, но большая часть ихъ была похожа на арабовъ, въ

своихъ бѣлыхъ одеждахъ и чалмахъ. Они размахивали ружьями и палками и кричали всѣ, но что?—нельзя было разобрать.

Никодимъ съ растерянною, блуждающей улыбкой озирался по сторонамъ и смотрѣлъ на плачущую госпожу NN. И вдругъ онъ рѣшился на послѣднее, но единственное средство спасенія. Бѣжать назадъ было безсмысленно—тамъ ждали двое прокаженныхъ стражей и ворота были заперты. Но между Никодимомъ и госпожею NN и приближающейся вдоль стѣны толпой—находилась каменная лѣстница, ведущая на стѣну. Слѣдовало достигнуть этой лѣстницы раньше, чѣмъ толпа приблизится къ ней.

Схвативъ госпожу NN за руку и молча указавъ ей на лѣстницу, Никодимъ бросился впередъ изо всѣхъ силъ. Госпожа NN бѣжала не отставая—надежда уйти вернула ей силы

Путники достигли лѣстницы можетъ, быть, полуминутою раньше бѣжавшей толпы и, подъ проклятія преслѣдователей, взбѣжали на высокую стѣну. Часовой, расхаживавшій по стѣнѣ, выскочилъ имъ навстрѣчу, пытаясь копьемъ, загородить путь, но Никодимъ, схвативъ копье за конецъ съ такою силою откинулъ его въ сторону, что часовой не сдержалъ равновѣсія и полетѣлъ со стѣны въ городъ. Никодимъ же и госпожа NN, взбѣжавъ на стѣну, не раздумывая, бросились съ нея въ ровъ съ во-

дою. Воды во рву было немного, но она помогла имъ, такъ какъ падая со столь высокой стѣны они могли бы разбиться. Преслѣдователи тоже взбѣжали на стѣну, но не рѣшились соскакивать внизъ и, побѣгавъ по стѣнѣ, покричавши и помахавъ своимъ оружіемъ—побѣжали обратно, можетъ быть, намѣреваясь выйти воротами и вновь догнать бѣглецовъ.

Выбравшись изъ рва, Никодимъ и госпожа NN, совершенно мокрые, но весьма радуясь своему спасенію, побѣжали дальше, правда ужъ не такъ спѣша, какъ прежде. Они оказались въ обширномъ саду; среди зеленыхъ лужаекъ съ посаженными на нихъ пальмами и каштанами. Каштаны были въ цвѣту и бѣлыя шапки ихъ красовались вездѣ—и справа, и слѣва, и у рва только что оставленнаго позади, и у садовой ограды, возвышавшейся невдалекѣ.

Никодиму и госпожѣ NN такъ легко было бѣжать по этому саду, точно они не бѣжали, а летѣли. Ихъ сердца наполнило чувство совсѣмъ схожее съ тѣмъ, какое испытываетъ человѣкъ, когда онъ летитъ во снѣ.

— Какъ хорошо! сказалъ Никодимъ, крѣпко пожимая руку свое спутницы.

Она звонко и радостно засмѣялась, видимо очень довольная тѣмъ, что Никодиму хорошо. Никодимъ съ любовью поглядѣлъ на нее.

Они быстро добѣжали до садовой ограды. За оградой возвышалась высокая деревянная башня, суживающаяся къ верху. Остановившись у ея подножія госпожа NN сказала:

— Дальше не стоитъ бѣжать. Эти арабы не смѣютъ выходить изъ города—я знаю. Я бѣжала по саду только потому, что боялась ихъ ружей, но теперь хочу отдохнуть. Пойдемте въ башню.

Никодимъ стоялъ въ нерѣшительности. На лицѣ его ясно изображалось, что онъ не довѣряетъ ни здѣшнимъ постройкамъ, ни ихъ обитателямъ. Госпожа NN это увидѣла, усмѣхнулась и потянула его за руку. Лѣстница шла въ башнѣ винтомъ и было въ ней ступеней триста. Признаковъ жизни въ башнѣ никто не подавалъ.

Верхъ башни представлялъ собою открытую площадку съ четырьмя столбами по угламъ, для поддержки крыши; между столбами шла рѣзная деревянная рѣшетка, она же огораживала и отверстіе на полу, черезъ которое выходила лѣстница. Тутъ же стоялъ длинный разсохшійся деревянный столъ, скамейки—двѣ у рѣшетки и одна у стола, а на столѣ въ стеклянной маленькой вазочкѣ, наполненной водою были посажены полевые цвѣты на длинныхъ стебляхъ.

Все деревянное: столъ, скамьи, рѣшетка, половицы, столбы, почернѣло отъ дождей,

подгнило. Доски мочалились, мочала отдиралась съ пола длинными полосами. Но, несмотря на запущенность, видъ площадки былъ уютенъ и привѣтливъ: особенно красили ее простые цвѣты, поставленные на столъ.

— Какъ я устала и вся мокрая,—сказала госпожа NN, усаживаясь къ столу и кладя руки на колѣни. И взглянула при этомъ на Никодима веселымъ и лукавымъ взглядомъ.

— А правда это, спросилъ Никодимъ, стоя передъ нею, что слугу, попавшаго въ долину... замучили и съѣли?

— Если вы будете спрашивать о такихъ вещахъ я перекушу вамъ горло, отвѣтила она. Нельзя было понять въ шутку или серьезно были сказаны эти слова. Но вслѣдъ она засмѣялась и, пугая Никодима, оскалила свои зубы.

Никодимъ тоже засмѣялся.

— Мнѣ Вексельманъ сказалъ, началъ онъ: такое, что я подивился... онъ мнѣ сказалъ, что я.. женатъ... и моя жена будто съ вами... которая же была моя жена?...

Госпожа NN порывисто встала, положила свои руки на плечи Никодима и приблизивъ свое лицо къ его лицу, сказала полушопотомъ:

— Милый! ты очень глупый человѣкъ. Неужели ты до сего времени не догадался, что я... твоя жена. Ты не подумай, что я въ любви признаюсь... нѣтъ... я правду говорю.

———

ГЛАВА XXXIV.

Черный вечеръ.—Ключъ на горѣ.

Никодимъ возвратился въ имѣніе только въ августѣ слѣдующаго года, а передъ тѣмъ заѣхалъ въ Петербургъ, чтобы получить изъ градоначальства свой русскій паспортъ. Когда ему вернули его, онъ внимательно перелисталъ всѣ странички. чтобы удостовѣриться—дѣйствительно ли онъ женатъ. Съ одной стороны было смѣшно не помнить объ этомъ, но съ другой—Никодимъ давно пересталъ вѣрить своей памяти и дѣйствительности и недѣйствительности происходящаго.

Однако, въ паспортѣ не было никакихъ помѣтокъ. Усмѣхнувшись и не зная, что объ этомъ думать, Никодимъ отправился на городскую квартиру, гдѣ еще не былъ; онъ вѣдь такъ торопился получить паспортъ, что поѣхалъ въ градоначальство прямо съ вокзала, а вещи отослалъ домой съ посыльнымъ. Дома Никодимъ засталъ отца, и, поздоровавшись съ нимъ наскоро, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ; открылъ бюро и досталъ свое метрическое свидѣтельство; на оборотѣ свидѣтельства онъ прочелъ:

„Означенный въ семъ документѣ Никодимъ Михайловичъ Ипатьевъ сего 191* года іюля 5-го дня повѣнчанъ первымъ бра-

комъ съ вдовою полковника англійской службы Вильяма-Роберта Уокера графа N графинею NN, вѣроисповѣданія англиканскаго третьимъ бракомъ въ С.-Петербурской церкви 191* года іюля 5 дня.

Означенной церкви настоятель Протоіерей (подпись). Псаломщикъ (подпись)".

Тутъ же стояли печать церкви и номеръ бумаги—348.

Онъ не всплеснулъ и не развелъ руками: госпожа NN говорила ему о свадьбѣ не разъ и смѣялась надъ нимъ, когда онъ не хотѣлъ вѣрить тому, но, смѣясь, вмѣстѣ съ тѣмъ не желала и указать времени ихъ вѣнчанія. Теперь же Никодиму стало ясно, почему когда-то, очнувшись на своей квартирѣ послѣ долгаго безпамятства—онъ такъ упорно старался возстановить въ памяти, что съ нимъ было между потерей сознанія у госпожи NN и приходомъ въ него у себя на квартирѣ. Это что-то, значитъ, и было вѣнчаніемъ, значитъ просто-на-просто онъ болѣлъ горячкой дважды и только теперь не могъ отдать себѣ отчета, когда заболѣлъ ею вторично. Не могъ онъ вспомнить и обряда вѣнчанія и съ сожалѣніемъ думалъ о томъ.

Войдя въ столовую, онъ встрѣтился съ отцомъ совсѣмъ такъ, какъ тогда, послѣ своей болѣзни. И сходство этихъ двухъ встрѣчъ очень остро почувствовалъ. Подойдя

къ отцу и взявъ его за руки, Никодимъ спросилъ.

— Папа! отчего ты мнѣ не сказалъ о моей свадьбѣ съ госпожей NN?

Отецъ отвѣтилъ не сразу, будто онъ хотѣлъ сперва обстоятельно подумать, какъ слѣдуетъ отвѣтить, и потомъ сказалъ:

— Я не люблю госпожу NN. Она очень привлекательна, но я не люблю ее.

— Ты навѣрное не хотѣлъ сказать мнѣ о свадьбѣ, опасаясь что я опять заболѣю?

— Нѣтъ, нисколько, но я не желалъ и не желаю считаться съ нею.

— Почему же? спросилъ Никодимъ съ обидой и возмущеніемъ.

Отецъ вспыхнулъ до корней волосъ и отвѣтилъ рѣзко.

— О чемъ спрашиваешь? Ты еще, пожалуй, спросишь, почему я не люблю твою мать?

Но Никодиму стало жаль отца: онъ поглядѣлъ на старика съ болью въ сердцѣ и сказалъ:

— Я знаю твои несчастія и неудачи. Но по отношенію къ госпожѣ NN ты ошибаешься

— Нѣтъ, настойчиво заявилъ отецъ: она тебя не любитъ и только сводитъ съ ума на свою потѣху. Оставимъ этотъ разговоръ. Ну не сказалъ и ладно. Значитъ, такъ нужно было.

Старикъ повернулся и пошелъ къ двери.

— Папа! сказалъ Никодимъ: я любилъ и люблю госпожу NN, какая бы она ни была. И тебѣ, знаешь ли, сейчасъ не вѣрю. Или ты никогда не любилъ маму и она, покинувъ тебя, поступила правильно. Тогда ты просто не знаешь чувства любви.

Отецъ, не отвѣчая и не оборачиваясь, затворилъ за собою дверь.

— Папа, папа, закричалъ Никодимъ ему вслѣдъ: я знаю почему—ты просто влюбленъ въ госпожу NN и ревнуешь ее ко мнѣ.

Дверь пріоткрылась, отецъ показался на минуту на порогѣ, сказалъ: „глупецъ“ и снова захлопнулъ дверь.

По звуку отцовскаго голоса, Никодимъ понялъ, что предположеніе его было не такъ ужъ безосновательно, но тутъ же вспомнилъ о госпожѣ NN, о томъ, какъ она покинула его— неожиданно и обманно—, и сердцу стало грустно.

Съ душою вдругъ почувствовавшей свою пустоту и съ пустымъ взоромъ Никодимъ сталъ собираться въ имѣніе. Ему было уже извѣстно черезъ Евлалію, что Евгенія Александровна вернулась и снова живетъ въ имѣніи.

Выходя подъ вечеръ на платформу, онъ, какъ бывало и раньше, увидѣлъ на платформѣ кучера Семена, поджидавшаго барина. По выраженію глазъ слуги Никодимъ понялъ, что

тому и хочется сказать о возвращенiи Евгенiи Александровны и боязно вмѣстѣ—какъ-бы Никодимъ не разсердился.

Въ воздухѣ было душно и тревожно—передъ грозой. Пыльные столбы пробѣгали по дорогѣ. Мрачная туча тяжело поднималась изъ-за лѣса, а навстрѣчу ей шла другая—мрачнѣе первой. Обѣ онѣ клубились огромными клубами—черно-синими, бурыми и совсѣмъ черными—въ три слоя; проглядывавшее между ними голубое небо, смотрѣло тяжело и зловѣще. Стадо коровъ, предчувствуя бурю, жалобно мычало и жалось въ кучку. Мальчишка пастухъ еще беззаботно посвистывалъ, но когда Никодимъ проѣзжалъ мимо него, сказалъ:

— Будетъ грозишка маленькая, да еще съ градомъ.

— Въ сарай заберешься, отвѣтилъ ему Никодимъ.

— Въ сарай—не въ сарай, а подъ стогъ—какъ разъ. Пастухова спальня! бойко досказалъ пастухъ.

— Вотъ я покажу тебѣ стоги разворачивать, погрозился Семенъ.

Но пастухъ заложивъ руки въ карманы и покачиваясь сказалъ:

— За показъ деньги платятъ, а пастуху развѣ только уворовать. Другихъ доходовъ у насъ нѣтъ.

И засмѣялся вслѣдъ удалявшемуся экипажу.

Дождь настигъ Никодима недалеко отъ дома. Сначала, какъ и всегда, онъ капалъ крупными каплями—по одной, по одной то на поднятый верхъ экипажа, то на спину Семену и на руку Никодима и въ дорожную пыль, а потомъ, учащаясь, сразу перешелъ въ ливень. Семенъ, съежившись, принялся погонять лошадей, чтобы какъ можно скорѣе доскакать до дому. Въ это время мелькнула ослѣпительная молнія и раздался первый потрясающій ударъ грома.

Коляска проѣзжала по бугру, по тому самому бугру, на которомъ когда то Никодимъ и Марѳушинъ сидѣли вмѣстѣ у камня и еще раньше Трубадуръ выслѣживалъ проходившія тѣни.

Молнія зигзагомъ ударила въ бугоръ, у камня—и Никодимъ и Семенъ явственно видѣли, какъ стрѣла ея уткнулась въ землю. Лошади рванули отъ испуга и понесли; Семенъ, вскочивъ на козлахъ, изъ всѣхъ силъ старался ихъ успокоить, но тщетно. Только доскакавъ домой и ударившись съ разгону въ ворота двора, онѣ сразу остановились и присмирѣли, дрожа отъ страха всѣмъ тѣломъ.

— Ну-ну, будетъ, сказалъ имъ Семенъ, гладя коренника по мордѣ, боязливо дергавшейся.

Совсѣмъ мокрый Никодимъ пробѣжалъ

въ комнаты. Его первой встрѣтила мать. Никодимъ сразу замѣтилъ въ ней несомнѣнную перемѣну и эта перемѣна ему не понравилась. „Старуха"! сказалъ онъ себѣ, опредѣляя свою мысль о матери.

Мать встрѣтила его просто и радушно, но въ своемъ отношеніи къ ней Никодимъ почувствовалъ вдругъ необъяснимый холодокъ, словно онъ потерялъ часть уваженія къ Евгеніи Александровнѣ.

Какъ только онъ прошелъ къ себѣ наверхъ—поднялась туда же и она.

— Никодимъ, сказала она: я хочу съ тобою поговорить.

И совсѣмъ по старушечьи стала ему разсказывать, что денежныя дѣла ихъ плохи, что она затѣяла различныя улучшенія и нововведенія въ хозяйствѣ, начала каменныя постройки, но должна все это бросить, такъ какъ у нея нѣтъ денегъ, или же придется заложить имѣніе и что объ этомъ слѣдуетъ переговорить съ отцомъ.

— Что вы, мама, безпокоитесь, усмѣхнулся Никодимъ, глядя въ сторону: я дамъ вамъ денегъ сколько угодно—ихъ у меня много. Милліоны.

Мысли его были всецѣло заняты перемѣной, происшедшей въ Евгеніи Александровнѣ.

Потомъ повернувшись къ замолчавшей матери, онъ спросилъ.

— Мама! ты знаешь госпожу NN.

— Какъ же, сказала мать возбужденно: она здѣсь жила мѣсяцъ, дожидаясь тебя. А потомъ ушла къ Ѳеоктисту Селиверстовичу Лобачеву.

Послѣднія слова были произнесены такъ, что Никодимъ пристально заглянулъ матери въ глаза и подумалъ.

„Что съ тобою, голубушка? Почему тебѣ это такъ больно?“

Мать поднялась съ кресла, въ которомъ сидѣла и добавила раздраженно и укоризненно:

— Уходя она сказала мнѣ, что не можетъ жить безъ... мужчины.

— Неправда, спокойно и твердо возразилъ Никодимъ: она не могла такъ сказать, она иначе сказала—подумайте.

— Да, виновато поправилась мать: она сказала „безъ мужа“. Я ошиблась.

— Это совсѣмъ другое, замѣтилъ Никодимъ и добавилъ: Богъ съ нею. Я никому не судья—тѣмъ болѣе госпожѣ NN.

— Ты, можетъ быть, на улицу пойдешь, садъ и хозяйство посмотришь—дождь, кажется, пересталъ—сказала мать, желая перемѣнить разговоръ.

— Пойду, отвѣтилъ ей Никодимъ и поцѣловавъ ея руку, сошелъ внизъ. На выходѣ его встрѣтилъ Семенъ и сказалъ:

— Баринъ, а знаете, гдѣ тогда молнія то ударила?—на Бабьей межѣ, у круглаго камня. Говорятъ, ключъ тамъ открылся—дѣвки съ грибами бѣжали, такъ видѣли. Не хотите ли посмотрѣть сходить?

Бабья межа и была та самая на бугрѣ.

— Хочу, сказалъ Никодимъ.

Но тутъ снова начался ливень и лилъ-лилъ безъ конца, весь вечеръ. И весь вечеръ прошелъ оттого черным и невеселымъ, и въ природѣ и въ душѣ Никодима.

Только на утро, когда солнце снова ярко и тепло заблистало, Никодимъ вышелъ на дворъ и встрѣтился съ Семеномъ.

— Пойдемъ Семенъ на Бабью межу, посмотримъ ключъ, предложилъ ему Никодимъ.

— Сейчасъ соберусь, хомутъ положу на мѣсто, сказалъ Семенъ, чинившій въ ту минуту хомутъ.

Живо сбѣгалъ въ кучерскую и вернулся готовый. Они пошли.

Повсюду сбѣгали безчисленные ручейки отъ вчерашняго дождя и журчали-журчали. Бѣжалъ ручеекъ и по Бабьей межѣ, по бороздамъ, но не отъ дождя: ключъ дѣйствительно тамъ пробился—прозрачная вода веселой струйкой выходила изъ подъ камня и бѣжала внизъ, размывая землю, чтобы затѣмъ потеряться въ кустахъ.

Никодимъ и Семенъ постояли, поглядѣли.

Какъ-бы назвать этотъ ключъ? подумалъ Никодимъ, но не подыскалъ названія, хотя оно и вертѣлось у него на языкѣ.

ГЛАВА XXXV.

У Праматери.

Проживъ до половины сентября въ имѣніи, Никодимъ захотѣлъ повидать Ѳеоктиста Селиверстовича и въ одинъ прекрасный день собрался опять въ Петербургъ. Втайнѣ онъ надѣялся встрѣтить и госпожу NN, хотя наружно даже самому себѣ показывалъ, что встрѣчаться съ нею ему болѣе незачѣмъ. „Все, все исчерпано до конца и безъ возврата!" говорилъ онъ.

Дверь въ квартиру Лобачева за Обводнымъ каналомъ отворилъ Никодиму старичокъ, въ сильно разношенныхъ, но чистыхъ полосатыхъ панталонахъ, клѣтчатомъ легкомъ пиджачкѣ и съ шелковымъ клѣтчатымъ же платочкомъ, обмотаннымъ вокругъ шеи,—можетъ быть, слуга, а по виду словно и нѣтъ. Откуда то по всей квартирѣ разносился шумъ—говорило сразу нѣсколько человѣкъ, но что?—нельзя было разобрать. „Здравствуйте, здравствуйте" — зашамкалъ старичекъ (во рту у него не было многихъ зубовъ): „раздѣньтесь, позвольте я вамъ помогу," и снялъ съ Никодима пальто. „Почитай ужъ

всѣ собрались—васъ должно быть ждутъ? сказалъ онъ еще. „Какъ меня ждутъ?“ спросилъ Никодимъ: „да вѣдь я такъ...“ „Ахъ! такъ“—отвѣтилъ старичекъ: „ну тогда извините: обознался я, да и много сегодня народу.“ „А можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ ждутъ—кто знаетъ этого Лобачева?—необъяснимый человѣкъ,“ подумалъ Никодимъ.

— Къ кому же вы изволите? спросилъ старичекъ.

— А я къ Өеоктисту Селиверстовичу Лобачеву—что нѣтъ его?

— Батюшки, нѣтъ еще, нѣтъ пока, отвѣтилъ старичекъ: и не знаю будетъ ли. Вамъ, можетъ быть, сестрицу его повидать?

— А развѣ у него сестрица есть?—я не зналъ.

— Какъ же, какъ же! Глафирой Селиверстовной величаютъ красавицу нашу, сказалъ старичекъ, берясь за ручку двери, ведущей въ слѣдующую комнату.

— Постойте, удержалъ его Никодимъ: на что мнѣ, собственно, сестрица Өеоктиста Селиверстовича? Я его хотѣлъ видѣть. Вы лучше скажите мнѣ, когда онъ сегодня можетъ быть—я еще разъ зайду.

— Никакъ невозможно-съ, отвѣтилъ старичекъ: порядокъ у насъ такой, кому хоть и невзначай сказали про Глафиру Селиверстовну—долженъ человѣкъ ее повидать. Пойду доложу.

Никодимъ походилъ немного по комнатѣ и сѣлъ на продавленный диванъ, который все-таки былъ тамъ единственной мягкой мебелью.

Изъ залы шумъ и разговоры были слышны явственнѣе. Можно было понять, что говорятъ и мужчины и женщины и не одной комнатѣ Въ комнатѣ же рядомъ двое заговорили вдругъ такъ, что каждое слово ихъ стало слышно Никодиму.

— И совершенно напрасно вы такъ разсуждаете, сказалъ визгливый тенорокъ: если Мареушинъ не мужчина, то кто же вы тогда?

— Меня прошу не разсматривать, отвѣтилъ діаконскій хрипящій басъ: вы сами еще не лупа и не фотографическій аппаратъ. Что же касается Мареушина господина—то мнѣніе мое было, есть и будетъ о немъ непреклонно.

— Не понимаю, не изволю понимать, возразилъ первый: говоримъ съ вами мы чуть ли не полчаса, а вы такъ и не можете мнѣ объяснить. Уперлись на своемъ: не мужчина, да не мужчина.

— Потому что и объяснять нечего. Исторія сія всякому очевидна.

Дальше Никодимъ ничего не услышалъ, такъ какъ собесѣдники должно быть вышли въ другую комнату. Но слѣдомъ за ними

И вышелъ въ сосѣднюю комнату. Шумъ, ворвавшись въ переднюю черезъ растворенную дверь, донесъ до Никодимовыхъ ушей одну фразу: „ничего то вы не знаете, милостивый государь“ и тутъ же она оборвалась, какъ только старикъ дверь захлопнулъ. Черезъ минуту старичекъ вернулся и сказалъ:

— Выйдутъ сейчасъ, красавица-то наша. Просили обождать. Да что вамъ тутъ стоять— прошли бы въ залу.

Залой и оказалась та комната, въ которую только что старичекъ выходилъ. Въ ней возвышался у стѣны ґромоздкій очень старый рояль, по внѣшнему виду совершенно негодный къ употребленію; крашеные полы были застланы свѣжими половиками; въ плетеныхъ корзинахъ-вазахъ стояли фикусы, латаніи, виноградъ, завивавшійся вверхъ по стѣнѣ, по направленію къ старомодному купеческому трюмо. Передъ трюмо Никодимъ увидѣлъ два очень красивыхъ бронзовыхъ подсвѣчника, ярко начищенныхъ со вставленными стеариновыми свѣчами; стулья были простые, плетеные; тутъ же за столомъ, покрытымъ скатертью красной съ бѣлыми цвѣтами и со спутанной бахромой, пріютился мягкій диванъ съ продавленнымъ сидѣньемъ. На столѣ была поставлена большая керосиновая лампа съ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ; окна были плотно занавѣшены темными шторами.

впорхнули двое другихъ; именно впорхнули, судя по шелесту шелковой юбки и сдержанному смѣшку.

— Хи-хи, засмѣялся женскій голосокъ: а ты купишь мнѣ, Ванечка, синія шелковыя подвязки?

Вмѣсто отвѣта послышался поцѣлуй.

— Безстыдникъ. Не хапайте, гдѣ не слѣдуетъ, сказала она, вотъ я васъ по рукамъ...

И снова:

— Ванечка, а Ванечка, ты купишь мнѣ...

Дальше не было слышно: должно быть, она сказала ему что-то на ушко.

Тутъ уже захихикалъ онъ и сказалъ: „куплю."

Опять прозвучалъ поцѣлуй и затѣмъ птички выпорхнули.

Тяжелой поступью вошли снова двое. Одинъ говорилъ медленно и разсудительно, другой только слушалъ.

— По зрѣломъ разсужденіи, дочери Лота, конечно, грѣховныя дѣвицы. Но посмотрите, какъ сказано о нихъ въ Библіи. Нельзя не восхищаться той простотой, съ какою написатели сей священной книги рѣшали сложнѣйшіе вопросы. Поэтому...

Двери въ залъ распахнулись и на порогѣ показалась женщина.

Она была очень высока ростомъ—не ниже Уокера, полная, только не безобразной, а

красивой полнотой; бѣлотѣлая, румяная, съ алыми губами, голубыми глазами и русою пышной косой, убранной очень скромно. На ней было сѣрое простое, но шелковое платье и, накинутый на плечи, шерстяной платокъ; грудь на ходу подъ платкомъ сильно колыхалась, бедра были круты и мощны, а руки она держала скрещенными на груди; пальцы были украшены множествомъ перстней.

Сколько ей было лѣтъ?—трудно было опредѣлить. Можетъ быть, 25, можетъ 40, но возможно что и 50. Такъ, вѣроятно, выглядѣла Ева въ своей долгой жизни.

Она была безспорно красива—лѣнивой, положительной красотой. И добра. И нисколько не походила на своего брата, если только она дѣйствительно была ему сестрой.

— Здравствуй сынокъ, сказала она Никодиму, немного нараспѣвъ: мнѣ Ѳедосѣичъ доложилъ о твоей милости. Что же, прошу покорно гостемъ быть. У насъ каждому гостю свое мѣсто

— Здравствуйте, Глафира Селиверстовна, отвѣтилъ Никодимъ припомнивъ ея имя: благодарствуйте. Я къ Ѳеоктисту Селиверстовичу, собственно. Неудобно мнѣ къ людямъ незнакомымъ.

— Ничего, батюшка, не стѣсняйся. Я по глазамъ твоимъ вижу, что ты хорошій человѣкъ, а то я не позвала бы. Пойдемъ ужъ, не отговаривайся.

— Нѣтъ, Глафира Селиверстовна, возразилъ Никодимъ крѣпко (ему вовсе не хотѣлось идти, куда она звала, послѣ того, что онъ слышалъ за стѣной): я лучше посижу и подожду вашего брата.

Она разсердилась и вмѣстѣ не хотѣла показать этого.

— Какъ знаешь, сынокъ, сказала она: только у русскихъ людей не принято отъ соли-хлѣба уходить. Али не русскій ты?

— Почему не русскій? Русскій, разумѣется.

— А если русскій, чего-жъ въ претнкновеніе идешь?

— Не знаю, право, отвѣтилъ Никодимъ смущенно: я посидѣлъ бы тутъ... обождалъ... если нельзя—я пойду.

— Можно-то можно, сказала она уже несомнѣнно сердясь: а только неучъ ты. Ко мнѣ и не такіе люди подходятъ, чтобы ручку поцѣловать, а я ихъ на тронѣ принимаю. Я тебѣ уваженіе оказываю. На-кось—навстрѣчу вышла. Сиди ужъ, коли дурень неотпѣтый.

Повернулась и хлопнула въ сердцахъ дверью.

Никодимъ остался одинъ въ преглупомъ положеніи: сидѣть и ждать Лобачева, не зная, когда онъ придетъ и придетъ ли вообще—было дѣломъ не изъ особенно пріятныхъ. Уйти—казалось еще нелѣпѣе. Что же лучше: разы-

вать Глафиру Севиверстовну, извиниться передъ нею и остаться?

Онъ направился къ той двери, куда она вышла, пріотворилъ дверь и увидѣлъ за нею Глафиру Селиверстовну и еще двоихъ—мужчину и женщину.

Женщина сидѣла на полу, вполоборота къ двери, поджавъ подъ себя ноги, немного запрокинувъ голову и закрывъ глаза съ очень длинными черными рѣсницами. Блузки на ней вовсе не было, а рубашка у нея была спущена до пояса. Мужчина стоялъ сзади нея, на одномъ колѣнѣ; около него были разставлены баночки съ разными красками и кистями. Приблизивъ лицо свое къ обнаженной спинѣ женщины почти вплотную (должно быть, по близорукости), онъ расписывалъ ей спину сложнѣйшимъ цвѣтнымъ узоромъ, весь поглощенный этой работой. Ни онъ, ни женщина къ Никодиму не обернулись.

Глафира Селиверстовна сидѣла въ дальнемъ концѣ комнаты, на возвышеніи, подъ пурпуровымъ балдахиномъ, положивъ кисти рукъ на ручки кресла съ богатою рѣзьбой. Она молчала и глядѣла передъ собою неподвижно. Въ комнатѣ больше ничего и не было.

— Глафира Селиверстовна! сказалъ Никодимъ.

Она молчала попрежнему, глядя на него въ упоръ немигающими глазами.

— Глафира Селиверстовна, извините меня великодушно.

Она не шевельнулась, несомнѣнно, живая, но будто каменная и не желающая отвѣчать.

— Глафира Селиверстовна!

Никодимъ попятился къ выходу. Дверь за нимъ захлопнулась. Въ досадѣ, и въ удивленіи, но и съ обидой на сердцѣ, походилъ онъ опять по залу и снова сѣлъ на диванъ.

Вошелъ Ѳедосѣичъ.

— Красавица то наша изволятъ на васъ гнѣваться и говорятъ, что соли-хлѣба водить съ вами не желаютъ. Не хорошо-съ. Провинились очень, сказалъ онъ.

— Ну и что же! отвѣтилъ Никодимъ раздраженно: пойду къ себѣ домой.

— Нѣтъ, заявилъ Ѳедосѣичъ: домой вамъ еще рано. Вы же хотѣли еще монашковъ посмотрѣть.

— Какихъ монашковъ?

— Аѳонскихъ монашковъ.

— Ничего я не хотѣлъ. Кто вамъ сказалъ?

— Ѳеоктистъ Селиверстовичъ сказали. Нашъ то батюшка все знаетъ. Ужъ если сказалъ—значитъ вѣрно. Отговариваетесь, вижу.

— Ошибается вашъ батюшка, противился Никодимъ, но любопытство уже подталкивало его согласиться.

— Нечего разговаривать, заявилъ стари-

чекъ: пойдемте—я проведу васъ. Чернымъ ходомъ нужно.

И провелъ Никодима черезъ грязную и темную кухню на черную лѣстницу. Покорно сойдя внизъ, Никодимъ спросилъ:

— На дворъ?

— Нѣтъ, вотъ сюда, указалъ старикъ на подвалъ, зажигая взятый съ собою фонарикъ, свелъ Никодима еще на десять ступеней внизъ, закрутилъ-закрутилъ его по разнымъ переходамъ и корридорчикамъ и привелъ, наконецъ, въ большую безъ оконъ, но ярко освѣщенную комнату. За нею виднѣлась еще такая же.

По обѣимъ сторонамъ и той и другой комнатъ были сдѣланы двойныя широкія нары: проходъ по серединѣ оставался очень узкій, и на нарахъ грудами были навалены отдѣльныя части человѣческихъ тѣлъ—руки, ноги, головы, туловища, грубо сдѣланныя изъ дерева и еще грубѣе раскрашенныя. Между ними были и некрашенныя—болѣе тонкой работы.

— Вотъ, сказалъ Ѳедосѣичъ, беря изъ груды двѣ головы и поднося ихъ къ самому носу Никодима: узнаете?

— Узнаю, прошепталъ Никодимъ, блѣднѣя и не двигаясь: эти головы были такъ похожи на головы монаховъ, убитыхъ прошлою весною въ ихъ имѣніи.

„Ну конечно! вотъ голова отца Арсенія съ рѣзко очерченнымъ носомъ, тяжелой складкой губъ, пристальными глазами; борода черная, густая, подбородокъ крупный, говорящій о силѣ характера; и вторая голова безъ сомнѣнія Мисаилова: о ней ничего не скажешь: все въ ней бѣлесо, свѣтловолосо, костляво и невзрачно.“

— Да, вѣдь это же головы тѣхъ... убитыхъ, прошепталъ Никодимъ: у него не хватило голоса.

— Ничего не убитыхъ, разсердился старикъ, отбрасывая головы обратно въ груду. Нѣшто мы убивцы? Понадобилось и сдѣлали.

Потомъ смѣнилъ гнѣвъ на милость и сказалъ:

— Ѳеоктистъ Селиверстовичъ приказали вамъ передать, чтобъ изъ всѣхъ этихъ (онъ указалъ на части тѣлъ) выбрали, что вамъ понравится, если перемѣнить себя хотите. Сносу вамъ не будетъ. Душа прежняя останется, а тѣло новое.

— Да вѣдь это же все деревянное?—разсмѣялся Никодимъ.

— Какое деревянное, вскипѣлъ старикъ: закройте-ка глаза—я вамъ покажу, деревянное или нѣтъ.

— Вотъ такъ?—спросилъ Никодимъ, закрывая глаза.

— Нѣтъ ужъ мы васъ для вѣрности пла-

точкомъ повяжемъ, сказалъ старикъ, смоталъ со своей шеи шелковый платочекъ и завязалъ имъ Никодиму глаза.

— Теперь вашу ручку позвольте, попросилъ онъ, взялъ Никодима за правую руку и ткнулъ ею во что-то живое. Никодимъ ощупалъ это и ощутилъ настоящую человѣческую голову, отдѣленую отъ туловища.

Никодимъ въ страхѣ отдернулъ руку, а старичекъ въ тотъ же мигъ стащилъ съ него повязку. Передъ Никодимомъ снова лежали только деревянныя части. Онъ не зналъ, что думать.

— Выбирайте, повторилъ старичекъ мрачно.

— Выберу, рѣшился Никодимъ.

И принялся разрывать груду. Перерывъ все, онъ выбралъ самую лучшую голову, очень сильное туловище и хорошія руки и ноги. Выбравъ, отложилъ въ сторону и сказалъ старику.

— Вотъ это!

Ѳедосѣичъ посмотрѣлъ, повертѣлъ отобранное и сказалъ.:

— Нельзя вамъ этого брать. Не думалъ я, что вы такое выберете. Да и Ѳеоктистъ Селиверстовичъ не позволятъ.

— Я другого не хочу, заявилъ Никодимъ.

— Тогда позвольте васъ вывести вонъ, сказалъ Ѳедосѣичъ, взялъ Никодима подъ руку, закрутилъ-закрутилъ его опять по кор-

ридорчикамъ и переходамъ и вывелъ въ глубокій и обширный погребъ съ землянымъ поломъ. Дверь изъ погреба во дворъ была полуотворена, а къ двери вела очень шаткая и длинная деревянная лѣстница. Сверху пробивался свѣтъ блѣднаго утра.

Никодимъ пошелъ на свѣтъ, а старикъ, исчезая во мракѣ, сказалъ:

— Прощенья просимъ, не обезсудьте на угощеньи.

Глава XXXVI.

Туманъ, солнце и автомобиль.

Изъ дверной щели показалась женская голова и спряталась. Ступеньки подъ ногами Никодима заскрипѣли.

Поднявшись наверхъ Никодимъ оттолкнулъ дверь и увидѣлъ передъ собою госпожу NN.

Она стояла у входа въ погребъ, одѣтая въ черный англійскій костюмъ, показывавшій стройность ея фигуры: на свѣтлыхъ волосахъ у нея была темная шляпа съ чернымъ перомъ: въ правой рукѣ она держала кожаную сумочку, а лѣвой придерживала юбку, такъ какъ было сыро и грязно.

Надъ дворомъ висѣлъ довольно сильный туманъ.

— Я знала, что вы отсюда выйдете, ска-

зала она Никодиму: выводятъ всегда отсюда. И, я вижу, вы съ пустыми руками. Неужели вы отказались выбрать что-либо изъ предложеннаго?

— Не отказался, а выбралъ самое лучшее и мнѣ не дали его, отвѣтилъ Никодимъ.

— Самое лучшее—это я, заявила она: если же вы думаете, что я убѣжала отъ васъ—то это неправда. Кто могъ не дать?

— Къ сожалѣнію, правда, сказалъ Никодимъ.

— Не будемъ спорить. Я сегодня очень настойчива и рѣшительна. Ужъ не хотите ли вы, чтобы я доказала вамъ это поцѣлуемъ. Евгенія Александровна хорошій человѣкъ, но мы съ нею никогда не сойдемся и не сможемъ жить вмѣстѣ. Она слишкомъ русскій человѣкъ... А мнѣ очень нравится, что вы отобрали самое лучшее—я знаю васъ, добавила она вдругъ.

— Можетъ быть и такъ, согласился Никодимъ: но Ѳеоктистъ Селиверстовичъ влечетъ ваше вниманіе больше, чѣмъ я.

— Ошибаетесь, возразила госпожа NN: вѣроятно, вы восприняли мнѣніе Евгеніи Александровны?

Никодимъ почувствовалъ, что она говоритъ не совсѣмъ правду, но ничего не отвѣтилъ.

— Я сегодня очень своя, сказала она

опять: я вышла сюда затѣмъ, чтобы встрѣтить васъ и болѣе уже не отпускать никогда. Если вы будете меня гнать—я не уйду. Это потому, что я васъ люблю.

Онъ сощурился, глядя на нее, взялъ ее за руки, поочередно поднесъ ихъ къ своимъ губамъ и поцѣловалъ.

— Что же мы стоимъ здѣсь? спросилъ онъ: не лучше ли идти?

И они вышли черезъ раскрытыя ворота на улицу.

Туманъ молочно-бѣлый клубился надъ мостовой, но тамъ, гдѣ въ улицу входили другія улицы и переулки и лучи восходящаго солнца пробѣгая вдоль ихъ, врѣзывались въ туманъ—молочно-парныя его облака превращались въ синія и прозрачныя. На тротуарахъ, начинавшихъ уже оттаивать, выступали мокрыя пятна. Было свѣжо, пахло чистымъ воздухомъ и шаги гулко отдавались всюду.

— Идти далеко, сказалъ Никодимъ, извозчиковъ тоже нѣтъ.

На перекресткѣ стоялъ автомобиль. „Шофферъ—крикнулъ Никодимъ: я давно тебя ищу. Нужно скорѣе ѣхать“.

— Нельзя, сумрачно отвѣтилъ шофферъ: приказано ждать.

У Никодима явилось непреодолимое желаніе подшутить надъ нимъ и ввести его въ заблужденіе.

— Кого же ты ждешь? спросилъ Никодимъ.

— Не знаю кого—господинъ Лобачевъ приказали.

— Ахъ! восклицаніе у Никодима вырвалось невольно; послушай, да вѣдь господинъ Лобачевъ и приказалъ тебѣ ждать именно насъ. Это тотъ Лобачевъ, что живетъ на N—ской улицѣ въ домѣ № 13—15?

— Тотъ самый.

— Ну и подавай.

Шофферъ подалъ. Подсадивъ госпожу NN и усѣвшись самъ Никодимъ захлопнулъ дверцу.

— На Сергіевскую, сказалъ Никодимъ.

Всю дорогу госпожа NN молчала и только жадно прижималась къ Никодиму. Молчалъ и Никодимъ.

У подъѣзда второго Ипатьевскаго дома на Сергіевской они вышли.

Тумана уже не было; солнце свѣтило ярко и радостно, но еще не успѣло согрѣть воздухъ

Живо взбѣжали Никодимъ и госпожа NN наверхъ. Скинувъ жакетъ, госпожа NN проскользнула въ кабинетъ Никодима. Когда Никодимъ вошелъ, она уже сидѣла на греческомъ ложѣ, возвышавшемся по серединѣ комнаты и покрытомъ сѣро-синимъ бархатнымъ покрываломъ съ тяжелыми золотыми кистями.

Одну ногу госпожа NN подобрала подъ себя; другую, въ черномъ чулкѣ, сквозь который просвѣчивало тѣло, она охватила руками

и, слегка покачиваясь, улыбалась. Такъ садиться непринужденно и дерзко-кокетливо было неотъемлемой ея манерой.

— Вотъ я и дома, сказала она: мы будемъ хорошо жить и не станемъ больше ссориться другъ съ другомъ.

— Развѣ мы ссорились когда? спросилъ Никодимъ и незамѣтно отвернулся. Красота и легкость движеній этой женщины дразнили его воображеніе, волновали его, но ему трудно было слушать ея совсѣмъ неожиданную и непонятную болтовню, подъ которой Богъ знаетъ, что могло таиться,— несознаваемое ею, но страстное и безумное.

Что я могу добавить? Кой-кто говорилъ въ обществѣ, что Яковъ Савельичъ умеръ, оставивъ свои богатства Никодиму и что поэтому у Никодима появились столь крупныя средства. Но я не совѣтую вѣрить этому—Яковъ Савельичъ весьма выдающаяся личность и не можетъ уйти изъ жизни незамѣтно, не сыгравъ крупной роли въ надвигающихся событіяхъ. Думаю, что онъ еще живъ, хотя мнѣ извѣстно, что Никодимъ дѣйствительно получилъ возможность располагать капиталами чудаковатаго старика.

Оглавленіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
